

II-10.
D-158.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. Песоцкимъ, ПОДЪ РЕДАКЦІЮ О. А. Коки.

1847
1107

1847.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКАГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

РЪШЕНІЯ

И

ПАТЕНТЪ

ТЕАТРОВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 юня 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

2109

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Редакціи Печатнаго Училища Комитета Народнаго Просвѣщенія.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАИТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

VI.

РЕДАКТОРЪ: О. А. Кони.

ИЗДАТЕЛЬ: М. Песонкiй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. Женатые повѣсы, или дядюшка ищетъ, а племянничекъ рыщетъ. Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Пер. съ фр. А. Андреева 3
2. При счастья браяются, при бѣдѣ мирятся. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Пер. съ фр. П. Федорова 29

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

- I. Итальянскія чудеса. Рязскаѣ Иванова 101-го. 1
- II. Заговоръ противъ городничаго. Сцены изъ уѣздной жизни. А. Надеждина 1
- III. Біографія. Торквато Тассо, (статья Лу Гента) 1
- IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ.

1. Сосѣдка Н. Грекова.
2. Опустѣлый домъ. В. Воинова.
3. Осель. Н. Кирилова.
4. Общественное мнѣніе. Д. Ленскаго.
5. «Въ часы мечтаній одинокихъ» Н. Грекова
6. Изъ Виктора Гюго:

а. «Безмолвно я стоялъ.	}	Н. Гре-
б. «Порою лѣтнею.		
в. «Когда я къ чашѣ.		
г. «Цвѣты иль мотыльки.		
д. «Въ томъ сумрачномъ саду»		

кова. 7

V. ЮМОРИСТИКА.

Иванъ Ѳомичъ Вилочка возвратился на родину 1

VI. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Парижъ. — «Парижскій ветошникъ» Феликса Пиа. — «Погоня за наслѣдствомъ» Виенне. — «Слуга Модистки» Клервилля. — «Виконтесса Лолотта» Балра и Дюмануара — «Любитель древностей» Антони Туре. — «Супружескія испытанія» Денри и Клервилля. — «На удачу» Проспера Пуатевена. — «Букетъ инфанты» Плана-ра и Левена, муз. Бойельдые. — «Майренскій базаръ». — «Спрятанный кавалеръ и дама подъ покрываломъ;» Кальдерона 16

Лондонъ. — «Царица Фей», балетъ Альбера 21

Вѣна. — «Невольница» Мозенталла 23

VII. СМѢСЬ.

Поэтъ-мономанъ. — Источникъ Шекспирова Венеціанскаго купца. — Женни Линдъ въ Лондонѣ. — Воспоминанія о г-жѣ Марсь. — Жакъ-Фроманталь Галеви. — Лютеръ музыкантъ. — Леверье 27

Разныя разности.

VIII. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ:

1. Кишиневскій театръ. — 2. Саратовскій т. — 3. Кременчугскій т. — 4. Астраханскій т. — 5. Одескій т. — 6. Ярославскій т. 75

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ЖЕНАТЫЕ ПОВѢСЫ,

ИЛИ

ДЯДЮШКА ИЩЕТЪ, А ПЛЕМЯНИЧЕКЪ РЫЩЕТЪ.

КОМЕДИЯ—ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переводъ съ Французскаго.

А. Н. АНДРЕЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сигизмундъ Галубе	Г. Максимовъ 1.
Зоя, жена его	Г-жа Жулева.
Тюпинаръ, торговый приставъ	Г. Каратыгинъ 2.
Фризонъ, прикащикъ изъ магазина.	Г. Марковецкій.
Ламуше, писарь.	Г. Воробьевъ.
Флорета, швея	Г-жа Цветкова.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Тюпинара.

(Представлена въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ, 16-го
Мая 1847 года, въ бенефисъ г-да Смирновыхъ 1-го и 2-го).

(Театръ представляет небольшую комнату, три двери, каминъ, на третьемъ планъ окно, столы, стулья и проч. мебель).

Я В Л Е Н І Е I.

Зоя, потомъ Фризонъ.

зоя (сидитъ на-право и работаетъ,) Что это! скоро ли придетъ дялюшка! вѣчно на своей голубятнѣ, неужь-ли эти голуби по сихъ перъ ему не падошли! По милости ихъ, я теперь все одна; ужь купилъ бы и мнѣ хоть какую нибудь обезьяну для развлечения.

фризонъ (входя въ дверь въ глубинѣ). Она одна! Я блаженствую!
зоя. Кто тамъ?

фризонъ. Это я-съ! Сударыня!

зоя. А, кажется прикащикъ изъ магазина двухъ попугаевъ.

фризонъ. Одинъ изъ нихъ, сударыня! тотъ самый, который живетъ единственно для услугъ вашихъ, для угожденій вашихъ, на о чемъ не думаетъ кромъ васъ, ни на-кого не смотреть, кромъ васъ, и еще сегодня по утру приносилъ вамъ напоказъ новое платье.

зоя. Знаю, знаю, я вамъ очень благодарна, это платье мнѣ очень нравится.

фризонъ. Какъ я этому радъ! еслибъ вамъ было угодно, я принесъ бы еще вамъ нѣсколько образчиковъ; у насъ на дняхъ получены новыя и самыя лучшія.

зоя. Благодарю васъ, но мое состояніе не позволяетъ мнѣ слишкомъ предаваться роскоши.

фризонъ. Ахъ! помилуйте, ваше состояніе нисколько не по-

мѣшаетъ вамъ имѣть платье... нѣсколько платьевъ... и даже все что вамъ нужно, — чѣмъ я вамъ могу служить.

зоя. М. Г., у меня есть мужъ; онъ одинъ можетъ заботиться обо мнѣ.

фризонъ. Какъ? вы замужемъ?

зоя. Что же васъ такъ удивляетъ?

фризонъ. Но вы всегда и вездѣ одинъ, въ магазинахъ одинъ, на гуляньѣ одинъ, дома одинъ, и еслибъ я теперь сюда не пришелъ, вы тоже были-бы одинъ.

зоя. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? моего мужа здѣсь нѣтъ, онъ уѣхалъ путешествовать.

фризонъ. Путешествовать! О, я этого никогда бы не сдѣлалъ! я на его мѣсть, разсуждалъ бы такъ: у моей жены прекрасные глаза... въ Парижъ есть прикащики, у нихъ есть тоже глаза, они могутъ увидѣть глаза моей жены и...

зоя. Не слишкомъ ли ужъ это сударь? я это могу принять за объясненіе.

фризонъ. О, я и не стараюсь васъ увѣрить въ противномъ; согласенъ, что оно немножко темно, — но все таки....

зоя. Вы слишкомъ дерзки, сударь... Еслибъ васъ услыхалъ мой дядюшка...

фризонъ. А вы знаете, что мнѣ дѣла нѣтъ до вашего дядюшки! я знаю только, что г. Тюпинаръ служить по торговой части, что онъ никогда не бываетъ дома, и я его за это уважаю.

зоя. Вы ошибаетесь! онъ даже и теперь дома, онъ на своей голубятнѣ.

фризонъ. Онъ занимается голубями! превосходно! прекрасно! ха, ха, ха! у такой прекрасной племянницы, дядюшка голубятникъ. Ха, ха, ха!

зоя. Замолчите, сударь!.. Ахъ Боже мой! Сюда кажется кто-то идетъ.

фризонъ (*продолжалъ*). Небезпокойтесь, прелестная Зоя... Ваши обворожительные глазки...

зоя. Это дядюшка; уйдите, уйдите поскорѣе.

фризонъ (*также*). У меня также есть глаза.

зоя. Да уйдите же. Вотъ сюда по маленькой лѣстницѣ.

фризонъ (*переходя на-право*). Теперь я уйду... но потомъ... Я еще принесу вамъ образчики.

зоя. Я вамъ это запрещаю! ненадо!
 Фризонъ. Непременно принесу. (Цѣлуетъ ей руку.)
 (Тюпинаръ показ. изъ дверей на 5-мъ планъ.)
 зоя. Убирайтесь же. (Толкаетъ его вонъ и запираетъ дверь.)

Я В Л Е Н І Е II.

Тюпинаръ и Зоя.

тюпинаръ (всторону.) Мужчина! Я видѣлъ здѣсь мужчину!

зоя (всторону.) Кажется онъ его не замѣтилъ?

тюпинаръ. Зоя!

зоя. Что вамъ угодно, дялюшка?

тюпинаръ. Кто этотъ голубчикъ?

зоя. Какой, дялюшка?

тюпинаръ. А вотъ, который сію секунду отсюда вышелъ!

зоя. Ахъ, извините дялюшка! это былъ прикащикъ изъ ма-
 газина, который мнѣ принесъ новое платье; и вообразите, онъ
 вздумалъ-было со мною любезничать, а я его просто выгнала!

тюпинаръ. Однакожь, я слышалъ что-то въ родъ поцѣлуя.

зоя. Да, онъ только цѣловалъ мнѣ руку, дялюшка.

тюпинаръ. Только! впрочемъ въ твоемъ положеніи это поз-
 волительно, я прощаю тебя!

зоя. А мой мужъ?

тюпинаръ. Твой мужъ! да знаешь ли ты, что еслибъ я
 былъ его женою, то онъ давно бы уже не-былъ моимъ мужемъ.

зоя. Что вы это говорите, дялюшка? вы ли это мнѣ вну-
 шаете такія вещи.

тюпинаръ. Твой мужъ, просто злодѣй, вѣтрогонъ, который
 послѣ трехмѣсячнаго супружества бросилъ тебя на собственный
 произволъ.

зоя. Чтожь дѣлать, дялюшка? онъ говорилъ, что какія-то
 важныя дѣла его требовали.

тюпинаръ. А ты повѣрила; а знаешь ли, гдѣ онъ теперь?

зоя. Нѣтъ, дялюшка!.. Гдѣ же?

тюпинаръ. То-то же и есть; здѣсь въ Парижъ!

зоя. Мой мужъ въ Парижъ? не можетъ быть!

тюпинаръ. Онъ ужъ здѣсь слишкомъ двѣ недѣли, я этого не хотѣлъ—было прежде тебѣ говорить. Онъ предается всѣмъ распутствамъ и порокамъ: надѣлалъ тьму долговъ.

зоя. И вы это навѣрно знаете?

тюпинаръ. Чортъ возьми! я имъю приказаніе его задержать. Меня убѣдительно просили!

зоя. И вы вѣроятно отказались, милый дядюшка!

тюпинаръ. Напротивъ! Я бы съ охотою это исполнилъ, еслибъ онъ попался мнѣ въ руки.

зоя. Но я увѣрена, вы этого не сдѣлаете! онъ вашъ племянникъ! и не можетъ ли быть, что онъ вовсе не такъ виноватъ, какъ говорятъ о немъ?

тюпинаръ. Какъ, ты его защищаешь?

зоя. Нѣтъ, дядюшка, но я увѣрена, что онъ меня любитъ, любить только одну.

тюпинаръ. Онъ тебя любитъ! зачѣмъ же онъ скрывается отъ тебя? онъ кажется знаетъ, что мы здѣсь въ Парижѣ.

зоя. Вѣроятно у него есть на это причины.

тюпинаръ. Онъ тебя любить и не знаетъ, что ты теперь въ домъ своего дяди.

зоя. Все это, я увѣрена, скоро объяснится; вы его знаете, дядюшка.

тюпинаръ. Вотъ это—то меня и бѣситъ... Я себя никогда не прощу, что я не могъ быть на твоей свадьбѣ... мнѣ бы было нужно только видѣть его лице, только лице,

№ 1.

Хоть съ нимъ я лично незнакомъ,
 Но мужъ твой негодяй двуличный.
 Онъ здѣсь извѣстенъ сорванцемъ,
 Онъ просто Донъ-Жуанъ столичный;
 Но я злодѣя твоего
 При первой встрѣчѣ озадачу,
 Какъ близкій родственникъ его
 Подальше я его запрячу.

зоя. О! послѣ этого, вы отъ меня ничего ровно не узнаете!

тюпинаръ. И ненужно! я и безъ тебя все подробно узнаю сегодня же, отъ Ламуше, моего писаря; ну да полно объ

этомъ! что будетъ то увидимъ, скажика лучше, пойдешь ли ты сегодня послѣ обѣда къ сосѣдямъ Морне.

зоя. Нѣтъ, дялюшка, нѣтъ! я сегодня не такъ-то здорова, я лучше въ другой разъ схожу.

тюпинарь (*всторону.*) Ахъ, чортъ возьми! это не такъ-то ловко!. (*ей.*) Другъ мой! тебѣ нужно разсѣяться, это тебя избавитъ отъ скуки, потому-что насъ тамъ ждутъ.

зоя. Вы думаете?

тюпинарь. Конечно, другъ мой! подика лучше, приготовься!

Я В Л Е Н І Е III.

ТѢЖЕ И ФЛОРЕТА.

ФЛОРЕТА, (*входя изъ глубины съ корзиною въ рукахъ.*) Добраго утра, господа!

зоя. О, это вы, Флорета.

тюпинарь. Здравствуй милая!

ФЛОРЕТА. Я вамъ принесла мою работу.

тюпинарь, (*тихо Флоретъ.*) Получила ли ты мою записку?

ФЛОРЕТА (*тихо.*) Да, да! (*Зоя*) Не угодно ли вамъ примѣрить?

зоя. Теперь некогда.

тюпинарь. Племянницѣ моей теперь точно нѣтъ времени; ты вѣрно принесла тоже и мои манишки, надо ихъ примѣрить; прошлый разъ въ этомъ мѣстѣ мнѣ было что-то неловко.

(*показывая на грудь.*)

ФЛОРЕТА. Я только одну манишку принесла на образчикъ.

тюпинарь. Ну, все равно, по одной можно судить и о прочихъ; мы сейчасъ вернемся.

(*Уходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е IV.

Зоя, потомъ Галюбе.

зоя. Нѣтъ, я сегодня что-то вовсе не расположена никуда

идти... бѣдняжка Галюбе!.. онъ въ Парижъ въ такомъ положеніи... можетъ быть, даже онъ не знаетъ, что его ищутъ арестовать... какъ бы его увѣдомить?...

ГАЛЮБЕ, (вскрѣывая съ двери въ глубину, съ кіемъ въ рукѣ). А! Дверь! (Замыкаетъ за собою дверь и прислушивается), Кажется идутъ по лѣстницѣ? нѣтъ, нѣтъ, слава Богу, они потеряли мой слѣдъ.

ЗОЯ. Боже мой, кто тутъ?

ГАЛЮБЕ. Извините сударыня, это я... (подходитъ и узнаетъ Зою). Боже! кого я вижу!

ЗОЯ. Галюбе!

ГАЛЮБЕ. Зоя! жена моя! О, приди въ мои объятія! позволь разцѣловать тебя!

ЗОЯ. Тише, несчастный!

ГАЛЮБЕ. Что это значитъ?

ЗОЯ. Тсъ! молчи ты не знаешь, гдѣ ты!

ГАЛЮБЕ. О, я знаю, подлѣ тебя!

ЗОЯ. У нашего дядюшки Тюпнара.

ГАЛЮБЕ. У Тюпнара? да вѣдь онъ живетъ въ Бордо?

ЗОЯ. Онъ теперь здѣсь; онъ торговый приставъ, и ему поручено тебя преслѣдовать.

ГАЛЮБЕ. Ему?

ЗОЯ. Да; но слава Богу, что онъ еще тебя не знаетъ въ лице.

ГАЛЮБЕ. О! послѣ этого, и я его знать не хочу; Зоя, спаси меня, помоги мнѣ вырваться изъ этой проклятой ловушки.

ЗОЯ. Тебя спасти! да стоите-ли вы этого сударь? я должна была бы васъ скорѣе выдать, вы виновникъ всѣхъ моихъ несчастій.

ГАЛЮБЕ. Клянусь, твои обвиненія на меня несправедливы.

ЗОЯ. Зачѣмъ же вы бросили меня подъ пустымъ предлогомъ, и ни разу даже объ себѣ не увѣдомили?

ГАЛЮБЕ. Какъ? ты развѣ не получала моихъ писемъ?

ЗОЯ. Ни одного.

ГАЛЮБЕ. Скажите пожалуйста! вѣрно правительство ихъ перехватывало.

ЗОЯ. Да и какъ вы ведете себя? властвуетъ во всѣ пороки, дѣлаете безпрестанные долги, завели можетъ-быть интриги! Ахъ, еслибъ знала навѣрное...

ГАЛЮБЕ. Какъ! ты во мнѣ сомнѣваешься? рѣшено! я иду отдаваться въ руки правосудія; гдѣ твой дядя, здѣсь? пойдѣмъ туда! *(Идетъ въ другую сторону)*.

ЗОЯ. Ступайте сударь, ступайте, я вижу, что вы ужъ больше меня не любите. *(Плачетъ)*

ГАЛЮБЕ. Я-то? — Я тебя не люблю? О жестокая жена! я тебя люблю, какъ мужъ,.. повимаешь ли ты настоящій смыслъ этого слова... клянусь у ногъ твоихъ...

ЗОЯ. И ты не джешь? ты еще не забылъ меня?

ГАЛЮБЕ. О, никогда, никогда! Могу ли я забыть тебя, милая, прелестная Зоя?

ЗОЯ, *(бросаясь къ нему въ объятія)*. Сигизмундъ!

ГАЛЮБЕ. Поцѣлуй же меня, моя Зоя, и забудѣмъ все прошедшее.

ЗОЯ. Увѣрь же меня, другъ мой, вѣдь ты узналъ, что я здѣсь, ты для этого и пріѣхалъ сюда?

ГАЛЮБЕ. Нѣтъ, я не хочу тебя обманывать; я не зналъ, что ты здѣсь, но пріѣхалъ сюда по причинѣ одного вѣрнаго мѣста.

ЗОЯ. Мѣста? которое ты ужъ имѣешь?

ГАЛЮБЕ. Да, которое я имѣю... въ виду... и въ ожиданіи его, я игралъ партію на бильярдѣ, снявши платье, съ двумя господами въ шляпахъ, и очень подозрительной наружности; и только сталъ на перекалъ, какъ вдругъ одинъ изъ вошедшихъ моихъ товарищей закричалъ: Это мошенники, шпионы! Я—съ ужасомъ схватилъ первое попавшееся мнѣ пальто и убѣжалъ... Это не мое пальто.

ЗОЯ. Это и видно, оно все прорвано.

ГАЛЮБЕ. Я его надѣлъ и побѣжалъ скрытнымъ ходомъ; пройдя шаговъ 50, я обращаюсь... Проклятыя шляпы меня преслѣдуютъ... Тутъ я кинулся въ первую алею на-право, набѣжалъ на какую-то гостиницу, взлетѣлъ на нее съ быстротою римской свѣчки, наткнулся на двери, вхожу, и вотъ я здѣсь; но счастливъ, потому-что любовь... *(Прислушиваясь къ звонку)*.

ЗОЯ. Боже мой!

ГАЛЮБЕ. Звонятъ!

ТЮШНАРЬ, *(за сценой)*. Маргарита!

ЗОЯ. Дялюшка!

ГАЛЮБЕ. Ахъ, Боже мой! гдѣ-бы спрятаться? найди мнѣ какой-нибудь уголокъ.

зоя, (*видя входящаго Тюпинара*). Ужъ поздно!
 тюпинаръ, (*входя съ лѣвой стороны*). Ну чтожъ, Зоя, ты
 еще не... (*Замѣтя Галюбе, который кланяется*). Посторонній!
 А! безъ сомнѣнiя это тотъ господинъ, который сейчасъ звонилъ.
 зоя. Нѣтъ-съ дядюшка, я не думаю.
 тюпинаръ. Кто же тамъ звонилъ?

Я В Л Е Н И Е V.

Тѣ же и Ламуше.

зоя. А это Ламуше, онъ хочетъ говорить съ вами.
 ламуше, (*входя*). Да-съ, это я!
 галюбе, (*всторону*). Чортъ возьми! это одна изъ моихъ шляпъ!
 тюпинаръ. Ну, какiя ты принесъ новости, любезный другъ?
 ламуше. Ваше порученiе исполнено въ точности, Галюбе въ
 нашихъ рукахъ.
 тюпинаръ. Въ-самомъ-дѣлѣ! благодарю тебя Ламуше, ты по-
 лучишь достойную награду.
 зоя, (*всторону*). Что, если они узнаютъ его!
 тюпинаръ. Гдѣ же онъ? что онъ дѣлаетъ? чѣмъ занимается,
 какъ узнать его?
 ламуше. Онъ носитъ верблюжье пальто съ пуговицами изъ
 той же матерiи.
 галюбе, (*всторону*). То, которое я сбросилъ, какое счастье!
 ламуше. Теперь онъ играетъ на билиардѣ; но ихъ сборище
 окружено, и только-что онъ выйдетъ...
 тюпинаръ. Онъ отъ насъ не вырвется... Я за это берусь...
 галюбе, (*всторону*). Добрый дядюшка!
 тюпинаръ. Но не замѣшайтесь, чтобъ онъ не ушелъ. Я
 самъ буду скоро.
 ламуше. Я полечу туда стрѣлою. (*Выбѣгаетъ въ глубину*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тюпиннаръ, Зоя, Галюбе.

ТЮПИНАРЪ. Ну, теперь онъ навѣрно въ нашихъ рукахъ! Зоя, кто этотъ господинъ и чего онъ хочетъ?

ЗОЯ. Ахъ, Боже мой! что мнѣ сказать ему!

ТЮПИНАРЪ. Говори же скорѣе, мнѣ некогда!

ЗОЯ. Я право не знаю... онъ сію минуту передъ вами только вошелъ. (*всторону*). Пусть онъ самъ отвѣчаетъ за себя, онъ можетъ-быть успѣетъ отвратить всякое подозрѣніе.

ТЮПИНАРЪ. Если такъ, то позвольте спросить, что вамъ угодно?

ГАЛЮБЕ. Ахъ, выслушайте меня, я имѣю къ вамъ большую просьбу.

ТЮПИНАРЪ. Оставь насъ, Зоя.

ЗОЯ, (*съ безпокойствомъ*). Что съ нимъ будетъ, если онъ его узнаетъ! (*Уходитъ на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тюпиннаръ и Галюбе.

ТЮПИНАРЪ. Ну, сударь, я васъ слушаю; только ради Бога поскорѣй.

ГАЛЮБЕ. Извольте, я готовъ! вотъ въ чемъ дѣло!

ТЮПИНАРЪ. Пожалуйста, какъ можно короче.

ГАЛЮБЕ, (*всторону*). Чтобы ему соврать? развѣ рассказать басню Стрекоза и Муравей.

ТЮПИНАРЪ. Но м. г... прошу васъ скорѣе.

ГАЛЮБЕ. Извольте видѣть сударь, я хотѣлъ вамъ сказать, что иногда люди близкіе бываютъ такъ далеко другъ отъ друга, что поневолю подумаешь, что... все это я имѣлъ честь объяснить вашей дочери.

ТЮПИНАРЪ. То есть, моей племянницѣ.

ГАЛЮБЕ. Ахъ, да, виноватъ... вашей племянницѣ... А знаете-ли, что ваша племянница очень хороша собой.

ТЮПИНАРЪ. О! я начинаю догадываться.

ГАЛЮБЕ. Откровенно говоря, вы доставили бы мнѣ величайшее одолженіе....

ТЮПИНАРЬ. Что же это значитъ? ужъ не свататься ли вы на ней хотите?

ГАЛЮБЕ. Давно имѣлъ желаніе.

ТЮПИНАРЬ. Такъ вы ее любите?

ГАЛЮБЕ. Да, сударь, я ее люблю, люблю... безпредѣльно; и мнѣ ничего болѣе не остается, какъ просить ея руки.

ТЮПИНАРЬ. Руки моей племянницы.

ГАЛЮБЕ. Да-съ, развѣ вамъ не нравится мое предложеніе?

ТЮПИНАРЬ. Оно мнѣ дѣлаетъ честь сударь, конечно я васъ хоть и совершенно не знаю, можетъ-быть вы какой-нибудь мошенникъ... но все-таки оно мнѣ дѣлаетъ честь, и еслибъ моя племянница не была только замужемъ...

ГАЛЮБЕ. Замужемъ? что вы говорите?

ТЮПИНАРЬ. Да, къ несчастію.

ГАЛЮБЕ. Разумѣется, къ величайшему моему несчастію.

ТЮПИНАРЬ. И конечно, къ ея собственному.

ГАЛЮБЕ. Такъ значитъ, она сдѣлала дурную партію.

ТЮПИНАРЬ. Хуже, чѣмъ дурную; мужъ ея разбойникъ, и заслуживаетъ скорѣе висѣлицу, чѣмъ названіе человека.

ГАЛЮБЕ. Ваша правда, женитьба та же петля; бѣдная женщина.

ТЮПИНАРЬ. А ктожъ виноватъ? сама захотѣла!.. Захотѣла назваться госпожою Галюбе...

ГАЛЮБЕ. Галюбе? вы говорите Галюбе?

ТЮПИНАРЬ. Да, это глупая фамилія нашего негодяя, мужа моей племянницы.

ГАЛЮБЕ. Галюбе? высокаго роста, толстый, брюнетъ, съ усами?

ТЮПИНАРЬ. Вы его знаете?

ГАЛЮБЕ. Какъ самого себя.

ТЮПИНАРЬ. Я преслѣдую этого мошенника за передачу фальшиваго векселя; но вообразите мое несчастіе, я его никогда не вдалъ въ глаза.

ГАЛЮБЕ. Скажите пожалуйста, этакъ онъ у васъ между рукъ уйдетъ.

ТЮПИНАРЬ. Да, онъ ужъ отъ меня два раза ускользалъ.

ГАЛЮБЕ. Да чего добраго, и въ третій разъ ускользнетъ. Онъ даже въ состояеніи придти сюда и прямо насмѣхаться надъ вами.

ТЮПИНАРЬ. О! хотѣлъ бы я этого посмотреть!

ГАЛЮБЕ. Онъ можетъ—быть даже и пришелъ сюда.
 ТЮПИНАРЪ. Знаете ли, что я вамъ скажу?.. Мнѣ самому то же кажется.

ГАЛЮБЕ. Неужели?

ТЮПИНАРЪ. Я даже увѣренъ, что онъ теперь еще здѣсь.

ГАЛЮБЕ. (*всторону*). Ай! ай! ужъ не дать ли мнѣ стрелка?

ТЮПИНАРЪ. Давеча утромъ, я схожу съ моею голубятни...
 вхожу сюда, и чтожъ? какъ бы вы думали? моя племянница...

ГАЛЮБЕ. Съ мужемъ?

ТЮПИНАРЪ. Нѣтъ, одна!.. Но какое-то пальто шмыгъ, и ускользнулъ въ эту дверь. (*Показываетъ на-право*).

ГАЛЮБЕ. И вы его видѣли?

ТЮПИНАРЪ. Видѣлъ! мало этого! я даже слышалъ его поцѣлуй.

ГАЛЮБЕ, (*всторону*). Поцѣлуй пальта?

ТЮПИНАРЪ. Я спрашивалъ племянницу.

ГАЛЮБЕ. Чтожъ она сказала?

ТЮПИНАРЪ. Она сказала, что это былъ прикащикъ изъ магазина, который принесъ ей платье.

ГАЛЮБЕ, (*всторону*). Ай! ай! моя супруга не осталась у меня въ долгу.

ТЮПИНАРЪ. И я навѣрно знаю, что она меня обманула!

ГАЛЮБЕ, (*всторону*). И я тоже!

ТЮПИНАРЪ. И такъ рѣшено, вы общались мнѣ помочь.

ГАЛЮБЕ. Мщеніе, г. Тюпинарѣ, мщеніе!

ТЮПИНАРЪ. Такъ идемте—жъ со мной! Галюбе недалеко, вы только укажите мнѣ его, я налечу какъ орелъ на добычу и побѣда наша.

ВМѢСТѢ.

Ну пойдетежъ, другъ любезный,

Сыщемъ общаго врага.

Намъ здѣсь мѣшкать бесполезно,

Намъ минута дорога.

ТЮПИНАРЪ.

Въ нашей справедливой злобѣ,

Разобьемъ его мы въ прахъ.

Дайте—жъ руку...

ГАЛЮБЕ.

Вотъ хоть обѣ!

ВМѢСТѢ.

Негодяй въ моихъ рукахъ!

ГАЛЮБЕ (*всторону.*) Однакожь, чортъ возьми, если я встрѣчу этого господина въ пальто!

ТЮПИНАРЬ, (*показывая на дверь, на-право.*) Онъ давеча здѣсь прятался; я запру этотъ подъѣздъ, взгляну на голубей, и къ вашимъ услугамъ.

ГАЛЮБЕ. Я васъ жлу.

ТЮПИНАРЬ, (*уходитъ на-право.*) Сейчасъ, сейчасъ, до свиданія.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГАЛЮБЕ, ПОТОМЪ ФЛОРЕТА.

ГАЛЮБЕ. О, Зоя, Зоя, несчастная женщина! За-чтожь ты мнѣ взмѣнила! кажется я былъ добрый мужъ! Я жилъ отъ тебя далеко, не давалъ тебѣ денегъ, не писалъ писемъ, и ты все-таки мнѣ взмѣнила! но постой же, мы съ тобою поквитаемся. (*Идетъ въ комнаты Зои, на-лѣво.*)

ФЛОРЕТА, (*идетъ изъ двери на-право и подходитъ къ дверямъ съ глубины, идъ оставляетъ корзину.*) Еще не пришелъ! ужъ не думаетъ ли онъ, что я его такъ долго стану дожидаться?

ГАЛЮБЕ (*оборачиваясь.*) Какая милочка! (*Подходитъ къ ней и съзади беретъ за талю.*) О! какая хорошенькая талья.

ФЛОРЕТА, (*оборачиваясь.*) Какая дерзость!

ГАЛЮБЕ. Ахъ, извините... скажите пожалуйста; мнѣ кажется, я васъ гдѣ-то видѣлъ?

ФЛОРЕТА. Да, я тамъ часто бываю.

ГАЛЮБЕ. Постойте; кажется на загородномъ балѣ.

ФЛОРЕТА. Ахъ! да, да! это вы всегда танцуете съ Нанетой.

ГАЛЮБЕ. А мнѣ кажется, я васъ часто замѣчалъ съ однимъ брюнетомъ.

ФЛОРЕТА. А вамъ какое дѣло? скажите пожалуйста, вы не изъ писарей-ли г. Тюпинара?

ГАЛЮБЕ. Нѣтъ, душечка! я танцевальный учитель его племянницы, и только-что далъ ей урокъ.

ФЛОРЕТА. А гдѣ же дялюшка?

ГАЛЮБЕ. На голубятнѣ.

ФЛОРЕТА. Ну такъ прощайте же, скажите только ему, что я согласна.

ГАЛЮБЕ. Вы согласны? а на что?

ФЛОРЕТА. Онъ ужъ знаетъ на что.

ГАЛЮБЕ. А плутовка, понимаю... А что мнѣ будетъ за это порученіе?

ФЛОРЕТА. Отвяжитесь!

ГАЛЮБЕ. Хоть маленькой процентикъ.

ФЛОРЕТА. Отстаньте.

ГАЛЮБЕ. Нѣтъ ужъ, какъ хотите.

ФЛОРЕТА. Я закричу! *(Галюбе преслѣдуетъ Флорету и цѣлуетъ ее; въ эту минуту входитъ Зоя.)*

Я В Л Е Н І Е IX.

ТѢЖЕ и Зоя.

ЗОЯ. Ахъ!

ГАЛЮБЕ. Жена!

ФЛОРЕТА. Племянница! вотъ прекрасно. *(Идетъ съ глубины)*

ЗОЯ. Ступайте, сударыня, ступайте; вы бы гораздо лучше сдѣлали, еслибъ позаботились доставить оставшуюся у васъ работу.

ФЛОРЕТА, *(уходитъ)*. Сю минуту.

ГАЛЮБЕ, *(разсуждая съ собой)*. Попался!

ЗОЯ. Какая низость!

ГАЛЮБЕ. Зоя, выслушай меня.

ЗОЯ. Нѣтъ сударь, теперь все кончено! я вижу, вы недостойный человекъ!

ГАЛЮБЕ. Я готовъ биться объ закладъ, что тебѣ показалось... ну скажи мнѣ, что тебѣ показалось... я тебѣ скажу всю правду... зоя. Стушайте, въ васъ нѣтъ стыда, нѣтъ нравственности!.. Вы знаете, что одно мое слово... и вы погибли (*трагически*). Сигизмундъ, я презираю тебя!..

ГАЛЮБЕ. Сударыня! а знаете ли, что я вамъ скажу? я вамъ скажу то, что я въ отчаяніи!.. а когда я бываю въ отчаяніи, я непомню что говорю... Ваше поведеніе меня можетъ сдѣлать самымъ безчеловѣчнымъ мужемъ.

зоя. Что это значитъ? я ничего не понимаю.

ГАЛЮБЕ. Вы ничего не понимаете? а кто у васъ давеча цѣловалъ руку?.. а? мой проступокъ по-крайней-мѣрѣ выше, я поцѣловалъ ее въ щечку... А кто васъ цѣловалъ?.. а?..

зоя. Я не обязана вамъ отдавать отчета! я васъ презираю! ненавижу! я нехочу больше васъ видѣть.

ГАЛЮБЕ. Зоя, гдѣ же это дерзкое пальто.

зоя. Если вы не уйдете, я сейчасъ разскажу все дялюшкѣ.

ГАЛЮБЕ. Ну ужъ этого ты не сдѣлаешь.

зоя. Вы думаете? хорошо же! увидимся!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Тюпинаръ.

ТЮПИНАРЪ, (*входя изъ глубины*.) Что злѣсь за шумъ?

зоя. Дялюшка, я бы должна была вамъ сказать это раньше; но все равно, теперь еще не поздно.

ГАЛЮБЕ, (*подбывая къ окну*.) Что я вижу? это онъ! да, онъ! Посмотрите!

ТЮПИНАРЪ, (*подходя къ окну*.) Кто?

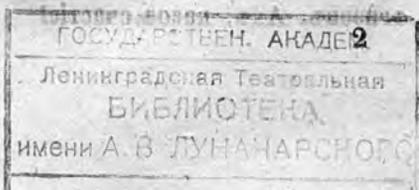
ГАЛЮБЕ. Галюбе! вотъ онъ...

ТЮПИНАРЪ. Ахъ, Боже мой, какое счастье! О, теперь ты неуйдешь отъ меня. Помогите мнѣ, сударь, схватить его! (*Хочетъ идти*)

зоя, (*удерживая его*.) Остановитесь! онъ васъ обманываетъ!

ТЮПИНАРЪ. Именно мой другъ! этого-то я и боюсь, что онъ меня обманетъ!

Т. VI. Отд. I.

ГАЛЮБЕ. Поторопитесь, онъ уходитъ!.. Онъ можетъ скрыться, и тогда все пропало!..

ЗОЯ, (громко.) Да выслушайте меня... Тотъ, кого вы ищете...

ГАЛЮБЕ, (перебивая ее.) Она васъ нарочно задерживаетъ, идите, а не то онъ убѣжитъ.

ЗОЯ, (задерживая.) Но дялюшка...

ТЮШНАРЬ, (вырываясь.) Ужъ не удастся же вамъ спасти его. Пойдемте. (Убѣгаютъ въ двери въ глубину.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Зоя, потомъ Фризонъ.

ЗОЯ. Убѣжали! каковы! какъ онъ ловко его обманулъ! Блдный дялюшка, онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; но погоди же, негодный муженекъ, я тебя выведу на свѣжую воду. Ужъ я теперь не буду такъ глупа.

Фризонъ, (входитъ изъ глубины.) Вотъ и я сударыня!

ЗОЯ. А, это вы, г. Фризонъ?

Фризонъ. Я видѣлъ, какъ сейчасъ вышелъ вашъ дялюшка, и поспѣшилъ принести вамъ обѣщанное.

ЗОЯ. Что вы такое принесли?

Фризонъ. Кучу образчиковъ; вы можете выбрать изъ нихъ все, что только вамъ понравится.

ЗОЯ. О, да вы прелюбезный молодой человекъ.

Фризонъ, (въ сторону.) Ахъ! какая перемена.

ЗОЯ. Но вы меня извините, я давеча была не въ духъ, и потому забудьте прошедшее.

Фризонъ. О! я думаю только объ настоящемъ. (Въ сторону.) Вотъ оно настоящее-то!.. Смѣле, смѣле!..

ЗОЯ. Но знаете-ли вы, что мой мужъ возвратился въ Парижъ?

Фризонъ. Онъ здѣсь! Это ужасно! Онъ можетъ увести васъ, или будетъ жить съ вами.

ЗОЯ. Нѣтъ, этого никогда не будетъ, я разлучаюсь съ нимъ навсегда.

Фризонъ. Ахъ, какое счастье!

зоя. Кроме того, у него есть причины скрыватьсь от моего дяди.

фризонъ. Вашъ дядюшка его не знаетъ?

зоя. Пока нѣтъ; но нужно, чтобъ рано или поздно, онъ познакомился съ нимъ.

фризонъ. Немогу ли я въ этомъ случаѣ вамъ услужить? О! нѣтъ ничего, чего бы я для васъ не сдѣлалъ... я готовъ даже проскочить съвозъ бумажную бочку, подобно ученой лошади.

зоя. Молчите! идуть.

фризонъ. Идутъ? Какая досада, не дадутъ порядочно побесѣдовать... Какого чорта кому здѣсь нужно!

зоя. Ступайте же, я васъ прошу.

фризонъ. Только для васъ сударыня, вы понимаете?... ни для кого бы другаго! (*Уходя на-право.*) О! она меня любитъ! она меня любитъ! —

Я В Л Е Н И Е XII.

Зоя, потомъ Тюпинаръ.

тюпинаръ, (*входя.*) Ушолъ!.. опять — таки ускользнул!

зоя. Ахъ, дядюшка, да вѣдь онъ былъ въ вашихъ рукахъ, и вы не могли его поймать!

тюпинаръ. Ты меня сердишь, Зоя! Ты меня просто дразнишь! Ты, чортъ знаетъ, что со мною дѣлаешь?

зоя. Да что же я сдѣлала?

тюпинаръ. Что ты еще сдѣлала? А то, что ты... что ты на-вѣрное подала ему сигналъ въ окно... Это ясно... Иначе бы онъ не могъ уйти.

зоя. О комъ вы говорите?

тюпинаръ. О твоємъ мужь... Онъ былъ ужъ чортъ знаетъ гдѣ, когда мы выбѣжали съ г. Дюбари.

зоя. А кто же это, г. Дюбари?

тюпинаръ. Это имя того господина, который былъ сейчасъ здѣсь. Этотъ человекъ богатый, и твой мужъ отнял у него 5000 ливровъ годоваго дохода.

зоя, (*смѣясь.*) Что вы говорите! онъ васъ обманулъ, это былъ мой мужъ.

тюпинаръ. Кто, г. Дюбари?

зоя. Это былъ Галюбе.

тюпинаръ. Почему ты мнѣ сейчасъ же не сказала?

зоя. Вы не хотѣли слушать меня.

тюпинаръ. А зачѣмъ ты теперь измѣняешь ему?

зоя. Онъ сейчасъ разсердилъ меня... Неблагодарный! Не-
вѣрный!.. Я сама застала его, какъ онъ здѣсь цѣловалъ нашу
швею.

тюпинаръ. Швею! Флорету! О! какая низость! Кончено! Те-
перь я, какъ твой опекунъ, допеку голубчика по своему!

зоя. Бѣгите за нимъ; можетъ-быть, еще успѣете догнать его!

тюпинаръ. Онъ самъ придетъ сюда! Онъ обещалъ зайти за
мною.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Галюбе.

ГАЛЮБЕ, (входя изъ глубины.) Ну, что будетъ то будетъ!
рискнѣ!

тюпинаръ. А, вотъ и онъ!

№ 3.

ГАЛЮБЕ.

Вотъ она! Вотъ и онъ!

Я теперь обличенъ

Я могу здѣсь за все полатиться.

Онъ взбѣшонъ, разсерженъ

Я прошелъ Рубиконъ....

И судьбѣ мнѣ пришлось покориться.

зоя.

Вотъ и онъ! Вотъ и онъ!

Онъ теперь обличенъ.

Я не знаю, на что мнѣ рѣшиться...:

Дядя такъ разсерженъ,

Такъ упрямъ, такъ взбѣшонъ,

Что должна я отъ нихъ удалиться.

ТЮПИНАРЪ.

Вотъ и онъ, вотъ и онъ,

Тамъ другой помѣщенъ!

Не могу я тутъ толку добиться.

Онъ въ Флорету влюбленъ,

Я задамъ имъ трезвонъ,

Ужъ теперь негодю не скряться.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Галюбе, Тюпинаръ и Фризонъ, *(спрятанный.)*

ГАЛЮБЕ, *(въ сторону.)* Постараямся устоять, во-чтобы-то ни стало. *(Тюпинаръ ходитъ медленно изъ стороны въ сторону. Между тѣмъ Галюбе выходитъ впередъ и тоже начинаетъ медленно ходить, наблюдая всѣ движенія Тюпинара.)*

ТЮПИНАРЪ *(въ сторону.)* Будемъ хитрить, будемъ подражать Макиавелю! *(Останавливаются оба.)* Г. Дюбаря!

ФРИЗОНЪ, *(отворяя немного дверь.)* Дверь на улицу заперта. *(Замъчал Тюпинара.)* Ай, дядя! *(быстро запираетъ дверь.)*

ГАЛЮБЕ, *(подвигаясь ближе.)* Къ вашимъ услугамъ.

ТЮПИНАРЪ. Мнѣ надо вамъ сказать кое-что.

ГАЛЮБЕ. Новенькое? *(подвигаясь еще ближе.)*

ТЮПИНАРЪ. Я знаю, гдѣ мой племянникъ. *(Протягиваетъ къ нему руки. Галюбе пятится отъ него.)*

ГАЛЮБЕ. А! поздравляю.

ТЮПИНАРЪ. Я все узналъ отъ племянницы; онъ здѣсь.

ГАЛЮБЕ. Здѣсь? Гдѣ же? Я его не вижу!

ТЮПИНАРЪ. Вонъ тамъ! въ этой комнатѣ съ нею.

ГАЛЮБЕ. Съ нею!

ТЮПИНАРЪ, *(кладя руку на плечо.)* Онъ въ нашихъ рукахъ.

ГАЛЮБЕ *(съ испугомъ.)* А, это прекрасно!

тюпинарь. Но послушайте, я теперь приведенъ въ большое затрудненіе однимъ обстоятельствомъ... Какъ только я хотѣлъ схватить его, какой-то внутренній голосъ кричалъ мнѣ: остановись! остановись! Да и въ самомъ дѣлѣ!.. дядя преслѣдуетъ племянника... хочеть у него отнять свободу! Что скажетъ объ этомъ свѣтъ? Вѣдь онъ мнѣ племянникъ... мужъ моей племянницы; все равно, что мой собственныя дѣти; вѣдь у меня кромѣ ихъ никого нѣтъ, и что еслибъ онъ пришелъ прямо ко-мнѣ, пожалъ мнѣ съ раскаяніемъ руку, то можетъ-быть, дѣбъ возымѣлъ жалость....

галюбе. Его простить?

тюпинарь. Да, я его непременно бы простилъ.

фризонъ. Не будемъ терять удобнаго случая.

тюпинарь. Мои объятія для него отверсты, я назвалъ бы его моимъ Сигизмундомъ, и простилъ бы повѣсу.

галюбе, *(готовясь броситься въ его объятія.)* Неужели?

фризонъ, *(выбывая изъ дверей, бросается къ ногамъ Тюпинара.)*

Дядюшка! дядюшка! я у ногъ вашихъ!

тюпинарь. Онъ былъ тамъ!

галюбе, *(въ сторону.)* Что это за чортъ?

тюпинарь. Вы мой племянникъ?

фризонъ. О дядюшка, назовите меня скорѣе Сигизмундомъ.

тюпинарь. М. Г., именемъ закона, я васъ арестую!

фризонъ, *(вставая.)* А позвольте спросить, за что?

галюбе, *(въ сторону.)* Ага! такъ это была ловушка?

тюпинарь. А, наконецъ-то ты мнѣ попался въ руки, разбойникъ, негодяй!

фризонъ. Пойдите! пойдите! Я вовсе не вашъ племянникъ!

галюбе. Какая дерзость! онъ при мнѣ еще смѣетъ отпираться! это онъ! Это Галюбе!

фризонъ. Галюбе?

галюбе. Именно! помнишь ли мошенникъ, какъ ты отнял у меня отцовское имѣніе?

фризонъ. Вы сами оба мошенники.

тюпинарь. Каковъ негодяй, въ тюрьму его!

фризонъ. Я Фризонъ, прикащикъ изъ магазина двухъ пугаевъ.

галюбе. Ай, вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ и Зоя.

зоя. Боже мой! Что здѣсь за шумъ?

тюпнаръ. Это твой мужъ изволитъ тутъ куралесить.

фризонъ. Сударыня! неужь-ли я вашъ мужъ? Объясните мнѣ, прошу васъ, умоляю!

зоя. Нѣтъ, нѣтъ, это не онъ.

галиубе. Не скажете ли вы, что это я? *(Зоя улыбается.)*

тюпнаръ. Который же изъ двухъ?

галиубе и фризонъ. Онъ!..

тюпнаръ. Положите же негодяи; чтобъ рѣшить дѣло коротко и ясно... прошу васъ обоихъ слѣдовать за мною.

галиубе. Позвольте!

тюпнаръ. Оба! оба!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢЖЕ и Ламуше.

ламуше, *(вбѣгая.)* Радуйтесь, радуйтесь, г. Тюпнаръ! онъ пойманъ.

тюпнаръ. Кто?

ламуше. Галиубе.

зоя. А!

тюпнаръ. Еще одинъ! третій! Ламуше, ты вѣрно ошибся? *(Показывая на Фризона и Галиубе, которыхъ держитъ за руки.)* Вотъ два Галиубе.

ламуше, *(смотря на одного.)* Боже мой! *(на другаго.)* Нѣтъ, это ни тотъ ни другой! Мой вѣрнѣе, онъ въ верблюжемъ пальто, съ усами.

тюпнаръ. Съ усами?

галиубе *(въ сторону.)* Это Дюбарн!

ламуше. И притомъ бумаги, которыя были при немъ, самыя достовѣрныя. *(Подаетъ Тюпнару.)*

тюпнаръ. Посмотримъ. *(Разсматриваетъ.)* Въ самомъ дѣлѣ!

это вѣрно. Извините... чортъ съ вами, господа... я долженъ васъ оставить... Идемъ, Ламуше! *(Уходитъ.)*

Я В Л Е Н І Е Х V I I .

Галюбе, Зоя и Фризонъ.

Галюбе. А мошенникъ, самозванецъ! теперь я до тебя доберусь!

Фризонъ. Позвольте, позвольте объясниться.

Галюбе. Я тебя изурую.

Фризонъ. Ого, это ужъ личность.

Зоя. Другъ мой, успокойтесь!

Фризонъ. Ея другъ?

Галюбе. О, еслибъ у меня было здѣсь ружье.

Фризонъ. Я самъ сейчасъ пойду за оружіемъ, и черезъ 10 минутъ мы съ вами раздѣлаемся, до свиданія. *(Уходитъ.)*

Я В Л Е Н І Е Х V I I I .

Галюбе и Зоя.

Галюбе. Ну, сударыня, довольны ли вы теперь? все конечно! безславіе, тюрьма, дуэль,.. того ли вы хотѣли? Въ какой ужасный день выдали васъ за меня! и въ какую несчастную минуту, вы выдали меня?

Зоя. Неблагодарный! вотъ награда за всю мою къ тебѣ любовь и вѣрность! О, съ этой минуты все кончено между нами!

Галюбе. Черезъ часъ вы будете покойны и я также.

Зоя. Рѣшено! Съ этой минуты, мы больше не увидимся съ вами. *(Уходитъ.)*

Галюбе. Прощай, вѣроломная! Не поминай меня ляхомъ!

Я В Л Е Н І Е Х І Х.

ГАЛЮБЕ, ПОТОМЪ ФЛОРЕТА, (*разодѣтая*).

ФЛОРЕТА, (*входя съ права*). Вотъ и я! Надѣюсь, что онъ наконецъ разстался таки съ своими голубями.

ГАЛЮБЕ. Швея!

ФЛОРЕТА. Вы еще здѣсь?

ГАЛЮБЕ. Милое созданіе, твое присутствіе возвращаетъ мнѣ присутствіе духа! Но какъ ты теперь разряилась, разодѣлась!

ФЛОРЕТА. А вы не исполнили мою просьбу къ г. Тюпинару?

ГАЛЮБЕ. Что такое?

ФЛОРЕТА. Вы сказали ему, что я согласна?

ГАЛЮБЕ. Кажется! да кстати, вы не черезъ маленькую-ли дверь вошли сюда?

ФЛОРЕТА. Да.

ГАЛЮБЕ. Такъ значитъ, ключъ у васъ?

ФЛОРЕТА. Г. Тюпинаръ далъ мнѣ его во-избѣжаніе смелней.

ГАЛЮБЕ. А, вотъ что! это что-то подозрительно.

ФЛОРЕТА. О, извините... у меня нѣтъ секретовъ, онъ хотѣлъ сегодня поухать со мною за-городъ.

ГАЛЮБЕ. Возможно ли? И вы, молодая дѣвѣца... со старымъ женатымъ человѣкомъ...

ФЛОРЕТА. Какъ? неужели онъ женатъ? Ахъ я несчастная!

ГАЛЮБЕ. А вы этого не знали... Помилуйте, да его жена теперь еще въ Бордо.

ФЛОРЕТА. Ахъ онъ старый плутъ! Какъ же онъ общалъ на мнѣ жениться?

ГАЛЮБЕ. Жениться отъ живой жены!

ФЛОРЕТА. Вотъ письмо, которое онъ мнѣ писалъ недавно, какъ третьяго дня.

ГАЛЮБЕ. Дайте, дайте! (*Беретъ письмо*). О, теперь я съ нимъ поговорю... я его доведу.

ФЛОРЕТА. А я отказала изъ-за него одному молодому чело-
вѣку, котораго я очень люблю.

ГАЛЮБЕ. Какая опрометчивость! За что же вы ему отказали?

ФЛОРЕТА. За то, что онъ былъ хоть и хорошъ собою, но бѣденъ.

ГАЛЮБЕ. Вѣрно это былъ какой-нибудь Аркадскій пастушокъ

ФЛОРЕТА. Нѣтъ, прикащикъ изъ магазина двухъ попугаевъ.

ГАЛЮБЕ. Ба! да ужъ не Фризонъ ли?

ФЛОРЕТА. А почему вы знаете?

ГАЛЮБЕ. О слухай, ты самый ловкій изъ агенто́въ полиціи.

Я В Л Е Н І Е ХХ.

ТѢ ЖЕ И ТЮПИНАРЬ.

Тюпинарь, *(входя изъ глубины)*. О, да это презабавно!

ГАЛЮБЕ. Подойдите—ка сюда, г. Тюпинарь.

ФЛОРЕТА. Да, пожалуйста—ка сюда, мы васъ выведемъ на свѣжую воду.

ГАЛЮБЕ. Да, мы вамъ вымоемъ голову.

ТЮПИНАРЬ. Г. Дюбари, это невѣжливо! Я не позволю въ моемъ домѣ смѣяться надъ собою.

ФЛОРЕТА. Какъ вы смѣли смѣяться надо-мною?.. Теперь наша очередь.

ТЮПИНАРЬ. Это ужъ слишкомъ, г. Дюбари! Галюбе въ тюрьмѣ и я не имѣю больше надобности въ вашей помощи; не угодно ли вамъ будетъ убраться отсюда.

ГАЛЮБЕ. А позвольте узнать, который часъ?

ТЮПИНАРЬ. У васъ развѣ нѣтъ часовъ?

ГАЛЮБЕ. Есть, но они въ закладѣ.

ТЮПИНАРЬ. Четверть седьмого.

ГАЛЮБЕ. Солнце ужъ закатилось.

ТЮПИНАРЬ. Совѣтую и вамъ отправляться во-своися!..

ГАЛЮБЕ. А вы хотите, чтобъ я ушелъ отсюда, и оставилъ эту голубку на жертву старой воронѣ. Нѣтъ сударь, я извѣщу вашу жену о всѣхъ вашихъ проказахъ.

ТЮПИНАРЬ. Мою жену!

ГАЛЮБЕ. Я публикую это преступленіе, оскорбленіе беззащитной невинности; это все равно, что убійство, это уголовное преступленіе.

ТЮПИНАРЬ. Что вы, что вы, вы съ ума сошли?

ГАЛЮБЕ, *(показывая письмо)*. А это что?

ТЮПИНАРЬ, *(съ сторону)*. Мое письмо!

ГАЛЮБЕ. Да, ваше письмо! оно послужитъ вамъ уликой.
ТЮПИНАРЬ. Ай, ай, ай! Въ самомъ дѣлѣ... дѣло-то плохо!

Я В Л Е Н І Е Х Х I.

ГАЛЮБЕ, ТЮПИНАРЬ, ФРИЗОНЪ, ФЛОРЕТА и Зоя.

ФРИЗОНЪ, (*входитъ, держа ящикъ.*) Готовы ли вы, м. государь?

ФЛОРЕТА, (*съ ужасомъ.*) Фризонъ!

ФРИЗОНЪ. Флорета!

ТЮПИНАРЬ. Она его знаетъ.

ГАЛЮБЕ. Тсъ! молчите, это соперникъ.

ФЛОРЕТА. Что это? пистолеты! (*Бросаясь къ нему.*) О, г. Фризонъ, не стрѣляйтесь, умоляю васъ.

ФРИЗОНЪ. Оставьте меня, Флорета, я убью его на-повалъ.

Зоя, (*входитъ.*) Убить! кого?

ГАЛЮБЕ. Посмотримъ, кто кого.

Зоя, (*бросаясь къ Галюбе.*) Остановись, другъ мой! (*Фризону*) Умоляю васъ. Не деритесь съ нимъ, онъ мой мужъ!

ФРИЗОНЪ и ФЛОРЕТА. Ея мужъ!

ТЮПИНАРЬ. Ея мужъ!.. Такъ ты теперь будешь г-жа Дюбари? что это значитъ?

ГАЛЮБЕ. Да, она моя жена, коли на то пошло.

ТЮПИНАРЬ. Такъ значитъ, вы?..

ГАЛЮБЕ. Галюбе, дядюшка! Галюбе, вашъ племянникъ.

ТЮПИНАРЬ. Галюбе?! М Г! именемъ закона я васъ арестую.

ГАЛЮБЕ. Стара штука! Теперь ужъ поздно, любезный дядюшка, солнце ужъ село, и я сейчасъ сажусь въ дилижансъ, чтобъ ѣхать въ Бордо, гдѣ покажу это письмо кой-кому изъ знакомыхъ вамъ дамъ.

ТЮПИНАРЬ. Моей женѣ?.. Отдайте мнѣ его, сударь.

ГАЛЮБЕ. Ни за что на свѣтъ! впрочемъ размыняетесь любовно; я вамъ отдамъ письмо, а вы мнѣ вексель. Одно другаго будетъ стоять.

ТЮПИНАРЬ, (*въ сторону.*) Вотъ попался. (*Громко.*) Ну, давайте, давайте! (*съ недоверчивостію лѣгчаютъ письмами*)

ГАЛЮБЕ, (*держа вексель въ рукахъ.*) Я свободенъ! Ну что, Зоя,

поѣдемъ ли мы съ тобою на свадьбу? (*показывая на Фризона и Флоренту.*) Я женю ихъ. Они ужъ давно любятъ другъ друга.

зоя. Они любятъ другъ друга?

фризонъ. Я уничтоженъ.

тюпинаръ, (*тихо.*) Ну, несчастный, что ты теперь намъ ренъ дѣлать?

галиубе. Я? О, любезный дялюшка, разцѣловать вась.

тюпинаръ. Ну, дѣлать нечего, я прощаю тебя и забываю всѣ проступки! Сигизмундъ, въ мои объятія, къ моему сердцу!

галиубе. Дялюшка! (*Бросается въ объятія и цѣлуетъ его.*)

хоръ.

Мы всѣ ссоры, несогласья,
Прекратить теперь должны;
Въ томъ семействѣ нѣтъ и счастья,
Гдѣ нѣтъ мирной тишины;
Но женатые повѣсы
Просятъ вась съ своей семьей,
Чтобъ вы ихъ въ концѣ пьесы
Не пугнули тишиной! (*bis*).

К о н е ц ъ .

ПРИ СЧАСТЬИ БРАЦЯТСЯ ПРИ ВЪДЪ МИРЯТСЯ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ 1 ДЪЙСТВІИ.

Переводъ съ Французскаго.

П. С. ФЕДОРОВА.

ДЪЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- Адольфъ Кокро, привратникъ и башмачникъ. . .
Жюли Моникъ, его жена, привратница.
Г. Корнманъ, хозяинъ дома.
Молодой человекъ
Разнощикъ писемъ.
Горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

Примѣчаніе. Дѣйствующія должны находиться на сценѣ въ томъ порядкѣ, какъ означено въ началѣ каждаго явленія: первые на-гъво отъ зрителей.

Комната привратника. Обширность сцены должна быть весьма ограничена: въ глубину не больше двухъ плановъ и не слишкомъ высока. На-льво отъ зрителей, въ глубину, альковъ и въ немъ кровать, покрытая занавѣсью, которая съ правой стороны приподнята. Заднюю стѣну составляютъ стеклянныя рамы съ двумя вазисдасами, между которыми большая печь и сурокъ, посредствомъ котораго открываются двери на улицу; на-право отъ зрителей, въ первомъ планѣ, дверь, выходящая на дворъ; на-льво, въ первомъ же планѣ, другая дверь, ведущая къ воротамъ; на этой же сторонѣ большія кресла и маленькой комодъ. На-право отъ зрителей шкафъ и близъ него чемоданъ; впереди, простой столъ, такой же стулъ, на стѣнѣ пустая клятка и надъ ней картинка, изображающая птицу. На-львой сторонѣ виситъ портретъ толстой кошки.

Я В Л Е Н І Е I.

(Жюли, спитъ на кровати, лицомъ къ зрителямъ; Кокро, у стола, дѣлаетъ изъ покрывки башмаки.)

КОКРО. Подумаешь, куда какъ хорошо жить женатому человеку въ двухъ, трехъ, четырехъ комнатахъ!.. Ушелъ отъ жены, заперъ дверь на замокъ и дѣлу конецъ!.. холостой мальчѣ да и только!.. А мое житье, что это такое, помилуйте!.. Всего на-все одна какая-та грязная лачужка, одна печь, одна кро-

вать... просто негдѣ поворотиться... по-неволю изволь ежеминутно смотреть на свою благовѣрную супругу!... Семь лѣтъ жить въ этой канурѣ и не спуская глазъ любоваться женою, да какую еще женою? которая вѣтреннее всякой магазинной дѣвченки и ревнивѣе любого турка!... Испытайте, господа, это удовольствіе и потомъ скажите, пріятно ли мое житье?

№ 1. Нѣтъ, друзья, житье такое
 Можетъ всякого доѣсть;
 Мнѣ съ женой нельзя въ покоѣ
 Даже двухъ минутъ провести.
 День — деньской зѣвай съ ней вмѣстѣ,
 Ночью спи съ ней заурядъ...
 Нѣтъ друзья, повѣрьте чести,
 Жизнь такая сущій адъ!

(Жюли храпитъ.)

Ну! захрапѣла!.. храпи, храпи! да нельзя ли погромче...
 (Жюли храпитъ громче). Вотъ такъ!... Ахъ лѣ умница! Чѣмъ бы, по примѣру мужа, трудиться, а она изволила покоиться на кровати, какъ барыня... и посмотрите, вѣдь спитъ одѣтая... Это она изволила опять улечься въ то время, какъ я былъ въ караулѣ за хозяина... (показываетъ на мундиръ, который виситъ на-стулѣ). Этотъ старый нѣмчура жалуется, что у него насморкъ... Да я не вѣрю... Онъ просто боится оставить свою жену...

жюли, (во снѣ). А... мур... чикъ... мой!..

кокро, (вслушиваясь). Ну, теперь забредила!... Хоть бы говорила дѣло, такъ можно бы было отправить ее къ магнитизеру... все бы мнѣ было легче...

жюли, (во снѣ). Ахъ... ахъ, какъ я... тебя... люблю!...

кокро, Люблю!... Нѣтъ, она бредитъ не обо мнѣ...

жюли, (также). Что?.. мой мужъ?.. Онъ чудовище... злодѣй!..

кокро. А! вотъ это относится до меня...

жюли, (также). Ахъ! и ты и я... достойны сожалѣнія...

кокро, (тихо подкрадываясь къ кровати.) И ты и я!.. Это она бредитъ о своемъ негодномъ булочникѣ!..

жюли. Кисочка моя... лусечка...

кокро. Нѣтъ!... Это она изволила любезничать съ своей

проклятой кошкой!.. *(переходя на-льво)*. Еслибъ она знала, гдѣ теперь ея прелестный биби!... Сію минуту я продалъ ея сокровище кожевеннику... Самое неблаговоспитанное животное!.. Я не могъ выносить его присутствія... Вотъ тебѣ и отплата!... зачѣмъ выпустила моего попку... *(показываетъ на клетку)*. Боже мой! что это была за птица! не могу вспомнить безъ слезы!.. Какъ онъ отлично свисталъ, какъ умно разговаривалъ!.. бывало, безпрестанно кричитъ: дуракъ...

Я В Л Е Н І Е II.

Кокро, Корманъ.

корманъ, *(на-право за сценой)*. Господинъ Гогро!

кокро, *(про себя)*. А! нашъ хозяинъ!

корманъ. Каспадинъ Гогро! вашъ тверъ на улицъ завсегда открытъ... Я вамъ приказывай не разъ, чтобъ онъ былъ всяка минутъ запертъ!..

кокро, *(льстивымъ тономъ)*. Помилуйте, г. Корманъ, какъ же тогда будутъ входить люди въ вашъ домъ?

корманъ, *(важно)*. Эта тверъ мой, тертейфель! мене можно все дѣлай, что я желай... *(недовѣрчиво)*. На нашъ свѣтъ есть такой породъ зобакъ, который приходи на мнѣ, когда я нѣтъ дома!.. Фотъ и теперь... я должна итти по одна тенежна тѣла!..

кокро. Денежное дѣло!... Это дѣло не дурное, хозяинъ!

корманъ. Да... но сегодня.. эта вечеръ, нада, чтобъ мадамъ Корманъ булъ одна у себя... затога, что я не будить дома...

кокро, *(всторону)*. Онъ боится оставить жену!

корманъ. Каспадинъ Гогро!

кокро. Что прикажете, хозяинъ?

корманъ. Вашъ жена слишкомъ много уменъ!..

кокро. О нѣтъ... Что до ея ума... такъ извините!..

корманъ. Да, уменъ... уменъ для разна штукъ съ моя женъ... *(довѣрчиво)*. Она имѣй сношеній какъ улична воръ... мой жена долженъ отпраляйся въ Сенъ — Жерменъ съ своя туюродна братца... Вы знаете эта братца?

кокро. Какъ же — съ!... Г. Адемаръ... молодой человекъ!
 корнманъ. Но я не желаю, чтобъ они отправляйся въ Сенъ-
 Жерменъ... слышитъ-съ? Я не желаю! и не позволяй, чтобъ мой
 жена уѣзжаютъ изъ домъ.. и чтобъ буль гости у мой жена...
 Слышитъ — съ!... За того, что когда позволю отправляйся моя
 жена...

кокро. Понимаю! ужъ я знаю, что говорить!.. вамъ угодно
 г — на Корнмана?... Его вѣтъ дома, онъ уѣхалъ изъ Парижа!—

корнманъ. Песпотопно!... Песпотопно придуманъ!

кокро. Помилуйте! Я вѣдь недаромъ занимаю должность
 привратника... знаю всѣ хитрости!

корнманъ. Осоловивъ, не пускайтъ твоюродный братца...
 Эта слодый для мене какъ остра хинжал!

кокро. Сохрани Боже!.. Да прія онъ только у меня, я его
 сейчасъ за-воротъ!... (*схватываетъ за грудь Корнмана*).

корнманъ. Что ви!.. Что ви!..

кокро. Это я для примѣра...

корнманъ. А! та, та!.. Песпотопно придуманъ!.. (*отходя
 отъ него*). Ви, пожалуй, вычиститъ мой униформъ... и потомъ
 кавюшна... я ожидайтъ работникъ, чтобъ съдѣлай изъ него ма-
 газинъ. (*Отходитъ на-право*).

кокро. Слушаю, г. Корнманъ!.. (*про себя*). Экой скрига!.. А я
 думалъ изъ этой конюшни съдѣлатъ для себя комнатку!.. У меня
 была бы тогда особая половина!

корнманъ, (*у дверей*). Каспатинъ Гогро!

кокро, (*всторону*). Фу, какъ надоѣлъ!

корнманъ. Прощайте-съ! Я уходитъ! (*уходитъ*).

кокро. Бѣдная головушка!.. врядъ-ли ей уцѣлѣть!.. Что наз-
 вачево судьбою, того ужъ тебѣ не избѣжать!.. Ужъ когда нашъ
 братъ не можетъ поручиться самъ за себя, такъ что онъ мо-
 жетъ съдѣлатъ для тебя? (*За сценой, на-лѣво, слышенъ звукъ мѣ-
 дной посуды*). А! кажется наша молочница пробирается сюда...
 Воспользуюсь — ка я сномъ г — жи Кокро... пойду покуртиза-
 нить съ этой плутовкой... надобно же мнѣ отплатить своей суп-
 ругѣ за ея булочника!.. (*Уходитъ на-право и потомъ, тотчасъ-
 же показываясь въ васисдасть, говоритъ голосомъ Корнмана*): ка-
 спажа прифратницъ!.. ви сказывай всякій шелюфкъ, что я
 вѣтъ тома! (*скрывается*).

ЯВЛЕНИЕ III. —

(Жюли, просыпаясь въ испугъ)

Что?.. что такое?.. (Садясь на кровати). Кажется пришла отворить дверь?.. (сходя съ постели). Нѣтъ, вѣрно мнѣ пригрѣзилось... всю эту ночь мучилъ меня домовой... мнѣ безпрестанно снился милый мой муженекъ... (подходя къ авансценѣ.) Посмотрите пожалуйста!.. Онъ во время моего сна не потрудился даже вымести комнату!.. этакой лэивецъ! (Беретъ метлу въ глубинѣ на-право и начинаетъ мести комнату). Бьюсь объ закладъ, что онъ теперь бесѣдуетъ гдѣ-нибудь съ рюмкой... Ничего бы я такъ не желала, чтобъ онъ побольше выпилъ вина... тогда, возвратясь домой, онъ навѣрное сталъ бы бить стекла, браниться съ жильцами... и кончилось бы тѣмъ, что его бы выгнали отсюда и я осталась бы здѣсь полной госпожой!.. То-то бы я зажила!.. Что ни говорите, а жить здѣсь право недурно... 125 франковъ за шесть мѣсяцевъ... комната съ освещеніемъ и отопленіемъ.. потомъ эти разныя порученія и подарки... особенно подарки отъ тѣхъ жильцовъ, которые поздно являются домой и отъ тѣхъ жилищъ, которыя ведутъ секретную переписку... (понижая голосъ и опираясь на метлу). А у насъ въ домъ есть большія охотницы до такой корреспонденціи, начиная съ самой хозяйки... Она даромъ-что англичанка, а въ этомъ дѣлѣ не уступитъ любой французкѣ!.. Мы съ ней большія пріятельницы, несмотря на то, что она такъ ломаетъ нашъ языкъ!.. Вчера мы встрѣтились съ ней на лѣстницѣ... (подражая англійскому выговору)... Для чего-жъ, говоритъ, вишга на мужъ за такой уродъ?... А вы зачѣмъ вышли за своего вьнца? спросила я... Она расхохоталась по англійски... Ешгибъ шбигъ мой такая шупгугъ, говоритъ, я не пошигъ шъ ему на одна дня!... (перемѣняя тонъ.) Да, она правду сказала... Вонъ и г. Грюо, мой милый булочникъ... давно совѣтуетъ мнѣ пожаловаться на моего муженька мврному судью.. (смѣясь). Э-тотъ псѣвса не то еще было вздумалъ!.. Ну да увидимъ!.. (становя метлу на прежнее мѣсто). Кокро вѣдь тоже себя на умъ... я замѣтила, какъ онъ любезничаетъ съ молочницей... кстати.. я совсѣмъ забыла!.. (беретъ съ печки желѣзное ведро.) Вотъ его ежедневная порція... Бѣдный мой дружокъ! я думаю какъ

тебѣ хочется покушать! вѣдь тоже привычка... Мой биби любить по-утрамъ пить своего рода кофе... Пстой, я тебя покормлю... *(наливаетъ изъ ведра молока въ чашку.)* Поди сюда, мой несравненный другъ!.. повѣренный всѣхъ моихъ мыслей!.. *(дѣтскимъ голосомъ.)* Кись, кись, кись!.. биби, биби!.. ступай кушать молочка...

Я В Л Е Н І Е IV.

Жюли, Кокро, *(входитъ съ правой стороны.)*

кокро, *(въ сторону, съ удовольствіемъ.)* Этакой бѣсенокъ эта молочница!.. Вѣдь какого задала тумака!.. вѣрно было за что такъ отблагодарить.. я думаю, остался знакъ... и теперь... *(увидя жену.)* Жена!...

жюли, *(невидя его, ищетъ, на-льво, кошку.)* Да гдѣ же ты?.. Ступай, мой красавчякъ!..

кокро, *(любезно.)* Это вы меня зовете, г - жа Кокро?

жюли, *(съ досадою.)* Развѣ вы красавчикъ?.. Кажется, вы должны знать, что я не имѣю привычки такъ пѣжничать съ вами...

кокро, *(нѣжно.)* Ахъ Жюли!... неужели это будетъ вѣчно?.. *(Жюли смотритъ на него презрительно.)* Ну, погѣшь хоть разъ, моя курочка... понѣжничай съ твоимъ пѣтушкомъ... *(хочетъ взять ее за талию.)*

жюли, *(отталкивая его.)* Отвяжитесь!.. Вы видите, что я ишу моего биби!..

кокро, *(отходя на-право.)* А!.. *(въ сторону.)* Ищи, ищи!.. *(напльвая.)*

Роза въ рошцѣ гуляла

И случайно потеряла...

жюли, *(смотря подъ мебелью.)* Пой, пой!.. нечувствительный человекъ!

кокро, *(съ ироніей.)* Да не беспокойтесь, вашъ биби найдётся!.. Видите, какая славная погода!.. оцъ вѣрно отпавился погулять по кровлям!

жюли, *(продолжая вездѣ искать)*. Неправда!.. онъ никогда не имѣетъ привычки выходить изъ дома...

кокро, *(поднося палецъ къ носу)*. Да, знаю...

жюли, *(подходя къ нему, съ сердцемъ)*. Гдѣ моя кошка? Отдайте мнѣ кошку!.. *(Стуча ногою)*. Отдайте мнѣ мою кошку!..

кокро, *(скрестивъ руки, мрачно)*. Вы мнѣ не отдавали ея на сохраненіе!

жюли. Каинъ!.. О, я боюсь подумать... Эта ужасная улыбка...

кокро, *(иронически)*. Кто знаетъ... можетъ-быть вашъ прелестный библй отправился повидаться съ мовмъ попкой!

жюли. Что я слышу!.. Такъ и его убили!.. задушили!..

кокро, *(съ удивленіемъ и злобой)*. Задушили!.. Такъ мой попка не улетѣлъ, а задушенъ!.. *(Жюли садится на-льво въ кресла)*. А!.. ты сознаешься наконецъ, Лукреція Боржіа!.. *(подходитъ къ ней)*.

жюли. О, этотъ палачъ рѣшился меня погубить!.. Нѣтъ, это превышаетъ мѣру моихъ терпѣній!.. *(вскакивая, съ злобой)*. И вы думаете, что это такъ пройдетъ? *(Кокро въ испугъ пятится назадъ, къ правой сторонѣ, преслѣдуемый женою)*.

№ 3. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы не шутите,

Я втяну ужъ васъ въ бѣду!

Вотъ на зло вамъ, посмотрите,

Двадцать кошекъ заведу!

Ужъ съ такой семьей, повѣрьте,

Вамъ покоя не видать;

И въ царапинахъ до смерти

Вамъ придется щеголять!

Мы васъ силою принудимъ

И поить насъ и кормить,

Словомъ, прямо съ вами будемъ

Какъ съ собакой кошки жить!

(Жюли хочетъ выплѣнуться ему въ лицо, но онъ схватываетъ ее за руки.)

кокро. Право?.. вы не шутите?.. Ну, постойте же... я и самъ постараюсь вамъ услужить!.. *(Въ свой чередъ преслѣдуетъ Жюли, которая, лицомъ къ нему, пятится къ лѣвой сторонѣ сцены.)*

Тотъ же Л? Ужь какихъ же птицъ злодѣекъ
 Въ свой чередъ я заведу!..
 Соловьевъ и канареекъ
 И скворцовъ и какаду...
 Голубей, гусей, козушекъ,
 Утокъ, зуръ и пѣтуховъ,
 И сорокъ, подругъ — болтушекъ,
 И бранчивыхъ индюковъ!..
 Мы васъ силою принудимъ
 Насъ лелѣять и любить...
 И ужъ сами съ вами будемъ
 Какъ собаки съ кошкой жить!..

Останавливаясь и смотря другъ на друга съ злобою.

КОКРО.

ЖЮЛИ.

Да-съ! мы силою васъ принудимъ Мы васъ силою принудимъ
 Насъ лелѣять и любить, И поить насъ и кормить...
 И ужъ прямо съ вами будемъ И ужъ прямо съ вами будемъ
 Какъ собаки съ кошкой жить! Какъ съ собакой кошки жить!..

кокро, *(кричитъ.)* Увидимъ! посмотримъ, кто кого пересильтъ!.. Я башмачникъ... и не посямлю своего званія!.. Я васъ заставлю ходить по стрункъ... *(вытираетъ платкомъ потъ съ лица.)*

жюли, *(въ изнеможеніи, бросаясь въ кресла.)* Что? и вы смѣете!.. Пятъ, это ужасно, это нестерпимо, это сущій адъ!..

кокро, *(въ отдаленіи отъ нея.)* Ужь именно, сущій адъ!

жюли. Но у насъ есть правосудіе... Надобно же положить этому конецъ... *(вставая.)* Я ужъ слишкомъ долго терплю!.. Я буду требовать развода!.. Я хочу съ вами развестись... Слышите ли, развестись!.. Сегодня же, сейчасъ, сію минуту!..

кокро. Развестись!.. О, какое бы это было блаженство!.. Вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ я мечтаю объ этомъ и днемъ и ночью!.. Но вы забыли, что тутъ есть маленькое затрудненіе... Для разводовъ есть законы...

жюли. Такъ чтожъ такое?.. Я имѣю всѣ причины... Я буду просить и насъ разведутъ...

кокро. Тѣломъ и имуществомъ... Да, все это легко сдѣлать... *(На лицъ Жюли показывается удовольствіе.)* Только ово бу-

детъ стоять...

жюли, *(кивая головой)*. Да, для васъ слишкомъ дорого!.. Потерять такую жену, какъ я...

кокро. Оно будетъ стоять пятьсотъ франковъ!.. Я уже справлялся у стряпчаго!.. еслибъ не это, я давно бы уже предупредилъ ваше желаніе!

жюли. Пятьсотъ франковъ!

кокро. Да-съ, пятьсотъ франковъ... и за что же? За удовольствіе лишиться васъ... вѣдь это по-крайней-мѣрѣ въ десять разъ дороже того, чего вы стоите!

жюли. Невѣрю!

кокро. Можетъ-быть, у васъ найдется такая сумма... Пожертвуйте ей и, клянусь, я не останусь съ вами ни минуты.

жюли, *(вздыхая садится на-лѣво)*. Ахъ!.. богачи! богачи!..

кокро, *(сидясь на-право)*. О!.. богачи!.. богачи!.. *(Схватываетъ за голову руками)*.

жюли. Какъ они счастливы!

кокро. Будь у нихъ подобный случай, она не полумала бы и секунды... а я... *(съ злобой)*. Ты быдьякъ, нишій... и изволь оставаться мужемъ... на-вѣки, до гроба!

жюли, *(вставая, съ сердцемъ)*. Но если мы не можемъ терпѣть другъ друга... Если мы оба согласны!.. Развѣ вамъ нельзя разойтись... разойтись добровольно?..

кокро, *(съ удовольствіемъ, повертываясь на стуль)*. Bravo!.. Чудесная мысль!.. Добровольная разлука... неподобно!.. *(поднимал одну ногу)*. Намъ не нужно будетъ ни судей, ни стряпчихъ, ни адвокатовъ!.. *(вскакивая)*. Я расхожусь, ты расходись....

жюли, *(возвѣщая голосъ)*. Мы расходимся. вы расходитесь!..

кокро, *(крича сильнѣе)*. Они, онъ расходятся!.. расходятся!..

жюли, *(весело)*. Что ты скажешь повѣса? вѣдь я не дурно придумала?

кокро. Да такъ хорошо придумала, что я готовъ отъ удовольствія протанцовать самъ съ собою кадрили!.. *(Напывая кадрили)*. Тра, ла, ла... ахъ!.. *(подходя къ Жюли)*. Позвольте мнѣ, сударыня, просить васъ... сдѣлать мнѣ честь...

жюли, *(жеманясь)*. Съ удовольствіемъ, сударь... я еще не авгажирована!.. *(Съ намрениемъ)*. Я совершенно свободна!

(Оба поютъ и танцуютъ)

кокро, *(танцует)*. Первую фигуру!..

жюли, *(дѣлая dos-a-dos)*. Нѣтъ, третью!.. Безъ другой дамы нельзя дѣлать шена!

кокро. Такъ лучше же кавалеру соло!.. *(дѣлая прыжки)*. Смотрите, какъ я легкокъ, точно кошка!..

жюли, *(останавливаясь)*. Вы опять!.. довольно... я не хочу больше...

кокро, *(подбѣгая на-лѣво, къ кровати)*. Намъ недолго раздѣляться... Свяжи въ платокъ платья, да бездылушки... и отправляйся себѣ въ свое помѣстье!..

жюли, *(взявъ его за руку и отводя отъ кровати)*. Что?... Нѣтъ, извините... Извольте-ка вы взять свой гардеробъ да и ступайте вонъ... *(хочетъ подойти къ комоду на-право)*.

кокро, *(удерживая ее въ свой чередѣ)*. Не безпокойтесь!.. Я отсюда ни ногой!.. Неужели вы думаете, что я имѣю желаніе лишиться моего мѣста... для какой нибудь несчастной жены!..

жюли, *(на-право)*. А вы думаете, что я для васъ соглашусь выѣхать отсюда?

кокро, *(на-лѣво)*. Это моя квартира!

жюли. Нѣтъ, моя!

кокро. Вздоръ, моя!.. Прочтите-ка на двери... тамъ написано: «Здѣсь живетъ привратникъ...» а не привратница!..

жюли. Нужды нѣтъ... За меня заступится хозяйка!..

кокро. А за меня хозяйка!.. *(Она хочетъ говорить)*. Пойдите... не спорьте... Если отдать намъ споръ на разрѣшеніе цѣлаго мира судей... такъ они скажутъ, что эта квартира дана намъ вмѣстѣ и принадлежитъ обомъ!..

жюли, *(переходя сцену, съ отчаяніемъ)*. Обомъ!.. Такъ мы вѣчно должны жить вмѣстѣ!..

кокро. Вѣчно!.. О ужасъ!.. О жестокая судьба!..

жюли. О несчастныя привратницы!.. Вы съ мужьями вашими тѣ же сіямскіе близнецы!

кокро, *(съ отчаяніемъ бросаясь въ кресла)*. О, несчастныя привратники!.. что вы такое?.. Вы и ваши жены—это каретныя лошади!.. *(вскакивая)*. Какая мысль!.. Какую прекрасную мысль даютъ мнѣ эти четвероногія животныя!.. *(Скоро)*. Да, да!.. Я нашелъ ее, эту непреодолимую преграду вѣчнаго соединенія!.. *(Смотря выразительно на жену)*. Г-жа Кокро! восхищай-

тесъ!.. Мы будемъ разлучены!.. Разлучены на-вѣки!.. (*Поспѣшно уходитъ на-право*).

Я В Л Е Н І Е V.

Жюли, (*одна съ удивленіемъ*).

Непреодолимая преграда!... мы будемъ разлучены на-вѣки!.. и этотъ страшный взглядъ!.. Боже мой! я боюсь подумать.. что, если онъ рѣшился погубить себя?.. что, если онъ вздумалъ утопиться въ погребъ или выскочить въ окно изъ пятого этажа?.. О, вѣтъ, вѣтъ!.. этого не можетъ-быть!... сохрани Боже!..

№ 3. Я съ мужемъ рада разлучиться,
Но не съ покойнымъ, а съ живымъ;
Вѣдь мало-ль можетъ что случиться,
Когда намъ мужъ необходимъ!
Кокро тиранъ мой и нимало
Не дорожитъ своей женой,
А все я лучше бы желала
Живаго мужа быть вдовой!

А если онъ изобрѣлъ какое-нибудь злодѣйство противъ меня?.. (*Ходя большими шагами по комнатѣ*). О, это очень вѣроятно!.. Онъ читалъ Парижскія Тайны!.. (*трогательно*). Ахъ, какъ я благодарю теперь судьбу, что она не дала намъ дѣтей!.. Какіе бы ужасные примѣры были предъ ихъ глазами!..

кокро, (*за кулисами громкимъ голосомъ*). Вотъ онъ! вотъ онъ!..
жюли. Онъ идетъ сюда!.. (*Со страхомъ*). Боже мой! мнѣ невольно приходится на мысль Рауль синяя борода!..

Я В Л Е Н І Е VI.

Жюли, Кокро. (*Кокро приноситъ на плечъ доску и держитъ въ рукахъ деревянный конюшенный столбъ, который, имѣя на одномъ концѣ треугольникъ, ставится удобно на полъ*).

кокро. (*ставя столбъ къ будкѣ суфлера*). Вотъ онъ—вашъ давножеланный разводъ!

жюли, (съ удивленіемъ). Что это значить? (съ продолженіе слѣдующаго разговора Кокро разгораживаетъ поперегъ сцену, прикрѣпляя доску, въ видѣ перилъ, однимъ концемъ къ столбу, а другимъ къ печь).

кокро. Вы, кажется, видите, что я дѣлаю!..

жюли. Я ничего непонимаю!

кокро. (весело). Устраиваю каждому свою кѣтку...

жюли, (съ неудовольствіемъ). Чтожъ это? для какихъ-нибудь звѣрей?..

кокро. Нѣтъ, просто, для себя и для васъ!

жюли. Какъ? для меня?...

кокро. Чтожъ прикажете дѣлать?.. Квартира наша въ спорѣ... такъ мы раздѣлимъ ее пополамъ... Здѣсь же къ счастью двѣ двери... (показывая на-лѣво). Этотъ входъ будетъ служить выходомъ для васъ... (показывая на-право). А этотъ выходъ будетъ служить входомъ для меня... Печь, наша граница.. Она съ лампой и свиркомъ будетъ составлять общее владѣніе... Кажется, я придумалъ не-дурно... Мы будемъ жить, какъ-бы жили на разстояніи шести миль другъ отъ друга... у всякаго своя коморка... звай самого себя, бранись самъ съ собою... дѣлай, что хочешь, и дѣло съ концемъ... Ну, что? Нравится ли вамъ это?

жюли. Нѣтъ!.. Что это за перегородка?.. Какая-то доска...

кокро. А! Такъ вы хотите снова начать...

жюли, (поспѣшно). Нѣтъ, нѣтъ... я согласна на все... на все!.. Только бы не жить вмѣстѣ съ вами... (скромно и дружески). Но послушайте, Адольфъ... Если уже мы рѣшились разстаться... такъ мнѣ кажется, не мѣшаетъ подумать намъ и объ интересахъ... Надвюсь, что вы возвратите мнѣ мое приданое?

кокро, (серьезно). О, конечно... Вамъ будетъ возвращено все.. все, что я получилъ за вами, до послѣдней булавки... не исключая вашихъ капризовъ и грубостей...

жюли. Въ этомъ мы поквитаемся... я не бережлива...

кокро, (важно). Все не столько, какъ я... я удержу только свое...

жюли. Свое?.. Чтожъ это такое?.. Развѣ одни чулки?

кокро, (удерживаясь отъ гнѣва). Чръ!.. Я хочу только, чтобы вы возвратили мнѣ родовое мое имя... имя честныхъ Кокро!

жюли. Да... это единственное богатство, которымъ вы изволили меня налѣпить!

кокро, *(продолжая)*. Имя моихъ предковъ!.. мое незапятнанное имя!..

жюли. Столько же незапятнанное, какъ вашъ жилетъ!

кокро, Чръ!..

жюли. Я совершенно согласна... и беру прежнее свое имя: Жюля Моникъ... Это имя, которое украшало меня дѣвужкой... съ нимъ я буду имѣть полное право нравиться мужчинамъ.

кокро, *(иванно)*. А вы думаете, что я не буду нравиться женщинамъ!.. Повѣрьте, это вовсе трудно для меня! и если придетъ мнѣ капризъ, я осыплю ихъ подарками, накуплю шалей, матерій, брилліантовъ!..

жюли, *(насмѣливо)*. Боже мой! вы приводите меня въ отчаяніе!.. Всѣ эти сокровища, которыми бы должна пользоваться я, должны принадлежать другимъ!.. Какъ я несчастна!

кокро, Чръ!.. Давайте дѣлить мебель и — посуду!

жюли, *(подходя къ комоду, на которомъ, находится разная домашняя посуда)*. Извольте... сію минуту!

кокро. Отдайте мнѣ мое серебро!..

жюли. Вотъ вашъ столовый приборъ... въ которомъ столько же серебра, сколько въ васъ добродѣтели... *(передаетъ ему черезъ перегородку ложку, ножикъ и вилку.)* Вотъ еще суповая ложка... вы знаете, что она переломлена.. и потому я отдаю вамъ половину. *(Отдаетъ ему ручку суповой ложки.)*

кокро, *(показывая ручку публикѣ)*. Посмотрите! Это суповая ложка!.. Покорнѣйше благодарю!..

жюли. Вотъ вамъ стаканы!.. *(отдаетъ ему стаканы.)* Вашъ ножъ!.. *(бросаетъ его къ нему.)*

кокро, *(поднимая его)*. Мнѣ надобно еще получить полдюжины тарелокъ...

жюли. У насъ ихъ не дюжина, а тринадцать.

кокро. Мнѣ все равно, сколько бы ни было... Отдайте мнѣ шесть тарелокъ...

жюли, *(съ нетерпѣніемъ)*. Я вамъ говорю, у насъ ихъ тринадцать!..

кокро, *(грохотъ)*. Отдайте мнѣ шесть!

жюли, *(передая ему тарелки)*. Не кричите!.. вотъ, возьмите!.. *(Кокро, по мѣрѣ полученія вещей, ставитъ ихъ въ шкафъ.)*

кокро, *(перемльняя тонъ.)* Позвольте мнѣ мой судокъ?.. Слышите, судокъ?..

жюли. Погодите... надобно и его раздѣлить... Вотъ вамъ укусъ...

кокро, *(принимая графинчикъ.)* Я узнаю васъ въ этомъ пожертвованіи!..

жюли, *(подавая ему горшокъ.)* Вотъ вамъ... горшокъ.

кокро, *(подавая ей кружку.)* Вотъ вамъ... кружка!..

жюли. А метлу?

кокро. Сію минуту!.. надобно также и ее раздѣлить... *(снимающая метлу съ палки.)* Вотъ вамъ... *(бросаетъ ей вѣникъ.)* А это мнѣ!.. *(показывая палку, про себя.)* Надо приберечь... Неизвѣстно еще, что у васъ можетъ произойти... *(повелительно.)* Работу нашу мы также должны раздѣлить пополамъ... Вы какъ добрая дѣвушка, вѣрно не откажетесь мести вашу лѣстницу...

жюли. Въ два дня одинъ разъ... а вы, какъ милый молодой человекъ, будете зажигать лампы...

кокро. Вы извольте исправлять по-дому разныя комиссіи...

жюли. А вы извольте носить воду... вамъ же и самимъ она нужна...

кокро, *(удерживаясь.)* Чрър!..

жюли. Отворять дверь для приходящихъ, мы будемъ по-очередіи... по-недѣльно...

кокро. А ктожъ начнетъ?

жюли. Мнѣ все равно.

кокро. Лицо или рѣшетка?

жюли. Лицо!

кокро, *(бросая монету.)* Ваше — лицо!.. Теперь у каждаго въ насъ свой домъ... Условіе: не говорить другъ другу ни слова!

жюли. Ни словечка!

кокро. Не дѣлать другъ другу ни малѣйшаго безпокойства!.. *(напѣвая начало дуэта изъ Адольфа и Клары.)* «Вѣкъ безъ любви!.. тонъ, тонъ, тонъ, тонъ, тонъ, тонъ... безъ угожденья, безъ снисхожденья!..»

жюли, *(напѣвая съ то же время.)*

«Ты, свобода радость,

Ты намъ въ жизни сладость;

Ты одна мила! .. » и проч.

(Они продолжают пѣть каждый свою арію, усиливая голосъ до тѣхъ поръ, пока услышатъ за сценой стукъ въ дверь.)
 КОКРО, (подходя къ снурку и останавливаясь.) Привратница!.. слышите, стучатъ!

(Жюли дергаетъ снурокъ.)

Я В Л Е Н І Е VII.

ТѢЖЕ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, (проходя сзади, за окнами, съ лѣвой стороны на-правую.) Къ г-ну Корману!

КОКРО, (подбывая къ окнамъ кричитъ.) Позвольте... позвольте... ни г-на Кормана, ни супруги его, нѣтъ дома!.. (въ сторону.) Такъ и есть, это нашъ двоюродный братецъ!.. А его-то и не вѣльно пускать!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, (высовывая голову въ васисдасъ, съ той стороны, идъ Кокро.) Скажите, нѣтъ ли у вашей жены письма на мое имя?..

КОКРО, (улыбаясь.) У моей жены?.. Ахъ, у меня нѣтъ болѣе жены, г. Адемаръ!.. Она отправилась въ провинцію... въ Шарантонъ!.. (въ сторону, переходя сцену.) Хозяйское приказаніе съ моей стороны исполнено... если онъ не послушается меня, тогда я скажу, что это она... моя... что это привратница впустила его... Пускай же она расплачивается за разбитые горшки!.. (Садится впереди сцены.)

ЖЮЛИ, (въ сторону, поспѣшно.) Посмотрите, какъ онъ лжетъ!... это онъ хочетъ поссорить меня съ нашей хозяйкой!

ГОЛОСЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА (который возвращается съ права на-лѣво.) Отворите двери!

ЖЮЛИ, (отворяя съ своей стороны васисдасъ и дѣлая потихоньку знаки.) Стъ!.. Стъ!..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, (показываясь съ ея стороны въ окнѣ).
 Странно, что моей сестрицы нѣтъ дома!

ЖЮЛИ, (въ полголоса.) Это пустяки... не слушайте его... она тамъ, на-верху...

молодой человекъ, (весело.) Какое счастье!.. Благодарю васъ отъ души!

(Скрывается на-право)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Жюли, Кокро.

КОКРО, (сидя на стуль, скрестивъ руки, про себя.) Ахъ!.. надобно сказать правду, холостая жизнь чудесное дѣло!

ЖЮЛИ, (про себя, прибирая съ своей стороны комнату и обметая перомъ пыль.) Боже мой! какъ приятно имѣть свой уголокъ!.. Съ этимъ уродомъ у насъ была вѣчная грязь и беспорядокъ... но теперь я уберу на-славу свою комнату... Какъ у меня будетъ все чисто, опрятно!..

КОКРО. Наконецъ эту ночь я могу уснуть спокойно!.. (выпрямляясь и заглядывая на кровать.) Кстати о снѣ... при раздѣлѣ нашемъ я совсѣмъ забылъ о постели... (встаетъ.) Надобно будетъ ей сказать... Что — жъ, о важныхъ дѣлахъ мы можемъ всегда говорить... (громко, у загородки.) Г — жа Кокро!

ЖЮЛИ, (обратясь къ нему спиною.) Здѣсь нѣтъ никакой г-жи Кокро.

КОКРО. Дѣвица Жюли Моникъ?..

ЖЮЛИ. Ея нѣтъ дома! (въ сторону.) Какіе же у меня будутъ цвѣты! какія штучки, картиночки!..

КОКРО, (громко.) Послушайте, г-жа привратница!.. (стучитъ по доскѣ.)

ЖЮЛИ, (въ сторону.) Кричи сколько хочешь... я не намѣрена тебѣ отвѣчать!

КОКРО. Она глуха и нѣма!.. Нечего дѣлать... она имѣетъ теперь на это полное право!.. Чортъ возьми!.. этакъ мнѣ придется сегодня спать на-полу... это будетъ немножко жестоко!

ЖЮЛИ. Однакожъ, — пора мнѣ подумать о своемъ обѣдѣ!

кокро. Навишу ей письмо... на аспидной доскѣ... и отправлю съ верховымъ курьеромъ!.. *(беретъ аспидную доску, которая виситъ надъ столомъ и садится снова впереди.)*

жюли, *(осматриваясь).* Но какъ же я буду готовить кушанье?.. Печное чело и шкафъ остались у этого каверзника!.. Мы раздѣлились очень дурно!.. *(Послѣ минутной неръшительности, въ свой чередъ подходитъ къ доскѣ, громко.)* Позвольте васъ побеспокоить... Господинъ... какъ васъ?..

кокро, *(въ сторону.)* Ага!.. теперъ и ты!.. смотри, не напрасно ли такъ же...

жюли. Г. Адольфъ!

кокро, *(несмотря на нее.)* Его нѣтъ дома. *(Жюли стучитъ по доскѣ.)* Онъ въ Лонгшампъ!

жюли, *(въ сторону.)* Невѣжа!.. Онъ пишетъ... и вѣрно къ своей молочницѣ... можетъ-быть назначаетъ свиданіе... *(съ нетерпѣніемъ.)* Ей! привратникъ! *(стучитъ сильнѣе по доскѣ.)*

кокро, *(не обращая на нее вниманія.)* Ахъ, я и забылъ выставить число... Парижъ, 15-го... *(пишетъ.)*

жюли, *(про себя)* А! у тебя нѣтъ языка?.. Хорошо же... я сама навишу тебѣ сладостей на сахарной бумагѣ... *(беретъ чернилицу и грозитъ мужу пальцемъ.)* Я заставлю тебя заплатить три су!.. *(садится, беретъ лоскутикъ бумаги и начинаетъ писать.)*

кокро, *(пишетъ.)* «Милостивая государыня... отставная супруга...»

жюли, *(также.)* «Милостивый государь... несмотря на то, что вы удостоиваетесь такой вѣжливости...» *(придумываетъ, что писать.)*

кокро, *(пишетъ.)* «Я замѣтилъ, что вы изволили стащить съ меня одѣяло на свою сторону...»

жюли, *(также.)* «По полученіи сего письма, покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ печное чело...»

кокро. «Желая, послѣ семилѣтней супружеской жизни, насладиться спокойствіемъ, я требую отъ васъ присылки тюфяка...»

жюли. «А также и шкафъ, со-всѣмъ, что въ немъ находится...»

кокро. «Съ подушками и простыней...»

жюли. «Чтожь касается до васъ, то вы можете идти объѣдать въ ресторацію...»

кокро. «А такъ какъ я вовсе не эгоистъ, то позволяю ос-

тавить вамъ перину, набитую соломой... съ которой я не имѣю болѣе чести быть... вашимъ мужемъ... Адольфъ Кокро...»

жюли. «Ваша бывшая жена... Жюли Моникъ.»

(Складываетъ письмо.)

Я В Л Е Н І Е IX.

ТѢЖЕ, РАЗНОШИКЪ ПИСЕМЪ, (за васисдасомъ Кокро.)

РАЗНОШИКЪ ПИСЕМЪ. Господа!.. Журналы! Газеты!.. (выбираетъ чрезъ васисдасъ нѣсколько журналовъ, изъ коихъ одинъ падаетъ на сторону Жюли, прочіе же попадаютъ на голову Кокро.)

КОКРО. Осторожьне!.. Этакъ вы вашими журналами разшибете голову!.. (сбираетъ журналы и кладетъ на столъ.)

ЖЮЛИ, (подавая письмо въ свой васисдасъ.) Послушайте, г. Разнощикъ... возьмите письмо... это въ нашъ кварталъ...

РАЗНОШИКЪ, (съ удивленіемъ.) Что это? Письмо къ вашему мужу?.. (движеніе Кокро.)

ЖЮЛИ. У меня нѣтъ болѣе—мужа, г. разнощикъ... мы раздѣлились на-вѣкъ и тѣломъ и имуществомъ...

(возвращаясь на аванс-сцену поднимаетъ журналъ и кладетъ его на комодъ)

РАЗНОШИКЪ. Честъ имѣю васъ поздравить.

КОКРО, (про себя). Дерзкая женщина! и она смѣетъ еще ко мнѣ писать!

ГОЛОСЪ РАЗНОШИКА, (въ васисдасъ Кокро.) Г. Кокро! къ вамъ письмо!.. пожалуйста портовья!..

КОКРО, (принимая письмо и передавая аспидную доску въ васисдасъ.) Вы здѣсь очень кстати, г. разнощикъ... потрудитесь передать вотъ это въ соседнюю дверь...

ГОЛОСЪ РАЗНОШИКА. И онъ тоже! (въ васисдасъ Жюли). Господи Жюли Моникъ!... (Жюли принимаетъ аспидную доску). Съ вами бѣда! Вы заставляете меня заниматься контрабандой!

(Уходитъ, слышенъ стукъ запирающейся двери.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Жюли, Кокро.

жюли, (*держа аспидную доску*). Такъ это онъ ко мнѣ имѣлъ безстыдство написать такіа каракули!... (*прочитываетъ написанное на доскѣ*).

кокро, (*прочитавъ про себя письмо*). Ну, ужъ написала!... (*пожимаетъ плечами*).

жюли, (*такъ же*) Нѣтъ-съ, покорѣйше васъ благодарю!... и онъ думаетъ, что я соглашусь для него спать на соломѣ!

кокро, (*возвышая голосъ*). Я несогласенъ болѣе ни на какія уступки!... Если она недовольна, пускай убирается изъ этого дома!... для ея прихотей я не намѣренъ сидѣть голодомъ! (*зажигаетъ письмо на починикъ, который скрытъ отъ публики*).

жюли. Онъ можетъ спать гдѣ ему угодно... я была бы очень рада, еслибъ онъ убрался отсюда...

Голосъ горничной, (*за сценой*). Г-жа Кокро, отворите, пожалуйста, дверь!

жюли, (*тянуветъ снурокъ*). Горничная хозяйки... куда это она пошла?...

кокро. Такими письмами можно только закуривать трубку!... (*закуриваетъ трубку и зажигаетъ лампу, которая находится на печкѣ*). Теперь я могу имѣть еще одно наслаженіе, котораго былъ лишенъ во времена владычества моей жены... Ей, извольте видѣть, былъ очень непріятенъ табачный дымъ! что дѣлать! аристократическіе нервы!.. За то какъ я теперь натянусь!.. (*выпускаетъ изо-рта облако дыму на сторону Жюли*).

жюли. Уфъ! Уфъ! Я, просто, задохнусь отъ этого проклятаго зелья!.. Незнаю, кто подлѣ меня жаветъ... но эти сосѣди должны быть совершенные невежи!.. (*весело*). Посмотримъ, что новаго въ модномъ журналѣ... (*беретъ журналъ, садится въ большія кресла и начинаетъ читать*) «вчера, въ оперѣ...»

кокро, (*взявъ одинъ изъ журналовъ и садясь*). А! ты вздумала читать, беспокоить меня... стой же, и я не останусь въ долгу....

(Оба, въ одно время, читаютъ очень громко.)

кокро. «Предполагаютъ, что жюли. «Вчера, въ оперь, несмотря на твердость Дарда- выдавали за достовѣрное, что нелль и силы Султана Абдуль- наши львицы согласились но- Меджида, Портъ угрожаетъ опа- сить въ корсетахъ, вмѣсто кп- сность...» (говоритъ также гром- товыхъ усовъ, кивжалы...» (го- ко). Хорошо, что я не служу у воритъ также громко.) И умно этого Султана привратникомъ.. сляаютъ! Надобно же чъмъ-ни- а то-бы бѣда да и только! буль защищаться отъ этихъ злодѣевъ мужчинъ!

кокро, (сердито.) Эй вы, тамъ!.. Не лъзя ли вамъ завязать платочкомъ свой ротикъ... Я не слышу самъ, что читаю!

жюли, (въ сторону). А! мой голубокъ! тебя занимаетъ чте- ніе... Постой, я съѣлаю посвѣтлѣе...

кокро, (начиная снова читать). «Абвссинія...»

жюли, (приближается къ лампѣ и гаситъ ее). Добрая ночь!

(На сценѣ совершенно темно).

кокро, (съ удивленіемъ). Она загасила лампу!

жюли. Ступайте на улицу... тамъ фонари.

кокро. Вы не имѣете права лишать меня половины моего свѣта.

жюли. Я хочу спать... огонь вреденъ для моихъ глазъ...

(сидится въ кресла).

кокро. А! ты хочешь спать, моя душка... (беретъ большой аккордеонъ). Постой, я убаюкаю тебя сельской музыкой... (на- чинаетъ играть.)

жюли. Боже мой! теперь онъ принялся за эту несносную волюнку!... Что за ужасный домъ!

кокро, (играя, говоритъ въ тоже время). Баю, баюшки, баю...

жюли, (кричитъ). Вы нарушаете общественное спокойствіе!

кокро. Извините! я занимаюсь музыкой!..

жюли, (внѣ себя.) Переставьте играть!.. или вы не остане- тесь здѣсь ни минуты!...

кокро, (въ сторону, положивъ аккордеонъ на столъ). Ого- го!... вѣтъ, у насъ идетъ еще что-то неладно!

жюли, *(въ сторону)*. Это невыносимо!.. нѣтъ, одинъ изъ насъ долженъ непременно отправиться отсюда!

(Слышенъ стукъ кареты. Стучать. Жюли дергаетъ шнурокъ и возвращается на аванъ-сцену.)

кокро, *(въ сторону, смотря въ окно)*. Что это?.. горничная г-жи Корнманъ привела карету!

жюли, *(какъ бы размышляя, впереди сцены)*. Кто бы это прїехалъ въ каретъ?

кокро, *(въ сторону)*. Какая мысль!.. Постой же, я напугаю тебя въ этой темнотѣ!.. *(стучитъ сильно въ раму.)*

жюли, *(оглядываясь со страхомъ)*. Ахъ! ахъ!.. мнѣ страшно...

кокро, *(отворяя и запирая потомъ дверь съ своей стороны, говоритъ голосомъ Корнмана)*. Каспадинъ Гогро! *(своимъ голосомъ)*. Что прикажете, г. хозяинъ?

жюли, *(въ сторону)*. Это прїехалъ г. Корнманъ!

кокро, *(голосомъ Корнмана)*. Я не можна приходитъ ни одна разъ на свой домъ, чтобъ не буль слышна въ ваша квартиръ нестерпима шумъ!.. *(своимъ голосомъ)*. Это такъ-съ, ничего-съ, г. Корнманъ... Это изволитъ браниться моя жена!.. *(голосомъ Корнмана)*. Мнѣ надоѣдалъ ваша женъ!.. если ви кочеть, я сейчасъ слѣлай замолчи ваша женъ... *(своимъ голосомъ)*. Очень хочу, г. Корнманъ... ей и такъ уже не нравится житье въ нашемъ домъ...

жюли, *(кричитъ)*. Неправда! онъ лжетъ, г. Корнманъ!

кокро, *(голосомъ Корнмана)*. Молчите, мадамъ Гогро!.. если вашъ скучаетъ на мой домъ, ви можете отправляйся вонъ!

жюли. Но, помилуйте...

кокро, *(голосомъ Корнмана)*. Ваша мужъ прекрасна испрафна шеловѣкъ!.. онъ мнѣ нравился... а ви... ви связывай свой гардеробъ въ платка и чтобъ мой глазъ невидитъ польше... вотъ что-съ! *(Кокро еъ сторону, своимъ голосомъ)*. Ага! прикусила языкъ!... что? Это вѣрно не я!..

жюли, *(въ сторону съ недоверчивостью)*. Странно! онъ неспрашиваетъ у меня сегодня своего подсвѣчника?.. или это... а вотъ увидимъ... *(какъ бы рыдая)*. Ахъ, ахъ... *(такъ же отворяя и запирая съ своей стороны дверь, говоритъ голосомъ г-жи Корнманъ)*. Што это мой слышать? моя мушь бганится съ

мой фавогитка?.. (въ сторону, спрятавшись въ уголъ.) Ай, попался!.. меня слышала хозяйка!

жюли, (своимъ голосомъ, притворяясь плачущею.) Ахъ, какой вы ангелъ, г-жа Корнманъ!.. еслибъ вы знали, какъ меня мучить Кокро... онъ сегодня выпилъ слишкомъ много вина и прибилъ меня безъ всякой причины... а г. Корнманъ меня же винить и грозить выгнать изъ дома!.. (рыдаетъ сильно. Голосомъ г-жи Корнманъ.) Ахъ, какой ушасна проишествій!..

кокро. Но, Милади...

жюли, (продолжая.) Я не пуштитъ ваша шонъ изъ эта домъ... она совегшенный добгодѣтель... она така тихивька какъ вота... и это ви... ви не нашуетъ больше въ наша домъ!

(Оба съ сердцемъ говорятъ въ одно время, дѣлая жесты въ темнотъ.)

кокро. Тертейфель, мадамъ... это его жонъ отправляйся отсюда!

жюли. Годдемъ, мейстегъ!.. это мушь отпгавгяйса!..

кокро. Я!... жонъ!

жюли. Но... мушь!..

кокро. Нейвъ!

жюли. Жè!

оба. Я! — Но! — Жè! — нейвъ!

(Въ эту минуту показывается въ васисдасъ горничная съ зажженной свѣчей, которую ставитъ на печку.—Сцена внезапно освѣщается.)

жюли и кокро, (вмѣстѣ.) Это былъ онъ!.. Это была она!..

жюли, (грозя ему.) Постой-же ты, нѣмецъ этакой.

кокро, (такъ же.) Постой-же ты, глупая англичанка!

Я В Л Е Н І Е XI.

Тѣже, горничная, молодой человекъ, (подль нее, въ васисдасъ.)
горничная. Госпожа Кокро!.. скажите пожалуйста г-ну Корнману, когда онъ возвратится, что его супруга отправилась въ Сень-Жерменъ... къ своимъ знакомымъ англичанамъ...

(Кокро смотрит издали на горничную и молодого человека, которые тотчас же скрываются).

жюли. Хорошо, скажу!... (в сторону.) А! теперь для меня все ясно!

(Кокро, про себя, впереди сцены.) Хозяйка отправляется съ горничной въ Сенъ-Жерменъ... и везетъ съ собой двоюроднаго брата... такъ онъ былъ здѣсь (вслухъ). Прекрасно, сударыня!... Ну ужъ теперь только держитесь!... Поблагодарить же васъ г. Корманъ!...

жюли, (съ удивленіемъ). Что такое?... за что?...

Кокро. Вы ужъ знаете за что! Задасть же онъ вамъ!... (взявъ мундиръ и раскладывая его на чемоданъ). Я совсѣмъ забылъ вычистить его мундиръ!... Гдѣ это мой хлыстъ?... (ищетъ.) Дайте ему только прѣхать... подыметъ же онъ бурю (вдали слышенъ громъ и стукъ экипажа.) Чу!... Вотъ ужъ она и начинается.

жюли, (въ испугъ). Боже мой, Боже мой!... Этого только недоставало для моихъ слабыхъ нервъ! (дрожитъ какъ въ лихорадкѣ).

кокро, (найдя хлыстъ и подходя къ мундиру). Берегитесь же! Отплатитъ онъ вамъ за меня!...

жюли, (плачетъ). Боже мой! за что я такъ несчастна!

Кокро, (съ сердцемъ). За что?... и она еще спрашиваетъ!... (махая хлыстомъ). Да еслибъ я...

жюли, (какъ будто въ судорогахъ). Онъ съ-ума сошелъ... Онъ хочетъ меня бить!...

кокро, (ударивъ хлыстомъ по мундиру). Панъ!

жюли, (кричитъ) Ай! (Кокро продолжаетъ колотить платье; при каждомъ ударѣ хлыста, Жюли вскрикиваетъ, будто бьетъ ее).

кокро. Панъ!

жюли. Ай!

кокро. Панъ!

жюли, (громче). Ай!

кокро, (съ досадою). Ну, посмотрите, трогаю ли я ее!... (съ сердцемъ). Но постой же! ужъ была-не-была!... (подымаетъ хлыстъ).

жюли, (еще громче). Ай!... Помогите!

кокро. Погоди, вотъ я тебя помогу!... (Колотитъ хлыстомъ по докшъ. Въ эту минуту гроза слышна сильнѣе).

жюли. *(растерявшись)*. Ахъ! спасите, помогите!... рѣжутъ.
(Жюли въ безпамятствѣ убѣгаетъ въ дверь на-льво.)

Я В Л Е Н И Е XII.

КОКРО, *(одинъ)*. А! наконецъ ты оставила поле битвы за мною!... Теперь я вступаю въ свои права... перемѣняю квартиру и завожу здѣсь свои порядки!... *(перескакиваетъ чрезъ перегородку, или пролзаетъ подъ нее, и, переходя на лѣвую сторону, запираетъ дверь на замокъ. За сценой слышенъ шумъ сильнаго дождя)*. Принимаю снова въ свое владѣніе мою постель и располагаюсь на ней, какъ герой на трофеяхъ побѣды!... *(обвязывая голову платкомъ)*. Ну ужъ, выдался вывѣшній денекъ!... Экой дождь!... *(слышенъ стукъ въ ворота)*. Куда я думаю пріятно тому, кто теперь на улицѣ... *(стучатъ снова)*. Экъ разстучались!... извините... сегодня не моя очередь отворять дверь.... *(опять стучатъ сильнее)*. Стучите, сколько угодно... я не виноватъ, что привратницы нѣтъ дома! *(Ложится на кровать.)*

Я В Л Е Н И Е XIII.

КОКРО, жюли, потомъ Корнманъ, *(за сценой)*.

жюли, *(за сценой, стараясь отворить дверь на-льво)*. Ей!... отворите!... Развѣ вы не слышите, что стучать?... *(черезъ заднія окна видно, что Жюли перебѣгаетъ съ лѣвой стороны на правую.)*

КОКРО, *(спокойно лежа на кровати)*. Это не мое дѣло. *(За сценой слышенъ безпрестанный стукъ, все громче и громче)*.

жюли, *(за сценой)*. Сейчасъ, сейчасъ!... *(входя въ дверь на право)*. Что это?... злодей! онъ укралъ мою квартиру!... отдай мнѣ мою постель... слышишь-ли, отдай!...

КОКРО. Не кричите, отдамъ!... завтра утрюмъ!

жюли. Извольте выдти отъ меня... оставьте этотъ честный домъ!

Голосъ Корнмана, *(на улицѣ)*. Да отворишь, Тертейфель! я хотишь войти въ свой домъ!... *(стукаетъ палкой и молоткомъ.)*

жюли, *(со страхомъ)*. Боже мой!... нашъ хозяинъ!... *(держитъ шутокъ)*.

(Кокро вскакиваетъ съ постели, снимаетъ доску, а Жюли относитъ столбъ въ глубину сцены.)

КОКРО. Хозяинъ!... ну, надълали же мы дѣла.

(Оба въ суетахъ.)

Сейчасъ, хозяинъ... сейчасъ!... *(Кокро отмыкаетъ дверь нальво)*.

Я В Л Е Н І Е XIV.

ТѢЖЕ И КОРНМАНЪ.

КОРНМАНЪ, *(входя съ тѣломъ)*. А! Тертейфель!... заставляишь меня дѣла часъ оставайся на дождь, какъ зобакъ!... Шастье што у меня буль еще парасоль! *(обтряхиваетъ полы своего платья.)*

КОКРО, *(поспѣшно)*. Это все виновата моя жена, г. Корнманъ!

КОРНМАНЪ, *(къ Жюли)*. Въ вѣтреньесъ! вотъ што!

ЖЮЛИ. Неслушайте его, г. Корнманъ! онъ жетъ!

КОРНМАНЪ, *(къ Кокро)*. Вы негодна шеловѣкъ! и больше ничего!

КОКРО, *(любезничая)*. Ахъ, Боже мой! какъ вы измокли!... точно купались въ платѣ.

ЖЮЛИ, *(показывая на Кокро)*. Это истинный злодѣй!..

КОКРО. Замолчите ли вы!.. Развѣ вы не видите какъ измокъ г. Корнманъ!.. Не прикажете ли почистить васъ щеткой, хозяинъ!....

КОРНМАНЪ. Убирайтесь! тертейфель!... *(перемѣняя тонъ)*. Я надѣйся, по-крайна-мѣръ, что мой жонъ не оставляи свой домъ!..

КОКРО, *(про себя, смѣясь изподтишка)*. Вотъ оно! кстати!.. *(въ слухъ)*. Нѣтъ г. Корнманъ, ваша супруга никауда не выхо-

дѣла!.. она только уѣхала въ деревню... (дѣлаетъ знаки *Жюли*, которая отвѣчаетъ ему также.)

КОРМАНЪ, (съ испугомъ, отступая назадъ.) Съ твоюродна братца!.. съ твоюродна братца!..

ЖЮЛИ, (съ пріятностью.) Она приказала вамъ сказать, чтобъ вы не изволили беспокоиться и что она будетъ ожидать васъ въ понедѣльникъ, въ Сенъ — Жерменъ..

КОКРО. Да — съ... весь день, говорить, просижу на терасъ... все буду ждать моего милаго друга... (дѣлаетъ снова знаки *Жюли*.)

КОРМАНЪ, (внѣ себя, грозя палкою.) Распойникъ!.. форы!..

КОКРО и ЖЮЛИ, (схватясь другъ за друга и увертываясь отъ преслѣдованій *Кормана*.) На терасъ!.. На терасъ!

КОРМАНЪ. Вы обѣ негодна люди!.. Кто осмѣливайся пускай сюда эта твоюродна братца, когда я не прикажи!..

ЖЮЛИ и КОКРО, (въ одно время показывая другъ на друга.) Это онъ, г. *Корманъ*!.. — Это она, г. *Корманъ*!

КОРМАНЪ. Кто отпустилъ выходить отсюда мой жена?

ЖЮЛИ и КОКРО, (также.) Это онъ, г. *Корманъ*! — Это она, г. *Корманъ*!

ЖЮЛИ, (на-льво) Неправда, не я!

КОКРО, (на-право.) Неправда, не я!

КОРМАНЪ, (по-средишь.) Эти онъ! Эти она!.. (Съ сердцемъ, стуча палкою по полу.) Фонъ изъ мой домъ!.. оба за тверь!.. Тамъ въ скорый помирился!

ЖЮЛИ и КОКРО, (оробѣвъ.) Оба!

КОРМАНЪ, (внѣ себя.) И сей минутъ! сей секундъ!.. чтобы ваша духъ небуль!.. А нето, берегитесь!.. (*Корманъ* уходитъ на-право, дѣлая знаки, чтобы они отправлялись тотчасъ же вонъ).

Я В Л Е Н І Е Х V.

Жюли, *Кокро*. (Оба стоятъ неподвижно въ смущеніи).

Кокро, (послѣ нѣкотораго молчанія). Все кончено!..

жюли, *(съ досадою)*. Меня выгоняють отсюда!.. О, вы должны-быть очень довольны!.. Теперь мы поневоля должны раз-
статься!

кокро, *(съ горестью)*. Я уничтоженъ!.. я безъ мѣста!.. О, вы должны-быть на седьмомъ небѣ!.. Изволь теперь устроиваться.. *(ходитъ по сценѣ)*.

жюли, *(весело)*. Объ этомъ я нисколько не беспокоюсь... въ булочной г. Грюо есть свободное мѣсто, и я хоть сію минуту могу его занять!.. *(Кокро оглядывается)*. По-утрамъ я стану пробовать пирожки, а по-вечерамъ...

кокро, *(съ безпокойствомъ на-льво)*. А по-вечерамъ?..

жюли, *(гордо прохаживаясь по правой сторонѣ сцены)*. Мы будемъ ходить въ театры.. вздѣть по баламъ...

кокро, *(съ ревностью)*. Оба? вмѣстѣ?

жюли. Какъ мнѣ вздумается!.. я буду одна.. буду свободна, какъ птица!..

кокро, *(возвышая голосъ)*. Сударыня!.. я, какъ привратникъ, долженъ уважать общественные предрасудки!.. я недопущу до этого!

жюли, *(смѣясь)*. А вамъ какое дѣло?.. Вы сами будете свободны и можете спокойно пить молоко... съ вашей молочницей!

кокро, *(приближаясь къ ней, кричитъ)*. Слышите ли, я этого не позволю!.. я имѣю полное право!.. я вашъ господинъ!

жюли, *(стуча ногой)*. Это еще что за новости!.. Да скажите, пожалуйста, мы въ разводъ или нѣтъ?..

кокро, *(съ нѣкоторымъ смущеніемъ)*. Мы... конечно, въ разводъ... но все-таки...

№ 5.

(Въ сторону).

Какъ грустно мнѣ, какъ сердце замираетъ!
Ужель мнѣ съ ней въ разлукѣ трудно жить?.

(Жень).

Когда ужъ намъ судьба опредѣляетъ,
Разстанемтесь, извольте, такъ и быть!

Но странно мнѣ, смѣшно, что на прощаньи
Какъ-бы туманъ покрывъ мои глаза ..

Имъ тяжело, изъ нихъ, противъ желанья,

Явилася неожиданная слеза!..

жюли, (съ удивленіемъ, разтроганная, приближалась къ нему).
Неужели?.. Да, у тебя мокры ресницы... (отираетъ ему одинъ
глазъ своимъ платкомъ).

кокро, (показывая на другой глазъ). И другой также!

жюли, (улыбаясь и толкая его). Ахъ, ты дурашка!.. (Съ
чувствомъ). Ну, видишь ли, вѣдь ты все еще меня любишь!

кокро, (съ восторгомъ). И не хотѣлъ бы, да сердце велитъ!..
(дружественно). Этакая плутовка!.. Пулярдка!

жюли, (взявъ его за подбородокъ). Ахъ, ты негодный повѣса!

кокро, (трепля ее по щекъ). Ахъ, ты дрянная толстуха!

корнманъ, (въ халатъ, показываясь въ дверяхъ на-право,
громкимъ голосомъ). Все еще съѣсъ, негодна люди!.. Отправляйся
сей минута!.. или я вамъ сдѣлай бѣта!.. (Скрывается).

кокро, (необорачиваясь). Небезпокойся, сейчасъ уйдемъ!...

жюли, (мужу). Пойдемъ... что ему кланяться... давай руку
да и въ походъ!.. (беретъ его подъ руку).

корнманъ, (за кулисами, удаляясь). Скверна люди!.. негод-
на!.. Тертейфель!..

кокро. Бранишь, бранишь, пѣмчурка!

жюли. Посмотримъ, какъ-то ты, старый, перевесешь свое
горе?.. А намъ что?.. Мѣсто найти можно...

кокро. Побранившись, помириться нетрудно... А ужъ отъ
старости да слабости, вичѣмъ не вылечимся!

жюли, (приговариваясь идти). Скорѣе, скорѣе, Адольфъ!..
узелки подъ мышку да и мое почтеніе!.. (Проворно связываетъ
съ платокъ платья).

кокро, (снимая клѣтку и укладывая въ нее разныя вещи). Я
въ минуту буду готовъ!.. Пойдемъ, пойдемъ подъ брачный
бровъ!

жюли, (увязывая платокъ, со смѣхомъ). Подъ открытое небо!
на улицу!

кокро. (гордо). На улицу!.. А ты и забыла о моемъ братѣ!..
Вѣдь онъ держитъ харчевню въ улицѣ Преступной Кошки!..

жюли, (весело). Въ-самомъ-дѣль!.. У меня совсѣмъ изъ го-
ловы вонъ!

кокро, (*подходя къ ней*), Надюсь, что ты также откажешься отъ другихъ кошекъ... признайся, вѣдь это превѣроломное животное! (*показываетъ на портретъ кошки*).

жули, (*показывая на клятку*). А ты отъ своихъ птицъ!.. Согласясь, что онѣ очень надоблаютъ своимъ крикомъ!.

кокро, (*нѣжно*). Я буду во всемъ подражать тебѣ!.. Теперь, конечно, по-боку булочника!

жули, (*держа за собою хлысть*). И молочницу... да и этотъ хлысть за окно!

кокро. Брось его!.. Оставимъ здѣсь всѣ ссоры и раздоры!.. (*бросаетъ хлысть*). Я уношу съ собою только приврение! (*беретъ подъ руку жену*).

№ 6.

Вмѣстѣ.

Оставимъ же притонъ раздора,
Пойдемъ, дружочекъ мой, пойдемъ!
Что горевать! повѣрь мнѣ, скоро
Мы мѣсто новое найдемъ!

Жули.

Теперь довольны мы судьбою,
Но немѣшаетъ все скорѣй
Намъ мѣста попросить съ тобою
У добрыхъ, ласковыхъ людей!

(*Говоритъ, показывая на публику*).

Какъ ты думаешь, Адольфъ, не адресоваться ли намъ къ этимъ господамъ и господамъ?.. Можетъ-быть они найдутъ намъ мѣстечко у кого-нибудь изъ своихъ друзей или знакомыхъ?..

кокро, (*подходя къ рампу съ скромностію*). Позвольте васъ спросить: не имѣется ли здѣсь надобности въ тихомъ мирномъ семействѣ, состоящемъ изъ добраго мужа и скромной жены?

Вы не останетесь въ потерѣ,
Мы станемъ всѣмъ вамъ угождать...

Жюли.

Для васъ, повѣрьте, настежь двери
Мы будемъ навсегда держать!

Вмѣстѣ, (взявъ клятку и узелки)

Бери скорѣй свое имѣнье,
Пойдемъ, дружокъ мой, пойдемъ!
Лишь бы найти ихъ снисхожденье,
Такъ мы во всемъ успѣхъ найдемъ!

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ЧУДЕСА.

РАЗСКАЗЪ ИВАНОВА 101-го.

I.

Одинъ юноша, котораго я просто назову Полею, занимался съ успѣхомъ пейзажною живописью. Отецъ Поля имѣлъ хорошее состояніе и не стѣснялъ сына въ выборѣ занятій, слѣдовательно ничто не мѣшало ему предаться вполне любимому имъ искусству. За то надо было видѣть, какъ оживляло его весеннее солнышко, съ какимъ наслажденіемъ пускался онъ по петербургскимъ окрестностямъ, какъ умѣлъ онъ открывать живописныя мѣстности и съ какою любовью восхищался ими. Въ простотѣ сердца онъ не подозрѣвалъ тогда природы лучше сѣверной и живописи выше пейзажной.

Въ первыхъ картинахъ своихъ Поля ограничивался предметами, которые онъ самъ видѣлъ, которыми онъ самъ любовался, не далѣе пятидесяти верстъ отъ Петербурга. Оттого, можетъ-быть, въ этихъ произведеніяхъ его такъ много правды и одушевленія. Кудрявая березка, нѣсколько грядокъ, свѣжая, краснощекая огородница съ лейкою въ рукѣ, или разнообразный видъ трактира на большой дорогѣ, вотъ его любимые сюжеты. Онъ искренно благоговѣлъ передъ тѣми картинами, которыя представляютъ лагерь Бедуновъ у подножія Атласа, или безлюдную, томимую зноемъ африканскую пустыню, но оставался при той мысли, что природа всюду одинаково разнообразна и прекрасна, для

тѣхъ, которымъ понятно поэтическое ея значеніе, а свое, родное, живописцу легче усвоить, нежели то, чего онъ никогда не видалъ, даже и во снѣ.

Правда, Поля нѣсколько смущало то, что въ глазахъ знатока, любимый ландшафтъ его терялъ всю цѣну въ сравненіи съ самою посредственною историческою картиною; что его пейзажи оставались вовсе незамѣченными, когда они были поставлены на-ряду съ другими, болѣе замысловатыми произведеніями; но и въ этихъ случаяхъ какое-то внутреннее чувство своего достоинства укрѣпляло его. Я радовался за художника и общалъ ему блестящую будущность. Рано или поздно общественное мнѣніе всегда отдаетъ справедливость таланту, основанному на самобытности и внутреннемъ убѣжденіи.

Справедливость этого мнѣнія подтвердила новая картина Поля, заслужившая единогласное одобреніе. Она представляла ландшафтъ, освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца; нѣсколько розовыхъ облачковъ еще толпились на проводахъ царя свѣта; на первомъ планѣ, посреди низкаго, болотистаго мѣста, едва проторенная дорога, и на ней лѣнивая, безпечная фигура чухонца; маленькая, худенькая лошаденка его, едва тащить огромный возъ сѣна; вдали небольшой лѣсокъ, а на опушкѣ его клочокъ ржи, тощей, рѣдкой, помятой. И больше ничего. Очень просто, не правда-ли? Но съ перваго взгляда на картину въ ней поражало господство грустнаго оттѣнка сѣверной природы; а унылый видъ чухонца, какъ дивно отвѣчалъ онъ окружающей его природѣ! Этотъ ландшафтъ невольно заставлялъ задуматься. Самъ Поля, кажется, былъ доволенъ своимъ трудомъ. Перебравъ съ нимъ въ одинъ вечеръ нѣсколько вновь задуманныхъ имъ сюжетовъ, нѣсколько новыхъ эскизовъ сѣверной природы, я оставилъ его въ этомъ счастливомъ расположеніи духа. Кто бы могъ подумать, что мнѣ скоро готовится самое грустное разочарованіе?

Поля не умеръ, не унесъ съ собою въ могилу столько отраднхъ надеждъ: онъ не промѣнялъ любимаго искусства на милый дѣвамъ бѣлый султанъ кавалериста, или на грустное перо чиновника, не утратилъ всю силу свою у ногъ какой-нибудь новой Офеліи. Нѣтъ! хуже, тысяча разъ хуже!

Встрѣтивъ Поля черезъ мѣсяцъ, я не узналъ его.

Прическа à la мужикъ, козлиная борода, эспаньолка, какой-

то фантастическiй костюмъ и вдохновенное чело—вотъ въ какомъ видѣ представился мнѣ нѣкогда скромный, добросовѣстный художникъ.

Я ужаснулся.—Очевидно было, что онъ ѣдетъ въ Италию и поспѣшитъ объяснить мнѣ эту новость. Такъ и случилось.

— «Такъ ты ѣдешь въ Италию?» проговорилъ я протяжно, выслушавъ его.

— «Тебѣ, кажется, это не нравится.»

— «Признаюсь, я до-сихъ-поръ думалъ, что русекому и въ своемъ отечествѣ есть надъ чѣмъ поработать. — Если же ты хочешь изучать великихъ мастеровъ, развѣ здѣсь, подъ рукою, у тебя мало прекрасныхъ образцовъ всѣхъ возможныхъ школъ.— Ты намѣренъ сродниться съ ними на классической почвѣ: очень хорошо!—Но что ты у нихъ заимствуешь? — Колоритъ человѣческаго тѣла.—Да посмотри на любия женскія плеча, которыя, благодаря модѣ, всѣ открыты твоимъ взорамъ, взглядишь въ розовыя щечки и уста первой молоденькой дѣвочки, и ты, увѣряю тебя, скорѣе угадаешь тайну природы, нежели изучая картину Рафаэля.—Или ты надѣешься перенять у великихъ мастеровъ искусство разцвѣчивать и располагать ткани? Въ такомъ случаѣ отсылаю тебя къ тѣмъ-же женщинамъ. Сравни и увидишь, что одежда ихъ въ тысячу разъ изящнѣе, мягче въ изгибахъ, въ выборѣ, въ оттѣнкахъ цвѣтовъ, нежели самыя блестящія драпировки Веронеза. Если-же, наконецъ, ты думаешь заимствовать у нихъ искусство изобрѣтенiя, творчества, такъ успокойся, мой другъ, этого не переймешь, хоть изъѣзди цѣлый свѣтъ вдоль и поперекъ.—Теперь, за чѣмъ-же ты ѣдешь въ Италию?»

— «Всѣ это прекрасно! Я самъ такъ думалъ, пока ограничивался маленькими видами, да ничтожными ландшафтниками, но вѣдь надобно-же наконецъ заняться чѣмъ-нибудь по-серьознѣе, совершить переходъ къ историческому роду, а для этого нужно полуденное солнце Италии, огненные очи ея дѣвъ, блестящія звѣзды ея неба и близкое знакомство Рафаэля, Тинторета, Гверкино, Перуджино!»

— «Рафаэль! Гверкино! Перуджино! полуденное небо! огненные очи! Понимаю! Тебя сбили съ толку нѣсколько блестящихъ фразъ—это ясно!—Но посмотри на самихъ итальянцевъ. Они пишутъ картины точно также, какъ наши доморощенные пѣвцы

и пѣвицы поютъ итальянскія аріи. Гдѣ ты видѣлъ картины хоть одного современнаго итальянскаго живописца? а вѣдь, кажется, имъ нельзя пожаловаться на недостатокъ образцовъ.»

— «Это такъ!—другіе пользуются ихъ сокровищами.»

— «Кто-же эти другіе?—Русскіе, напримѣръ! Но я могъ-бы указать тебѣ нѣсколько талантовъ, образовавшихся единственно уроками нашей Академіи, никогда не бывавъ въ Италіи. Да зачѣмъ думать долго, примѣръ на лицо—ты!»

— «За то, что я такое? какую имѣю я извѣстность? что произвелъ я важнаго, капитальнаго?—Увы, ровно ничего!»

— «А твои ландшафты, твой чухонецъ?»

— «Котораго никто не покупаетъ.—Если хочешь, я дарю его тебѣ на память.»

— «Охотно принимаю подарокъ, съ тѣмъ, чтобъ возвратить его тебѣ, когда онъ будетъ стоить нѣсколько десятковъ тысячъ.»

— «Ты съ ума сошелъ?»

— «Да, онъ возвысится до этой цѣны, когда любители узнаютъ, что ты былъ въ Италіи, написалъ нѣсколько историческихъ картинъ, копировалъ Рафаэля, Тиціана и Микель-Анджело.—Но шутки въ сторону! Ты собрался въ Италію, и смѣшно-бы было съ моей стороны отговаривать тебя. Поѣзжай съ Богомъ! Я вѣрно первый и отъ чистой души пожелаю тебѣ успѣха.»

Поль, по-видимому, поколебался въ своемъ мнѣніи, потому-что нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ, пожимая мнѣ руку:

— «Впрочемъ, я болѣе за тѣмъ ѣду въ Италію, чтобы разсѣяться, подышать другимъ воздухомъ. Я люблю Италію по разсказамъ; надѣюсь, ненависть твоя не простирается на самую Италію!»

Очевидно было, что Поль желаетъ прекратить нашъ споръ.— Я замолчалъ.

— «И такъ, прощай!» сказалъ Поль, минутою спустя, «послѣ-завтра я отправляюсь на паракордъ. Взгляну мелькомъ на Германію, поживу въ Швейцаріи, и поскорѣе, — въ Италію! во Флоренціи, вѣроятно, останусь на-долго. Мнѣ дадутъ рекомендательное письмо къ графу Фронтифери. Въ виллѣ его помѣщена картинная галлерей, которая посѣщается всѣми иностранцами.»

— «И ты ѣдешь въ Италію только для перемѣны воздуха?»

Поль улыбнулся и пожалъ мнѣ руку.

— «Будешь писать?»

— «Не общаю!»

— «И хорошо дѣлаешь!»

II.

Поль сдержалъ слово. Онъ не написалъ мнѣ ни слова, какъ, впрочемъ, обыкновенно водится между нынѣшними друзьями. — Но черезъ годъ мы обѣдали вмѣстѣ въ Петербургѣ.

Тутъ Поль рассказалъ мнѣ свое путешествіе по Италіи.

Вотъ его слова :

— Говорятъ, вездѣ есть неистовые поклонники давно-миноваго, которые во всякомъ заржавленномъ гвоздѣ, во всякой полинялой тряпкѣ, видятъ слѣды почтенной древности, по пальму первенства, въ этомъ случаѣ, по справедливости должно отдать итальянцамъ. У нихъ нѣтъ камня, который не былъ бы свидѣтелемъ какого-нибудь ужаснаго преступленія; каждое дерево имѣло честь принимать подъ тѣнью своею какого-нибудь великаго мужа, всякой лоскутокъ земли освященъ классическимъ воспоминаніемъ. Если вѣрить словамъ моего чичероне, въ Генуѣ, я на каждомъ шагу попираю ногами знаменитости разнаго рода. Онѣ только у насъ въ чести, а въ Италіи валяются на землѣ, какъ самыя обыкновенныя вещи. Тамъ во всякомъ городѣ покажутъ вамъ цѣлыя улицы, примѣчательныя по совершившимся въ нихъ событіямъ; въ улицахъ—дома; въ домахъ—окна или лѣстницы, на лѣстницахъ—ступеньки, и пр.—У меня вытащили изъ кармана часы передъ дворцомъ Доріа, знаменитаго Доріа, славившагося въ свое время непоколебимою честностью. Вотъ какъ настоящее не оправдываетъ прошедшаго.

На генуэзскихъ улицахъ попадалось мнѣ много путешественниковъ всѣхъ родовъ. Одни ѣздятъ для того, чтобъ видѣть и чтобъ рассказывать въ послѣдствіи тѣмъ, которые не видали; другіе, болѣе любознательные, восхищаются по указанію чичероне, но изъ всѣхъ скитальцовъ по Италіи, особенно достойны жалости тѣ, которые, запасшись предварительно нѣсколькими блестящими фразами и весьма сомнительною эрудиціею, ѣздятъ съ предательскимъ намѣреніемъ вести «пу-

тевыя записки», для печати. Этимъ господамъ нѣкогда восхищаться; они думаютъ только о томъ, какъ-бы разшевелить любопытство своихъ будущихъ читателей, но часто подъ перомъ ихъ, Италію узнаешь только по-именамъ городовъ, озеръ и рѣкъ, значащихся въ путеводителѣ съ подробнымъ описаніемъ, почему и чѣмъ они знамениты.

Въ Генуѣ заболѣлъ я лихорадкою, которою обязанъ былъ полуденному небу и сладко-шепчущимъ волнамъ моря. Тотчасъ по выздоровленіи, я поспѣшилъ осмотрѣть знаменитѣйшія картинныя галлерей, но встрѣтилъ неудачу.

Владѣлецъ одной галлерей выдавалъ дочь свою за-мужъ, входъ былъ на время запрещенъ.

Въ другой поправляли лѣстницы, меня просили «пожаловать» черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Третья была открыта только для итальянцевъ.

И такъ, въ Генуѣ я по-неволѣ принужденъ былъ устремить всѣ свои восторги на ароматный воздухъ и чуть дробимую волну.

Во Флоренціи я, разумѣется, прежде всего спѣшилъ представиться графу Фронтифери. При первомъ свиданіи, графъ простодушно признался мнѣ, что онъ не имѣетъ чести вести родословную свою, подобно другимъ флорентійскимъ фамиліямъ, отъ Геркулеса или отъ Маріи; скромность, говорилъ онъ, не позволяла ему скрыть, что родоначальникомъ своимъ считаетъ онъ не больше какъ Энея, и потому присоединяетъ къ своей фамиліи начальную букву этого имени. Онъ обыкновенно подписывался: Э-и Фронтифери.

Его Villa Maravigliosa находилась въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Флоренціи, на берегу Арно. Конечно трудно доказать, что эту виллу наследовалъ графъ, по прямой линіи, отъ Энея; однакожъ въ томъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что фамилія Фронтифери владѣетъ ею съ незапамятныхъ временъ, и въ числѣ членовъ своихъ считаетъ трехъ папъ, шесть гонфалоньеровъ Флоренціи и одного высокаго любителя изящныхъ искусствъ. Само собою, этотъ высокій любитель — нынѣшній графъ Эней Фронтифери.

Онъ жилъ круглый годъ въ своей виллѣ, знаменитой садами, рощами, прудами и, въ особенности, картинною галлереею:

Отъ слова вилла вѣдетъ чарами волшебнаго міра, неправда-

ли? Невольно представляешь себѣ балетный дворецъ какой нибудь феи. Только суровый опытъ въ состояніи убѣдить, что итальянскія загородныя дачи представляютъ глазамъ восторженнаго посѣтителя очень простой, деревянный домъ, садъ со множествомъ каскадовъ и прудовъ и безконечнымъ рядомъ гробницъ, потому-что на римской почвѣ старинныя гробницы растутъ, какъ у насъ грибы послѣ весенняго дождя.

Но тогда я бредилъ Италіею; нестройную груду камней величалъ именовъ палацо; въ каждой крестьянской дѣвчкѣ видѣлъ идеалъ пластической красоты, словомъ, игралъ роль Донъ-Кихота. Неужели Италіи не суждено имѣть своего Сервантеса?

— «Но какъ-бы то ни было», продолжалъ Поль: «графъ обворожилъ меня своимъ обхожденіемъ, и теперь даже я охотно сознаюсь, что вилла его вполне заслуживаетъ названія «дивной».—Въ первый день знакомства нашего, графъ предупредилъ мои желанія: онъ показалъ мнѣ свою картинную галерею. Спущенныя во всѣхъ комнатахъ зеленыя шторы, разливали повсюду таинственную тѣнь, которая наполняла душу какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ. Въ этомъ полусвѣтѣ картины оживали, недостатки ихъ исчезали, въ произведеніяхъ суровой римской школы незамѣтна была сухость колорита, а картины венеціанской школы не ослѣпляли глаза чрезмѣрною яркостью красокъ.»

— «Однимъ словомъ, ты былъ въ восторгѣ, не такъ-ли, Поль?

— «Въ восторгѣ! я думаю; тѣмъ болѣе еще, что я допущенъ былъ въ галерею только въ слѣдствіе особой снисходительности ея владѣтеля; онъ тонко намекнулъ мнѣ объ этомъ, между разговоромъ; впрочемъ, восторгъ мой, надѣюсь, вознаградилъ графа за оказанное мнѣ вниманіе.

— «Прекрасно, чудесно, очаровательно, неподражаемо!» восклицалъ я, переходя отъ одной картины къ другой. Источивъ такимъ образомъ весь лексиконъ похвалъ, я потомъ показывалъ свое удивленіе уже молча, одними судорожными движеніями и лихорадочною дрожью. Графъ остался доволенъ мною. Я съ своей стороны былъ бы также совершенно имъ доволенъ, если-бы онъ позволилъ мнѣ посмотреть картины при обыкновенномъ дневномъ свѣтѣ. Но я натурально боялся

употребить во зло обязательность графа, и отложилъ это удовольствіе до другаго раза.

Когда мы кончили бѣглый обзоръ галлерей, графъ Фронтиферио взялъ меня за руку, и тихо, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, сказалъ :

— «Теперь приготовьтесь увидѣть самую драгоценную изъ моихъ картинъ; ту, которую я не всѣмъ показываю.»

— «Вѣрно Тицторетъ!»

— «Лучше!»

— «Неужели Рафаэль?»

— «Лучше!»

— «Лучше Рафаэля!..»

— «Посмотрите!»

Графъ отдернулъ занавѣску и глазамъ моимъ представилась молодая дѣвушка, занятая копіею съ Тицѣановой Венеры.

— «Это дочь моя! — Она соименница своему оригиналу; ее зовутъ Венерой!»

Увидѣвъ насъ, молодая дѣвушка встала.

— «И она достойна своего имени!» воскликнулъ я невольно.

Летучій румянецъ стыдливости вспыхнулъ на смугленькихъ щекахъ графини Венеры; она наивно попросила меня сказать мое мнѣніе объ ея копіи.

— «Бѣдный Поль! бьюсь объ закладъ—ты влюбился!»

— «Влюбился — до безумія! О Италия, думалъ я въ пылу страстнаго восторга, благословенная отчизна искусствъ и красоты. Природа осыпала тебя всѣми дарами своими, какъ нѣжная мать! Только подъ твоимъ вѣчно-юнымъ небомъ можно видѣть образцы классической красоты — Венеру Фронтиферио, напримѣръ! — Какъ эти роскошныя пряди волосъ, мягкихъ, черныхъ, блестящихъ, обрисовываютъ ея гордое, тосканское чело! какой античный бюстъ! что за прелесть, что за грація въ каждой позѣ, въ каждомъ ея движеніи! какая дивная гармонія въ цѣломъ и оконченность въ отдѣлкѣ малѣйшихъ деталей; съ какою любовью природа задумала этотъ чудный типъ женщины и какъ мастерски она его выполнила. И когда подумаешь, что—такое у насъ на Сѣверѣ выдаютъ намъ подъ великолѣпною фирмою: женщина! Блѣдное, безжизненное созданище, воспитанное въ душной атмосферѣ балльныхъ залъ,

въ неволѣ эластическаго корсета — вотъ женщина, которую я нѣкогда обожалъ! Какое горькое, ужасное заблужденіе!»

— «Бредъ горячки!»

— «И какой горячки! въ самомъ сильномъ періодѣ. Копію прекрасной Венеры я, разумѣется, осыпалъ похвалами. Мы завтракали въ самой очаровательной бесѣдкѣ, подъ тѣнью широко-разросшихся деревьев; легкій зефиръ дышалъ ароматомъ цвѣтовъ, и какихъ цвѣтовъ? Что за дивная поэма—тоscanская Флора!

— Полный любви и упоенія, откланялся я графу Фронтиферо и его прекрасной дочери. Они оба проводили меня до садовой рѣшетки и взяли съ меня слово, бывать у нихъ какъ можно чаще.

Я уже отошелъ нѣсколько шаговъ, когда графъ Фронтиферо воротилъ меня, и сказалъ дружески, взявъ за руку :

— «Любитель и художникъ—связаны неразрывными узами. Они питаютъ другъ друга и обязавы взаимною помощью. Не имѣя еще чести быть коротко знакомымъ съ вами, только на основаніи нашего братства по искусству, рѣшаюсь вамъ дать спасительный совѣтъ. Жить иностранцу въ нашемъ городѣ — совершенное раззореніе!—Извините, что я обращаю ваше вниманіе на мелочныя обстоятельства дѣйствительной жизни. Какъ быть! Нельзя вѣчно жить въ области изящнаго. Надо пить, ѣсть, имѣть квартиру. А въ Флоренціи, все это ужасно дорого. Я считаю долгомъ предупредить васъ, что въ двухъ шагахъ отсюда есть гостинница, правда не роскошная, но тихая, спокойная. Вы найдете здѣсь прекрасную комнату, будете имѣть хорошіи столъ, за весьма умѣренную цѣну. По-крайней-мѣрѣ такъ мнѣ кажется, хотя впрочемъ моимъ мнѣніемъ, можетъ быть, нѣсколько управляетъ желаніе имѣть васъ своимъ близкимъ сосѣдомъ.»

— «Помилуйте, графъ, я незнаю, какъ васъ благодарить!— Я готовъ бы былъ на всѣ возможныя пожертвованія для одного удовольствія—жить въ двухъ шагахъ отъ вашей прекрасной виллы, а вы къ тому еще предлагаете мнѣ всѣ удобства жизни. Повѣрьте, по-крайней-мѣрѣ, что я вполне умѣю оцѣнить ваше вниманіе и прямо отсюда отправляюсь въ гостинницу...»

— «Подъ вывѣскою Ромула и Рема».

Дивная страна, думалъ я, простившись съ графомъ Энеемъ.

Здѣсь на вывѣскахъ столько-же исторiи, сколько у насъ въ историческихъ романахъ.

III.

И такъ я поселился въ гостинницѣ подъ вывѣскою Ромула и Рема. Графъ Фронтиферо былъ правъ; она не щеголяла роскошью убранства, но за то изъ оконъ моихъ чудесный видъ на графскую виллу, а это, согласись самъ, не бездѣлица. Къ тому же ничто не мѣшало мнѣ вообразить, что въ этой-же самой комнатѣ, которую я занималъ, жилъ нѣкогда Доминикинъ или Веропезъ. Трактирщикъ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, который могъ бы разочаровать меня своими прозаическими толками. Напротивъ. Однажды въ припадкѣ художническаго восторга, мнѣ случилось обратиться къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Скажите, пожалуйста, синьоръ Поликастро, не здѣсь ли Брамантъ, имѣя пустой кошелекъ и страшный аппетитъ, что нѣрѣдко случается съ художниками, попалъ на одного изъ тѣхъ изверговъ-трактирщиковъ, которые ни копѣйки не вѣрятъ въ долгъ подъ залогъ первостепеннаго таланта; не здѣсь ли, говорю я, этотъ знаменитый живописецъ написалъ на стѣнѣ блюдо съ артишоками, и такимъ образомъ заплатилъ за нихъ такую живописною монетою?»

— «Не здѣсь ли? помилюйте, гдѣ-же больше могло это случиться, если не здѣсь!»

— «Въ такомъ случаѣ, вы конечно позволите мнѣ полюбоваться этимъ любопытнымъ памятникомъ великаго человѣка!»

— «Очень охотно! — Только вотъ видите-ли... проклятые французы... они истребили и расхитили драгоцѣннѣйшіе памятники моего бѣднаго отечества... теперь можно видѣть только то мѣсто, на которомъ... если вамъ угодно...»

— «Благодарю, синьоръ Поликастро... Я понимаю печальную истину, скрытую въ вашихъ словахъ, и очень вѣрю, что вамъ тягостно высказать ее вполне!»

Между тѣмъ, я все чаще и чаще посѣщалъ виллу.

Страсть моя къ графинѣ Венерѣ росла вмѣстѣ съ очарованiемъ полуденнаго неба и любовнаго свѣта луны. Справедли-

вость заставляетъ меня прибавить, что графъ, подъ различными предлогами, запретилъ мнѣ входить въ галерею.

Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я любилъ дочь его нашею вялою, чахоточною любовью; что я обожалъ ее издали и безмолвно, томился разлукою, а при свиданіи уста мои нѣмѣли, и одна мысль о приданомъ, какъ электрическая искра, потрясла все мое тѣло. Нѣтъ! любовь наша была беззавѣтная, поэтическая! Я выражалъ чувства мои канцоной Петрарка; Венера отвѣчала мнѣ сонетомъ безсмертнаго пѣвца Иерусалима. Разумѣется, мы убѣгали душныхъ комнатъ, въ которыхъ все напоминаетъ стѣснительные уставы свѣта. Подъ свѣтлымъ, роскошнымъ куполомъ полуденнаго неба, переливали мы другъ въ друга жгучій пламень южной любви, горячее, неукротимой, дышавшей ароматомъ цвѣтовъ и вооруженной блестящимъ лезвеемъ кинжала; мы повѣряли другъ другу наши чувства въ садахъ виллы, посреди развалинъ, кипарисовъ и гробницъ.

Въ тотъ блаженный день, когда я впервые осмѣлился открыть Венерѣ мое бѣдное сердце, она, съ царственнымъ величіемъ стояла посреди древнихъ гробницъ и освятила мое признание классическою улыбкою. Ея малютка-ножка небрежно попирала роскошный коверъ зелени и душистыхъ цвѣтовъ, и сама казалась только-что распутившимся, прелестнѣйшимъ цвѣткомъ, а ручка спорила красою формы и нѣжностью эпидермы съ древнимъ мраморомъ, на которомъ она покоилась.

— «Сага Венере», говорилъ я ей, «если отецъ твой не согласится на нашъ союзъ, мы умремъ смертію двухъ знаменитыхъ любовниковъ, смертію пламеннаго Ромео и его вѣрной Джульеты...»

— «О, да, непременно!» отвѣчала Венера, опуская свои длинныя рѣсницы.

Я счелъ необходимымъ замкнуть эту клятву страстнымъ поцѣлуемъ, и въ ту же минуту, съ устами слился уста...

Чтобъ успокоить твою сѣверную, пугливую нравственность, я спѣшу объявить тебѣ, что отецъ Венеры не былъ неумолимъ, подобно старому Капулетти. Любовь наша должна была вскорѣ увѣнчаться законнымъ бракомъ, и я съ радостью готовился надѣть оковы Гименея, которыя подчасъ такъ тяжелы у насъ на Сѣверѣ.

Венера моя охотно соглашалась ѣхать со мною въ Россію;

но прежде мы предполагали окончить вмѣстѣ предпринятое мною путешествіе по Италіи. Можно себѣ представить, сколько удовольствія обѣщало намъ художническое странствованіе, въ которомъ любовь была бы нашимъ путеводителемъ. И потомъ, съ какою гордостью думалъ я представить вамъ, друзья мои, идеалъ женской красоты въ лицѣ жены моей; какъ вдохновительно-бы было для меня путешествіе... И увы!

— «Ты принужденъ былъ оставить жену свою въ Италіи, и воротиться сюда одинъ, но все-таки счастливымъ обладателемъ прекрасной галлерей, неподобной виллы на берегу Арно и жены — красавицы?»

«Выслушай до конца и все узнаешь!»

IV.

Разъ, вечеромъ, уединясь въ своей комнатѣ, я рисовалъ съ античнаго бюста, и разумѣется, думалъ о милой Венерѣ. Было полночь. Повсюду царствовала мертвая тишина. Вдругъ за перегородкой моей комнаты послышались голоса. Сначала очень естественно представилось мнѣ, что я слышу бесѣду какихъ-нибудь величественныхъ тѣней древности, посѣщающихъ въ тихій часъ ночи мѣсто дѣйствій своихъ во время земной жизни. Предполагаемый интересъ и поучительность ихъ разговора оправдываютъ мое любопытство. Я воспользовался небольшою трещиною въ перегородкѣ и уставилъ въ нее свои глаза. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что трактирщикъ мой шелъ по сосѣдней комнатѣ съ фонаремъ въ рукахъ, а за нимъ графъ Фронтиферо, который тотчасъ сѣлъ въ большія кожанья кресла. Поликастро поставилъ фонарь на столъ, и расположился въ другихъ креслахъ, подлѣ высокороднаго графа.

Поликастро открылъ засаленную тетрадь, въ которой мнѣ негрудно было узнать приходо-расходную книгу. Графъ взялъ перо, и разсмотрѣвъ развернутую страницу со всевозможною важностью, казалось, намѣренъ былъ писать.

— «И такъ, мессеръ Поликастро,» сказалъ онъ.

«Обѣдъ семейства англичанъ :

Двѣ pollastri	30 фр.
Жареный окорокъ	50
Bricoli stracinato	10
Fegato á la milanaise	12
Pasta frola	8

Итого 110 фр.

100 франковъ! — Не болѣе того! — Съ каждымъ днемъ итоги твои уменьшаются, какъ доходы тороватаго сына богатыхъ родителей! Этакъ мы совсѣмъ раззоримся, отучимъ отъ себя господъ англичанъ! 100 франковъ — это ужасно!»

— «Помилуйте, графъ; англичане и такъ жалуются на наши цѣны!»

— «Такъ пусть сдѣлать себѣ дома, эти проклятые грабители! По милости ихъ скоро не останется у насъ ни одной гробницы, ни одного древняго памятника: они все везутъ въ Лондонъ! Скоро вся Италія будетъ въ Лондонѣ!—Но возвратимся къ печонкѣ á la milanaise. Однажды навсегда, намѣренъ ты наконецъ удвоить цѣны, да или нѣтъ?»

— «Но всѣ ужъ и такъ говорятъ, что я немилосердо деру съ путешественниковъ!»

— «Всѣ говорятъ!... Такъ даромъ, что-ли, будутъ имъ показывать такія виллы, какова моя! обширныя сады, древнія гробницы, пруды, не говоря ужъ о галереяхъ, и эти разбойники хотятъ имѣть bricoli stracinati за 10 фр. — Нѣтъ, Поликастро, нѣтъ, мой другъ, ты не рожденъ быть трактирщикомъ, иначе ты никакъ не затруднился бы возвышеніемъ цѣны! Я вижу, что мнѣ приходится самому наложить рѣзъ-фикс на всѣ кушанья, и за малѣйшее отступленіе отъ моей карты, предупреждаю тебя, — ты лишишься мѣста!»

Тутъ графъ своею собственною феодальною рукою выставилъ на картѣ цѣны всѣмъ кушаньямъ.

— «Помилуйте, сеньоръ!» восклицалъ между-тѣмъ Поликастро, «теперь никто и не подумаетъ спросить жареной рыбы или вареной зелени! Вы изгоняете на вѣки tagliarini! Вы губите въ конецъ gavoili! Сіятельный графъ! пощадите хоть ма-

карони! Цѣна ихъ освящена вѣками! Ее уложили ваши предки! Знаменитый Эней!

Но неумолимый графъ Фронтиферо, казалось, не обращалъ вниманія на взгляды трактирщика; опираясь лѣвою рукою на шпагу, какъ-бы въ доказательство своихъ правъ, онъ начерталъ на картѣ новую, удвоенную цѣну макаронъ, и всталъ.

Поликастро схватился за полы его краснаго бархатнаго кафтана.

— «Ваше упрямство развязываетъ мнѣ языкъ!» вскричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи. «Да, графъ, когда такъ, я скажу вамъ на-прямки! Поступки наши ужасны! — Горе Энееву роду! часъ гибели его приближается!»

— «Молчи, Поликастро—если дорожишь своимъ мѣстомъ!»

— «Вы не можете прогнать меня!»

— «Это почему?»

— «Потому-что вы не захотите лишиться своего дохода...»

— «А!»

— «Я думаю вамъ будетъ не очень пріятно, когда я всюду стану разсказывать, что такое ваша вила!»

— «Поликастро, мой другъ!»

— «Когда я разглашу про вашу галерею....»

— «Поликастро, mio caro!»

— «Или поразскажу о вашей дочери?»

— «Поликастро, Поликастро! Полно, перестань! Я, такъ и быть, сбавлю цѣну на макароны и да водворится у насъ миръ и согласіе!»

Однимъ почеркомъ пера Фронтиферо возстановилъ прежнюю цѣну на макароны, и такимъ образомъ примирился съ трактирщикомъ.

— «Помилуй, Поль, твой графъ просто сумасшедшій!»

— «Не совсѣмъ! А я такъ близокъ былъ къ тому послѣ этой роковой сцены! Представь мое положеніе! Видѣть нареченнаго отца своего, знаменитаго Энеева потомка, исправляющимъ должность трактирщика, слышать таинственные намеки Поликастро, который въ пылу гнѣва не пощадилъ ни виллы, ни галереи, ни даже — о ужасъ!—самой Венеры! Ужель она преступна, думалъ я. Ужели видъ женщины такъ обманчивъ, и въ прекрасномъ тѣлѣ можетъ скрываться порочная душа? Ужели въ женщинѣ — улыбка невинности, легкій румянецъ

стыдливости, младенчески-простая рѣчь — все это ложь и обманъ! — Венера преступна, о Боже, возможно-ли это? И слова трактирщика раздавались въ ухахъ моихъ, какъ шумъ Ниагарскаго водопада.»

Между тѣмъ, сцена перемѣнилась. По заключеніи мира графъ снялъ съ себя красный кафтанъ и повѣсилъ его на гвоздикъ, положилъ шляпу на каминъ, снялъ шпагу, и засучилъ по локоть рукава рубашки.

Поликастро позвонилъ и тотчасъ выбѣжалъ на лѣстницу. Онъ скоро воротился, заперъ за собою дверь на замокъ, и подошелъ къ большому столу, началъ выкладывать изъ принесенной имъ корзинки зелень, рыбу, цыплятъ и плоды. Затѣмъ Поликастро вынулъ изъ шкафа кухонную посуду.

— «Они добивались философскаго камня!»

— «Просто стряпали кушанье.»

— Вооруженный огромнымъ ножомъ, графъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, потрошилъ цыплятъ, крошилъ зелень, а трактирщикъ, тѣмъ временемъ, разводилъ огонь на очагѣ, и подбавлялъ пряныхъ кореньевъ въ кастрюли, которыя наполнялъ товарищъ его.

Вообрази мое удивленіе при видѣ знаменитаго потомка Энея за такую работою! До двухъ часовъ ночи владѣтель Villa Maravigliosa преспокойно чистилъ себѣ моркови! Когда всѣ кушанья были уже на очагѣ, онъ вымылъ руки, спустилъ рукава рубашки, надѣлъ кафтанъ и шляпу, и прицѣпилъ шпагу; Поликастро посвѣтилъ ему, и они оба вышли. Нельзя представить себѣ, съ какою быстротою измѣнились отношенія Поликастро къ своему господину.

За минуту предъ тѣмъ товарищъ графа по ремеслу — трактирщикъ, сдѣлался почтительнымъ вассаломъ, самымъ покорнымъ слугою, лишь только тотъ надѣлъ свой красный кафтанъ. Держа въ правой рукѣ колпакъ, а въ лѣвой фонарь, онъ изгибался передъ графомъ, какъ проситель передъ своимъ милостивцемъ, увѣряя его въ своей неизмѣнной преданности.

У.

Разумѣется, что при первомъ же свиданіи съ сеньорой Ве-

нерою, я рѣшился вывѣдать у нея объясненіе таинственныхъ намековъ трактирщика. Конечно, трудно было навести разговоръ на предметъ, который занималъ меня, но по счастью мы гуляли въ саду, и статуя императора Вителлія подала мнѣ счастливую мысль. Я сказалъ:

— «Многіе знаменитые люди, даже государи, отличались удивительными странностями; напримѣръ:

Вителлій самъ мылъ посуду.

Траянъ разливалъ вино въ бутылки.

Константинъ кроилъ сандалин.

Людовикъ VIII варилъ варенье.

Людовикъ XV варилъ кофе.

Нашъ дивный Петръ находилъ время для занятій токарнымъ искусствомъ. Я понимаю эти причуды; онѣ служатъ отдыхомъ отъ государственныхъ заботъ. Но занятія художествами также утомительны и требуютъ развлеченій. Вашъ батюшка...

— «О! онъ также имѣетъ свои странности!

— «Можетъ быть, почтенный родитель вашъ пишетъ плохіе стихи, и любитъ, чтобы ихъ хвалили.

— «Нѣтъ, не то!»

— «Занимается хозяйствомъ?»

— «Да—одною его отраслю.»

— «Но хозяйство имѣетъ столько отраслей, что трудно угадать, которой изъ нихъ именно батюшка вашъ посвящаетъ свои безсонныя ночи и ученыя изъясненія. Кругъ хозяйственной дѣятельности такъ обширенъ — начиная съ пограничной межи до господской кухни...

— «Именно, кухня занимаетъ всѣ его досуги! простодушно прибавила Венера, опуская свои длинныя рѣсницы.

— « Конечно... въ этомъ вѣтъ ничего предосудительнаго! Но, сага Венери, зачѣмъ не родились вы подобно той богинѣ, которой имя вы такъ достойно носите? только Венера нашего времени должна бы родиться изъ пѣны шампанскаго, а не изъ морской. Но, увы! вамъ суждено было прибавить блестящую страницу къ родословной Энеева дома. Покоримся суровой необходимости и постараемся уважать самыя заблужденія великихъ людей! И такъ — почтенный родитель вашъ днемъ—высокій покровитель изящныхъ искусствъ...

— «А ночью — рестораторъ,» прибавила Венера. «Я считаю своею обязанностію открыть вамъ это; между женихомъ и невѣстой не должно быть тайны. Однакожь, именемъ любви нашей, я заклинаю васъ не говорить объ этомъ ни слова батюшкѣ. Онъ самъ стыдится своей слабости!»

Такимъ образомъ одна изъ трехъ загадокъ для меня объяснилась. Будущій тесть мой занимался кухней изъ оригинальности. Что-жь? по моему лучше стряпать хорошіе макароны, нежели плохіе романы или кухмистерскія газеты, и гораздо поучительнѣе шпиговать, чѣмъ нести дичь. Хорошее блюдо не можетъ замарать древняго герба, и несмотря на свою странную манію, графъ не менѣе того оставался владѣтелемъ большаго состоянія и счастливымъ отцемъ милой дочки, которая вмѣстѣ съ рукою своею отдавала мнѣ все свое имѣніе, и виллу, и картинную галерею.

Оставалось разрѣшить таинственный смыслъ намековъ трактирщика на галерею и на мою милую невѣсту. Я заранѣе былъ увѣренъ, что Венера разрѣшитъ ихъ также просто и наивно, какъ и странное обстоятельство ночныхъ занятій своего родителя, и потому, запечатлѣвъ поцѣлуй на ея классической ручкѣ, я сказалъ ей:

— «Повѣрьте, милая Венера, я вполне умѣю цѣнить деликатность вашего поступка. За откровенность вашу обязанъ я взаимною откровенностію. Вы правы, какъ нельзя больше: между женихомъ и невѣстою не должно быть никакой тайны, ни малѣйшей тѣни сомнѣнія. Я долженъ высказать вамъ самыя сокровенныя мысли свои. Да, я долженъ признаться, меня тревожитъ одна мысль. — Батюшка вашъ такъ добръ, такъ ласковъ, такъ внимателенъ къ малѣйшимъ моимъ желаніямъ, и несмотря на все это, я всего только три раза видѣлъ картинную галерею, которая произвела на меня самое восхитительное впечатлѣніе и поселила желаніе изучить ее до малѣйшихъ подробностей...

— «Очень просто! — Въ прошедшемъ году, батюшка предпринялъ путешествіе во Францію и въ Англію, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы осмотрѣть тамошнія картинныя галереи, но любители встрѣтили его самою обидною недоброжелательностію и какъ будто сговорились затруднить ему доступъ ко всемъ хранилищамъ драгоценностей этого рода. Случай открылъ графу, что этимъ страннымъ приѣмомъ былъ онъ обя-

занъ одному англичанину. Въ отмщеніе за то, что батюшка, по какимъ-то особеннымъ причинамъ, не допустилъ его въ свою галерею, этотъ англичанинъ заградилъ ему дорогу во всѣ картинныя галереи въ Англии и во Франціи. Какъ человѣкъ благородный, графъ почувствовалъ обиду, но какъ итальянецъ, скрылъ свои чувства и поклялся отмстить. Возвратившись домой, онъ рѣшился не допускать въ свою галерею ни одного иностранца. Только особенное уваженіе къ вамъ могло заставить его измѣнить обычаю, основанному на справедливой мести. Теперь, надѣюсь понятно, почему, уступая чувству личной привязанности къ вамъ, батюшка ввелъ васъ въ свою галерею, а потомъ, вѣрный данному обѣту, не исключавшему ни одного иноземца, онъ лишилъ васъ удовольствія восхищаться его картинами.»

— «Ясно, какъ солнце, какъ свѣтлое небо вашихъ очей!» воскликнулъ я, внѣ себя отъ восторга.

— Еще одинъ вопросъ и — послѣдній! прибавилъ я, минуточку спустя.

— «Скажите, милая Венера, никогда прежде сердце ваше не билось для другаго? Какъ итальянка, вы поймете, вы простите мои ревнивыя опасенія.

— «Никогда! отвѣчала она съ такою прелестною наивною, которая показывалась мнѣ лучше всѣхъ убѣжденій.

— «И потомъ, когда мы соединимся на-вѣки, родитель вашъ, я надѣюсь, сниметъ свой строгій запретъ. Иначе, я не могу быть счастливъ. Искусство — моя вторая любовь!

— «О, конечно! Тогда вы будете полнымъ обладателемъ всей галереи. И даже теперь, если вы хотите, я могу доставить вамъ случай, проникнуть въ нее чрезъ потаенную дверь. Только общайтесь не нарушать заведеннаго порядка, особливо, не подымать шторъ, потому-что это капризъ батюшки, и не уваживъ его, вамъ трудно будетъ скрыть свое присутствіе въ галереѣ.»

— Нѣтъ, никогда любовникъ не былъ такъ обрадованъ давно-желаннымъ признаніемъ, какъ я, послѣдними словами милой Венеры.

Венера раздѣляла мою радость, и желая довершить мое благополучіе, вручила мнѣ ключъ отъ галерей. Я оставилъ невѣсту свою подъ тѣнистыми аллеями виллы, а самъ бросилъ

ся въ галерею, и вѣѣ себя отъ восторга пальъ ницъ передъ тремя или четырьмя—стами картинъ знаменитѣйшихъ мастеровъ, итальянскихъ, французскихъ, испанскихъ, фламандскихъ, нѣмецкихъ и даже англійскихъ.

Я перенесся къ вѣкамъ давно — минувшимъ, свидѣляемъ славныхъ трудовъ величайшихъ мастеровъ; древнія, золотыя рамы картинъ казались мнѣ вратами въ ихъ мастерскія; оторвавшись насильно отъ Джіотто, я спѣшилъ поклониться Перуджину; Микель-Анджело разсыпалъ передъ глазами моими пеструю семью своихъ демоновъ и грѣшниковъ, а строгій Альбрехтъ Дюреръ, казалось, дразнилъ меня наивными личиками своихъ германскихъ дѣвъ.

— «Нечего сказать; ты говоришь такими натянутыми фразами, которыя—бы сдѣлали честь самому крученому слогу!

— «Но ты понялъ меня—а это ужъ дурно! Значить я еще не искусился въ высокому слогу. — Но будемъ продолжать рассказъ. — Пока я предавался выспреннимъ наслажденіямъ, большая дверь въ галерею отворилась, вошелъ...

— «Графъ Фронтиферо съ дочкою? Бьюсь объ закладъ, ты попалъ въ западню...

— «Ты угадалъ—только не совѣмъ. Вошелъ графъ Фронтиферо съ трактирщикомъ.

— «Вотъ ужъ это становится чертовски непонятно!

— «Я едва успѣлъ спрятаться за колоссальную статую Полліона. Благодаря акустическому устройству залы, я не проронилъ ни одного словечка изъ интереснаго разговора двухъ почтенныхъ собесѣдниковъ.

— «Ихъ остается всего только двѣ, графы!» сказалъ трактирщикъ.

— «Увы, Поликастро, къ несчастію, ты слишкомъ правъ! Благородные предки мои...

— «Благородные предки ваши были ужасные моты. Не стыдно—ли имъ было проѣсть на пиры да на праздники столько прелестныхъ дѣвъ самаго лучшаго колорита, такое множество историческихъ лицъ неподражаемаго рисунка? Воля ваша, это почти людоедство.

— «Увы, Поликастро, наше званіе имѣетъ свои условія, часто слишкомъ тягостныя. Дворянинъ не можетъ жить какъ простой ремесленникъ. Не оскорбляй память моего великаго прародителя; накинемъ покровъ на слабости моихъ предковъ!

— «И на картины, которыя они вамъ оставили, хотя, кажется, скоро уже никакой покровъ не скроетъ пагубной поддѣлки. — Положимъ еще, лѣду вашему можно извинить опущеніе правой стороны галлерей: онъ долженъ былъ являться при дворѣ императора. Пусть онъ рѣшился замѣнить поддѣлками десять видовъ Венеціи, восемь амуровъ, девять похищеній и четыре монастыря для того, чтобы имѣть лучшаго повара—француза и самаго искуснаго лондонскаго кучера, пусть такъ! но скажите сами, можно-ли вспомнить безъ негодованія о почтенномъ родителѣ вашемъ, который всю лѣвую сторону галлерей принесъ въ жертву своей необузданной страсти къ игрѣ? который поставилъ на одну карту восемь портретовъ и всю коллекцію Фламандской школы?—Хотя по-крайней—мѣрѣ замѣнили-бы они всѣ промотанныя картины хорошими копіями, а то жалко и больно смотрѣть на оставленныя ими поддѣлки. Повторяю вамъ, графъ, скоро и зеленныя шторы не спасутъ насъ отъ обличенія въ преступномъ подлогѣ!

— «Поликастро, другъ мой, энтузіазмъ самый лучшій колористъ. Доказательство тому этотъ богатый молодой человѣкъ, который скоро будетъ моимъ зятемъ. Вотъ эту картину принялъ онъ за настоящаго Караваджіо!

— «Добрый молодой человѣкъ! возразилъ трактирщикъ насмѣшливымъ тономъ.

— «А эту за Джіордано.

— «Душа чистая и невинная!

— «Эту за Джуліо-Романо.

— «Да прославится имя той дивной женщины, которая произвела его на свѣтъ.

— «Эту за Микель-Анджело.

— «Просто, онъ человѣкъ рѣдкой добродѣтели!

— «А эту, Поликастро, за Рафаэля.

— «Ангель непорочности!

Тутъ они захохотали такимъ смѣхомъ, который раздался въ ухахъ моихъ, какъ громъ обрушившейся вселенной.

— «И если бы онъ зналъ, этотъ простодушный юноша, » еказалъ трактирщикъ, едва удерживаясь отъ смѣху, «если-бы онъ зналъ, что эта картина, которую онъ считаетъ за Рафаэлеву — написана вами и мною. Ужъ будетъ лѣтъ десять, какъ оригиналъ странствуетъ по свѣту, и не одинъ, такъ что нако-

нецъ, намъ приходится оставить въ покоѣ кисть и палитру, потому-что нечего ужъ болѣе копировать.

— «Что за дѣло! лишь-бы продлить обманъ до свадьбы моей дочери! — Не запрети я моему будущему зятю входить въ галерею или проболтайся ты, и дочь моя можетъ лишиться выгоднаго жениха!

— «Дочь ваша? — Позвольте спросить, о какой дочери вашей идетъ рѣчь? — Не о графинѣ-ли Венерѣ? — Она столько-же дочь ваша, сколько эти картины...

— «Не совѣмъ: она племянница моя, дочь моего брата, который умеръ во Франціи.

— «Такъ этого иностранца вы хотите женить на копіи!»

«Венера! она не дочь его! о Боже! я готовъ-былъ опровергнуть скрывавшаго меня Полліона, который также, по всей вѣроятности, былъ не что иное, какъ копія.

— «Но, графъ, я непонимаю, для чего было скрывать отъ молодого человѣка, что Венера племянница ваша, а не дочь?»

— «Помилуй, Поликастро, бѣдняжка безъ ума отъ всего итальянскаго, отъ итальянскихъ живописцевъ, итальянскихъ женщинъ и виллъ. А племянница моя—родилась во Франціи!

— «Понимаю! Вы рѣшились прохладить восторгъ его. И въ самомъ дѣлѣ, почему не такъ? рано-ли, поздно-ли, онъ долженъ разочароваться, таковъ законъ природы. Все быстро проходитъ на землѣ, и ничто не проходитъ быстрѣе юношескихъ восторговъ.

«О Боже, Боже! рядъ жалкихъ копій принять за классическое собраніе картинъ, быть женихомъ поддѣльной итальянки! А я, безумецъ, любовался ея гордымъ тосканскимъ челою.»

Я ужъ начиналъ думать, что я самъ ни что иное, какъ жалкая копія.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ галереѣ раздался стукъ... Я высунулъ голову. Графъ взбирался по лѣстницѣ, а достойный товарищъ—поддерживалъ его, и такимъ образомъ они готовились нанести роковой ударъ знаменитой картинной галереѣ. Въ минуту они сняли со стѣны чуднаго Доминикина и божественнаго Карла Дольчи, а на пустыя мѣста повѣшены были копіи Поликастро.

— «Не-дурно, Поликастро, не-дурно! На этотъ разъ, ты от-

личился! И не работай ты съ преступною цѣлью... стоило бы похвалить!

Несмотря на эту шутку, когда обѣ картины были поставлены на полъ, графъ не могъ скрыть своего волненія. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ съ особенною нѣжностью, потомъ вынулъ изъ кармана платокъ и отеръ навернувшуюся слезу. Онъ быль тронутъ.

— «Поликастро!» сказалъ наконецъ графъ Фронтиферио прерывистымъ голосомъ, «ты не повѣришь, какъ тяжело мнѣ разставаться съ этими двумя лучшими, послѣдними моими картинами. Какой рисунокъ! Какая широкая кисть! а драпировка — загляднье! И не будь даже эти картины такъ хороши — онѣ послѣднія, и потому уже безцѣнны. Всѣ остающіяся у меня, не дѣти мои, а пасынки! — Иностранные любители, конечно, могутъ восхищаться ими, но для насъ, Поликастро, но для меня, это укоризненные тѣни гениальныхъ подлинниковъ. Богъ видитъ — я всѣмъ пожертвовалъ прежде, нежели рѣшился на эту послѣднюю жертву. Я продалъ лошадей своихъ, Поликастро, продалъ весь гардеробъ свой, остался только при платьѣ, которое теперь на мнѣ, и то уже жестоко пострадало отъ времени; взгляни, Поликастро!

Вмѣстѣ съ Поликастро и я изъ своего уголка увидѣлъ печальное состояніе одежды графа Энея. Слеза невольно выкатилась у меня изъ глазъ. У этого графа, послѣдняго представителя древней фамиліи, вся подкладка была въ лохмотьяхъ.

— «Ты знаешь, Поликастро, нужда заставила меня раздѣлять твои труды, содержать вмѣстѣ съ тобою трактиръ. Ночи провожу я за вертеломъ...

— «Сіятельный графъ!..» И рыданія прервали голосъ Поликастро, цѣловавшаго между тѣмъ руки своего господина. «Сіятельный графъ, надѣйтесь на провидѣніе: оно печется о несчастныхъ!

— «Увы, Поликастро, и надежда измѣняетъ старику. Но всѣ прошедшія страданія мои ничтожны, въ сравненіи съ настоящимъ. Прощай Доминикино, прощай Карло Дольчи! вами утѣшались дѣды мои! на васъ покоились взоры моихъ предковъ! вами гордился я передъ чужеземцами. Прощайте, дѣти мои, прощайте!

И онъ обнималъ, цѣловалъ, то одну картину, то другую.

Поликастро принималъ живое участіе въ судьбѣ графа, только горестъ его умѣряло самолюбивое чувство художника; онъ за-видовалъ привязанности графа къ этимъ двумъ картинамъ, потому-что копій свои считалъ по-крайней-мѣрѣ равными оригиналамъ.

Что-же касается до меня, участь графа казалась мнѣ еще не такъ жалка, и если у него уже не оставалось картинъ для продажи, такъ онъ все-таки владѣлъ еще своею дивною виллою, которая стоила, по-крайней-мѣрѣ, два милліона.

— «И должна была перейти въ твое владѣніе вмѣстѣ съ рукою молодой графини?»

— «Именно!»

— «Вооружитесь мужествомъ, графъ», сказалъ ему потомъ Поликастро, «скажите, что вы душою сильнѣе вашихъ предковъ. Если бъ они походили на васъ, то вѣрно оставили бы вамъ побольше оригиналовъ и поменше копій. И пусть еще эти копіи были-бы равнаго достоинства съ моими. Но къ чему жалобы и отчаяніе? Племянница ваша выходитъ за богатаго иностранца. Состояніе ваше снова поправится.

— «Бракъ этотъ еще не состоялся, Поликастро; у меня есть враги; могутъ надумать нашего жениха, сказать ему, что виллою *Maravigliosa* не можетъ владѣть иностранецъ, что законъ обязываетъ меня передать ее наслѣдникамъ вашего славнаго имени, то есть, моимъ племянникамъ; вѣроятно, узнавъ такія горькія истины, молодой человекъ откажется отъ моей племянницы, и безъ оглядки побѣжитъ отсюда.

— «Увы, къ несчастію, все это правда. Продавать ваши виллы воспрещено закономъ. Однимъ словомъ; такіе владѣльцы, какъ вы, графъ, принуждены умирать съ голоду посреди садовъ своихъ, прудовъ, галлерей, или, подобно вамъ, подлѣ виллы содержать трактиръ.

— «Замѣнивъ всѣ оригинальныя картины своей галлерей плохими копіями,» печально присовокупилъ графъ.

По окончаніи этихъ тайныхъ откровеній, я конечно могъ бы выдти изъ своей засады и сказать графу въ глаза: *Finite la comedia* (комедія кончена); прикажите выпустить меня; но графъ и трактирщикъ удалились вмѣстѣ, взявъ съ собою картины.

Оставшись одинъ, я понялъ всю неловкость моего положенія; мнѣ стыдно стало стѣнъ этой подложной галлерей; фанатическая любовь моя смирилась передъ грозною указкою опы-

та; въ понятіяхъ моихъ совершился рѣшительный переворотъ, и, кажется, не безъ причины.

Но если я отказался отъ Венеры, такъ это не потому, что она, какъ оказалось впоследствии, была небогата и не дочь графа, но потому—что любовь къ ней поставила меня въ смѣшное положеніе.

Я тотчасъ-же, разумѣется, удалился изъ виллы, и передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи, взобрался на куполь Св. Маріи Фіорской, и оттуда съ улыбкою презрѣнія окинулъ взоромъ благословенную страну безконечныхъ мистификацій.

— «Такъ ты воротился къ намъ навсегда, Поль?»

— «Навсегда!»

— «И будешь писать пейзажи?»

— «Напишу тысячу пейзажей и миллионъ чухонцевъ, на зло Италіи и ея обожателямъ.»

Поль сдержалъ слово.

Опъ... но здѣсь лучше положить перо и оставить разсказъ неоконченнымъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ ГОРОДНИЧАГО.

Сцены изъ уездной жизни.

А. НАДЕЖДИНА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стряпчій.

(Зала въ домъ стряпчаго. Справа дверь, заставленная ширмами, у стѣны, противоположной съ дверью, шкафъ).

СЦЕНА I.

Стряпчій, Откупщикъ и огородникъ Трифонъ.

Стряпчій..

Ну, посконная борода, надумался что-ли? не то, смотри, худо будетъ.

Т. VI. Отд. I.

8

Трифонъ.

Не продамъ, ваше благородіе, ни за что не продамъ.

Стряпчій.

Глупый ты человекъ! вѣдь тебѣ даютъ славную цѣну.

Трифонъ.

Славную цѣну? Коль я продамъ мою усадьбу за триста рублей, такъ мнѣ съ дѣтьми придется идти по-міру.

Откупщикъ.

Врешь ты, пріятель! за триста рублей ты въ слободѣ купишь усадьбу втрое больше своей.

Трифонъ.

Въ усадьбѣ я смѣслю по-больше вашего, Иванъ Александрычъ; не вамъ меня учить. Кто мнѣ удобритъ новый огородъ, такъ, какъ мой удобренъ.

Стряпчій.

Шутка-ли—вещь какая! Чего другаго, а навозу-то въ нашемъ городѣ не покупать и не занимать стать: что шагъ, то возъ.

Трифонъ.

Не судите такъ, ваше благородіе! мой огородъ удобренъ не однимъ навозомъ и смоченъ не однимъ дождемъ; — нѣтъ! онъ удобренъ трудами, онъ улитъ потомъ и кровью моего отца, дѣдушки и прадедушки. Посмотрите-ка: къ Трифону всѣ идутъ да приговариваютъ: «у кого другаго, можетъ, не уродилось; а у Трифона все есть.» Отъ чего? отъ того, что за Трифоновымъ огородомъ хлопотали головы знающія, руки привычныя—и хлопотали немаю; лѣтъ, можетъ, близко сотни. Вы сами, ваше благородіе, частенько изволите кушать и огурчики и капустку изъ Трифонова огорода.

Откупщикъ.

Ну! ну! полно! сотню, такъ и быть, еще накину тебѣ ради бѣдности.

Трифонъ.

Сказаль не продамъ, такъ не продамъ!

Стряпчій.

Да что ты, капустникъ, въ самомъ-дѣлѣ, разговоришься со мной, какъ съ своимъ братомъ? не продашь, такъ даромъ возьмемъ.

Трифонъ.

Какъ такъ?

Стряпчій.

Такъ! на законномъ основаніи.

Трифонъ.

А позвольте спросить, ваше благородіе, давно ли вышелъ законъ, по которому, кто посильнѣй, выкинетъ рубль да и возьметъ у того, кто послабѣй, вещь во сто рублей? Ну, если такъ, то я сейчасъ выложу Ивану Александровичу сотни двѣ-три да и вытолкаю его въ шею изъ собственного дома. Что вы на это скажете, ваше благородіе?

Стряпчій.

Скажу, что ты грубьянъ и дуракъ. Грубьянъ потому, что говоришь мнѣ грубости; а дуракъ потому, что не слушаешься меня. Твой домъ безобразить городъ и его слѣдуетъ сломать...

Трифонъ.

Я человекъ темный и не смѣю спорить съ законниками; но осмѣлюсь доложить вашему благородію: Ивану Александровичу хочется сломать мой домишко для того, что онъ на самомъ базарѣ и что на его мѣстѣ выгодно построить питейный домъ—попросту—кабакъ. Мнѣ кажется, что кабакъ ни чѣмъ не будетъ красивѣй моей хаты, которую я для каждаго Божьяго праздника обмазываю глиной да бѣлю,—словно каменный флигель выходить.

Стряпчій.

Послушай ты, сейчасъ продавай! Я этого требую... слышишь... на законномъ основаніи... по положенію... по указу.

Трифонъ, (*рѣшительно*).

Ваше благородіе, если есть указъ забирать усадьбы промышленныхъ людей подь кабаки, то выгоняйте Трифона, а самъ Трифонъ не продастъ волею ни аршина своей усадьбы. Прощенія просимъ, ваше благородіе, пойду къ отцу нашему городничему, поспрошаю его объ этомъ указѣ. (*Уходитъ*).

С Ц Е Н А П.

Стряпчій и Откупщикъ.

Стряпчій.

А? каково-съ? слышали вы?

Откупщикъ.

Дурно-съ! не хорошо-съ! очень дурно-съ! весьма нехорошо-съ!

Стряпчій.

Человѣкъ — гроша нестоить!... а разсуждаетъ — несмѣй съ мѣста подвинуть. Вездѣ вмѣшается таки—вмѣшается этотъ городничій.

Откупщикъ.

Правда-съ, Григорій Григорьевичъ!

Стряпчій.

Огородника какого-нибудь тронешь, мѣщаниншкку въ зубы заѣдешь, кунчишку за бороду трепнешь,—тутъ какъ тутъ! вступишься. Нѣтъ, чтобъ за своего брата—чиновника, и руками и ногами и зубами.

Откупщикъ.

Правда-съ, правда-съ, Григорій Григорьевичъ!

Городничій. *См. стр. 212.*

Прошлый разъ къ женнымъ именинамъ я забралъ кое-что въ долгъ у этого жидомора, знаете, у Вилкина. Такъ, пу-стяки: чайку, сахарцу, французской водочки штофчика четы-ре, цымлянскаго дюжинку, икорки, селедки, конфетокъ, орѣш-ковъ, пряничковъ—разнаго эдакого вздору. Извѣстное дѣло, какъ нашъ братъ беретъ на записку: заплатишь что можешь, а тамъ сочтешься при случаѣ. А случаевъ—то развѣ мало? Въ-сы скривились—не замѣтишь, аршинъ пообтерся—смолчишь. Мало ли что? Такъ нѣтъ! притаился въ полицію, да при всѣхъ счетъ въ глаза; деньги—де нужны. Я было на него при-крикнулъ эдакъ по-свойски; анъ тутъ шастъ городничій. Что же вы думаете, а? меня обвинилъ!

Откупщикъ.

Правда-съ, Григорій Григорьевичъ!

Стряпчій.

А вамъ-то по откупамъ развѣ мало солить? чуть девять ча-совъ, кабаки на—запоръ. Вишь безпорядки въ городѣ, вишь ночное пьянство источникъ преступленій. Краснобай, нечего сказать!

Откупщикъ.

Вотъ ужъ истинная правда, Григорій Григорьевичъ! но что-же теперь намъ дѣлать?

Стряпчій, *(подумавши)*.

Послушайте, Иванъ Александровичъ, хотите-ли вы себѣ добра?

Откупщикъ.

Помилуйте, Григорій Григорьевичъ, кто себѣ врагъ?

Стряпчій.

Изволите видѣть: городничій —

Даетъ, какъ дѣтямъ, намъ совѣты,
 Какъ помнить долгъ и честь и службу;
 Пусть онъ доказываетъ это,
 А мы ему докажемъ дружбу.
 Скажу вамъ, сударь, откровенно,
 Что служба съ нимъ—одно мученье;
 Такъ мы рѣшились непременно
 Ему доставить увольненье.

Откупщикъ.

Какъ такъ?

Стряпчий.

А вотъ какъ: сюда скоро будетъ ревизоръ. Всѣ мы служащіе, т. е. судья, секретарь, я, голова... однимъ словомъ, всѣ недовольны городничимъ и хотимъ донести на него, т. е. на всѣ безпорядки, означеннымъ городничимъ въ нашемъ городѣ чинимые.

Откупщикъ.

А позвольте спросить, повѣрять ли г. Ревизоръ?

Стряпчий.

Въ томъ-то и дѣло, любезнѣйшій Иванъ Александровичъ. Наши доказательства на счетъ злоупотребленій городничаго весьма законны. Повѣрьте мнѣ, не ему тянуться съ нашимъ братомъ; у насъ одинъ секретарь отпишется отъ цѣлаго полка такихъ городничихъ.

Откупщикъ.

Что-же потомъ?

Стряпчий.

Потомъ? городничаго уволить, а мы будемъ хозяйничать по прежнему...

Откупщикъ.

И тогда...

Стряпчій.

И тогда Трифона долой, а вы на его мѣстѣ стройте свои каменныя палаты.

Откупщикъ.

Да вѣдь эта штука-то богатая!

Стряпчій.

Не торопитесь, Иванъ Александровичъ, штука-то, конечно, самая мастерская, да вѣдь безъ васъ, врядъ-ли что нибудь состоится.

Откупщикъ.

Какъ такъ?

Стряпчій.

(Тихо). Поддѣну его. (вслухъ) Видите, почтеннѣйшій Иванъ Александровичъ! (тихо) Невидимо Богъ посылаетъ. (вслухъ) Точно такъ, Иванъ Александровичъ, безъ васъ дѣло не обойдется. (тихо) Мастерски слышно съ него. (вслухъ) Мы будемъ работать головой, а вы другимъ манеромъ, т. е. деньгами. Присовокупите къ нашему доносу сотепокъ пяты; — противъ этого доказательства, увѣрю васъ, нечего будетъ сказать. (тихо) Половина-то пригодится стряпчему. (вслухъ) Подумайте, а впрочемъ — воля ваша. До свиданія, Иванъ Александровичъ, мнѣ пора на службу. (тихо) Не отвертисься, самъ принесешь. (Уходитъ.)

Откупщикъ.

Ужъ какъ ты хочешь, а тово..... ко взяткѣ придерется — таки придерется.

Кто съ крючками поведется,

Тотъ, какъ рыбка, на крючокъ

Непремѣнно попадется.

Будетъ, нѣтъ ли, въ этомъ прокъ,

А ужъ знаю, что придется

Норасправитъ кошелекъ.

(Увидя Ахлестину.)

Развѣ она поможетъ.

С Ц Е Н А III.

Откупщикъ и Ахлестина, (жена стряпчаго.)

Ахлестина.

Иванъ Александровичъ! Какъ? неужели хотите уййти, не повидавшись со мной.

Откупщикъ, (цѣлуетъ ея руку.)

Помилуйте — съ, какъ это можно, смѣю-ли я.

Ахлестина.

То — то же, смотрите, (грозитъ пальцемъ.) Вѣдь я разсержусь, такъ уши выдеру.

Откупщикъ.

У меня горе, Варвара Григорьевна.

Ахлестина.

Что за горе?

Откупщикъ.

Да вотъ — съ, супругъ — то вашъ.....

Ахлестина.

Полно — те, что мой супругъ? Ба! да онъ идетъ домой съ лекаремъ. Смотрите, — вечеромъ въ 10 часовъ приходите въ рошу, что за нашимъ домомъ. Тамъ я поговорю съ вами и объ вашемъ горѣ, и..... о любви. (Треплетъ откупщика за щеку и скоро убѣгаетъ.)

Откупщикъ.

Дѣлать нечего! пришлось любить — вѣдь стряпчаха...

(Уходитъ.)

С Ц Е Н А IV.

Стряпчій и уездный Лекарь.

(Въ дверяхъ сталкиваются съ откупщикомъ, но не обращаютъ на него вниманія.)

Лекарь.

Говорю вамъ ясно — осмѣянь, обезчещень.

Стряпчій.

Да какъ-же это? Объясните мнѣ: въ силу какой статьи, ради чего и почему?

Лекарь.

Лекарь 2-го разряда, имѣющій неоспоримое намъреніе быть докторомъ, хирургомъ и акушеромъ, осмѣянь..... обруганъ..... оплеванъ...

Стряпчій.

Но... успокойтесь—объясните мнѣ, Демьянь Ивановичъ.

Лекарь.

Извольте видѣть, прихожу я къ городничему.....

Стряпчій,

Какъ? развѣ онъ боленъ?

Лекарь.

Чортъ разладить эту натуру! Нѣтъ, я былъ у него по-другому дѣлу.

Стряпчій.

А по-какому, смѣю спросить? *(тихо)* Нужно узнать, тутъ что-нибудь такое важное *(смотритъ на часы.)* Эге! 10 часовъ! Пора, знаете, и горло промочить. *(Вынимаетъ изъ шкафа графинъ съ водкой, рюмку и кусокъ хлѣба съ корзинкь.)*

ЛЕКАРЬ.

О, теперь я готовъ выпить цѣлое море..... водки съ горя, съ отчаянія. (*пьютъ*) Съ вами можно быть откровеннымъ.

СТРАЩІЙ.

Помилуйте, вѣдь я душевно люблю васъ.

ЛЕКАРЬ.

Вотъ видите, Григорій Григорьевичъ, мнѣ ужъ 32 года.

СТРАЩІЙ.

Ну - съ?

ЛЕКАРЬ.

Знаете, 32 года — не шутка. Бываетъ, изволите видѣть, и скучно и грустно; (*пьетъ*) такъ, знаете, приходитъ эдакая хандра.....

СТРАЩІЙ.

Ааааа! понимаю...

ЛЕКАРЬ.

Къ тому же не мѣшаетъ завести свое маленькое хозяйство, порядочный домикъ, экипажъ, прислугу, и проч. и проч.

СТРАЩІЙ.

Ужъ разумѣется и хозяйку?

ЛЕКАРЬ.

Вы на-лету схватываете, Григорій Григорьевичъ! Но знаете-ли что: конечно, я имѣю практику, жалованье, доходы, но все это неидетъ какъ-то впрокъ. Жалованье проигралъ въ карты, доходы улетятъ въ овощную; а что получишь отъ больныхъ, такъ врядъ на-платеъ. Вѣрите-ли? иногда въ мою аптеку и нужно-бы кое-что купить, т. е. дополнить — не-на-что. Смотришь, смотришь, да и пустишься на хитрости: пойдеть мѣлъ за магнезію — ха! ха! ха!

Стряпчій.

Понимаю, понимаю! т. е. вы, Демьянъ Ивановичъ, хотите завести себѣ такую хозяйку, которая бы завела вамъ вѣдругъ полное хозяйство.

Лекарь.

Вы золотой человекъ, Григорій Григорьевичъ! Эдакой умъ! эдакая смѣлка! Будь вы докторъ, ни одна болѣзнь не укрылась бы отъ вѣрнаго взгляда вашего.

Стряпчій.

Старый воробей, на мякишъ не обманешь. Да вѣдь вы заговорили объ городничемъ, а свели на хозяйство.

Лекарь.

Какъ? неужели вы не догадываетесь?

Стряпчій.

Я догадываюсь, что вы затѣяли доброе, благоразумное и самое христіанское дѣло.

Лекарь.

А городничій — то?

Стряпчій.

Да что городничій — то?

Лекарь.

Не такъ же вы догадливы, какъ я думалъ: вѣдь у него есть дочь.

Стряпчій.

Есть.

Лекарь.

Ну, такъ поняли?

Стряпчій.

Нѣтъ, Демьянъ Ивановичъ.

ЛЕКАРЬ.

Вы шутите, Григорій Григорьевичъ!

СТРЯПЧІЙ

Право, не шучу. Слушайте: вы ищете хозяйку съ полнымъ хозяйствомъ.

ЛЕКАРЬ.

Точно такъ — съ.

СТРЯПЧІЙ.

Какъ же мнѣ понять, зачѣмъ въ это дѣло попала дочь городничаго? Въ свахи она еще негодится—молода!

ЛЕКАРЬ.

Гм! въ свахи! Помилуйте, я сдѣлалъ предложеніе городничему, т. е. не самому городничему, а чрезъ него его дочери—старшей, разумѣется, другія молоды.

СТРЯПЧІЙ.

Потомъ — ссссъ!

ЛЕКАРЬ.

Потомъ — съ... стыдно сказать; мнѣ, лекарю втораго разряда, отказалъ начисто.

СТРЯПЧІЙ.

Демьянъ Ивановичъ? знаете-ли—что?..

ЛЕКАРЬ.

Незнаю — съ.

СТРЯПЧІЙ.

Не сердитесь на городничаго.

ЛЕКАРЬ.

Это почему?

Стряпчій.

Потому-что, изволите видѣть... не сердитесь на него.

Лекарь.

Что вы говорите?

Стряпчій.

Говорю вамъ—не сердитесь на городничаго — нѣтъ! лучше поклонитесь ему пониже.... вотъ такъ. (*Кланяется*)

Лекарь.

Вы смѣтаете надо-мною?

Стряпчій.

Ей-Богу право, не смѣюсь; поклонитесь ему пониже, да поблагодарите его поусерднѣй, знаете....

Лекарь.

Но я непонимаю.....

Стряпчій.

Я хочу сказать, что дочка его не заведетъ будущему супругу хозяйства; скорѣй сама попроситъ на чулки и на подвязки. Да, почтенный Демьянъ Ивановичъ, такой тесть никуда негодится, я самъ женился и знаю все по опыту.

Лекарь, (*одинъ.*)

Стряпчій правъ. Я искалъ не тамъ гдѣ слѣдуетъ. Вотъ самъ — то онъ, г. стряпчій, другое дѣло... только согласится ли? Посмотримъ, похитримъ. Уѣздныя барышни страхъ какъ любятъ романы; къ тому-же дочка его всегда была ласкова ко мнѣ. Грянемъ рѣшительно, чортъ возьми, была-не-была!

С Ц Е Н А V.

ЛЕКАРЬ, КАТЯ и СТЯПЧІЙ, (притиснувшійся за шир-
мими.)

КАТЯ, (вбываетъ быстро.)

Папенька — съ! Папенька — съ! Ахъ, извините, я думала,
что злѣсь папенька.

ЛЕКАРЬ.

Помилуйте — съ! я съ своей стороны очень радъ, что вы
ошиблись и тѣмъ доставили мнѣ счастье васъ видѣть.

КАТЯ.

Помилуйте — съ, что тутъ за счастье?

ЛЕКАРЬ. (рисуеть.)

Великое — съ, невыразимое — съ счастье увидѣть прекрас-
ную и удивительную особу.

КАТЯ.

Вы мнѣ льстите, Демьянъ Ивановичъ!

ЛЕКАРЬ.

Я льшу? нѣтъ, я говорю то, что чувствую.

КАТЯ.

Покорно васъ благодарю — съ; но извините, мнѣ нѣкогда...
сейчасъ придетъ учитель.

ЛЕКАРЬ.

Какъ, вы учитесь?

КАТЯ, (выразительно.)

Музыкѣ — съ.

ЛЕКАРЬ.

Неужели?

КАТЯ.

Папенька купилъ мнѣ на прошлой недѣлѣ *фортупьяну* за 100 рублей — съ и нанялъ — съ... этого, что всегда играетъ на скрипкѣ, когда мы танцуемъ. Я ужъ умѣю пѣть: я въ пустыню удаляюсь, и сама себя подбстриваю.

ЛЕКАРЬ.

Ого! такъ Григорій ничего не жалѣеть для вашего воспитанія.

КАТЯ.

Рѣшительно ничего — съ. Воспитаніе мое было самое *дамыкатное*, по-милости папеньки. Отецъ не могъ никакъ видѣть въ рукахъ моихъ чернаго хлѣба, я выросла на бѣломъ. Рядитъ меня папенька всегда, какъ куколку; въ именины, въ новыи годъ, на Рождество, на Пасху — всегда даритъ меня деньгами. О! папенька воспитывалъ меня прекрасно.

Стряпчій, (за ширмами тихо.)

Молодецъ Катя! лихо!

ЛЕКАРЬ.

Рѣдкій отецъ!

КАТЯ.

Папенька часто говоритъ мнѣ: воспиталъ я тебя, Катя, богато, а замужъ отдамъ еще богаче.

Стряпчій.

Сокровище Катя! вся въ отца!

ЛЕКАРЬ.

(Тихо.) Начнемъ рѣшительно! (вслухъ.) Примѣрный

отецъ! Но... знаете, Екатерина Григорьевна, мнѣ бы очень-съ хотѣлось спросить васъ....

КАТЯ, (наивно.)

О чемъ - съ? извольте спросить.

ЛЕКАРЬ.

Неужели вы никогда не замѣчали во мнѣ никакой перемѣны?

КАТЯ, (кокетливо.)

Право, незнаю - съ.

ЛЕКАРЬ.

То есть, когда я бываю съ вами, вы вѣрно замѣтили мою задумчивость... особенное эдакое чувство... знаете, невыразимое такое чувство....

КАТЯ.

Можетъ быть - съ, Демьянъ Ивановичъ; только, право не-помню.

ЛЕКАРЬ.

Ахъ, Екатерина Григорьевна, позвольте мнѣ сказать вамъ!

КАТЯ.

Извольте говорить, Демьянъ Ивановичъ!

ЛЕКАРЬ.

Но нѣтъ! это невозможно! отъ этого зависеть все, все, даже жизнь моя!

КАТЯ,

Вы меня пугаете!

ЛЕКАРЬ.

Могу ли я сказать вамъ?

КАТЯ.

Сдѣлайте одолженіе, Демьянъ Ивановичъ.

ЛЕКАРЬ.

Нѣтъ! это невозможно! Кто нибудь войдетъ и помѣшаетъ; а мнѣ много, много нужно сказать вамъ—и сказать до конца. Сдѣлайте одолженіе, Екатерина Григорьевна, сдѣлайте мнѣ милость, или..... я застрѣлюсь!

КАТЯ.

Ахъ! какіе вы страшные! что мнѣ дѣлать?

ЛЕКАРЬ.

За вашимъ домомъ есть роща...

КАТЯ.

Точно такъ — съ.

ЛЕКАРЬ.

Сегодня вечеромъ, часовъ въ 10, позвольте мнѣ тамъ ждать васъ.

КАТЯ.

Зачѣмъ же это — съ?

ЛЕКАРЬ.

Тогда никто не помѣшаетъ намъ... и... я вамъ выскажу все — все, что у меня на сердцѣ. О! сдѣлайте меня блаженнымъ—согласитесь!

КАТЯ.

Незнаю — съ! мнѣ что — то страшно!

Стряпчий.

Соглашайся, дурочка, слышишь, непременно!

ЛЕКАРЬ.

И такъ мнѣ остается смерть!

КАТЯ.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль васъ—я приду въ 10 часовъ. Слышите?

ЛЕКАРЬ.

Прелестная дѣвушка! Ангелъ! Вы воскресили меня (*целуетъ ея руку и уходитъ.*)

СТРЯПЧІЙ, (*выходя.*)

Браво, Катя! брависсимо! лихо зацѣпила молодца! Теперь ступай, да смотри, матери ни гу—гу! Она боится попасть въ бабушки—все дѣло испортить. —

—

С Ц Е Н А VI.

СТРЯПЧІЙ и уездный СЕКРЕТАРЬ.

СТРЯПЧІЙ.

Какъ вы кстати, Сидоръ Карповичъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Къ вашимъ услугамъ, благодѣтель мой.

СТРЯПЧІЙ.

Видите, какая штука... (*шепчетъ ему на-ухо.*)

СЕКРЕТАРЬ.

Понимаю—нужны свидѣтели... т. е. мы съ друзьями засви-

дѣтельствуемъ, что въ силу такого — то положенія, лекарь, пойманный и уличенный такого — то года и числа въ 10 часовъ по — полудни, обязанъ женитьбою загладить, закрыть, т. е. удовлетворить обольстительство такой — то. Понимаю.

Стряпчій.

О, вы золотой человекъ!

Секретарь.

Только одного я непонимаю: зачѣмъ эти хлопоты? Если онъ хочетъ, такъ можно и съ вашего согласія безъ всякой эдакой скандаліи.

Стряпчій.

Въ томъ — то и штука, почтеннѣйшій Сидоръ Карповичъ! Лекарь злодѣй, — начнетъ торговаться, много запроситъ; а тутъ, что дамъ, тѣмъ и будетъ доволенъ. Винаватый не разговорится.

Секретарь.

Эдакая выдумка, подумаешь! родятся — же такія головы! Ну! а скажите — ка мнѣ, какъ идти дѣло — то, знаете, на счетъ городничаго, чтобъ ему ни дна, ни покрыши.

Стряпчій.

Пойдетъ въ ходъ, не бойтесь. Завтра объ этой оказіи у меня будетъ совѣщаніе — все уладимъ.

Стряпчій и Секретарь.

Вотъ ужъ праздникъ будетъ славный!
Городничаго метлой;
А нашъ лекарь православный
Будетъ съ милою женой.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ночныя приключенія.

(Р о щ а . С м е р к а е т с я)

С Ц Е Н А I.

Откупщикъ.

Странно созданъ бѣлый свѣтъ...
Въ каждомъ, то есть, вотъ—предметъ...
Разобрать, ни шагу нѣтъ
Безъ чудесъ на бѣломъ свѣтѣ.
Все идетъ на оборотъ,
Дума та, а рѣчь другая—
И пословица идетъ:
«Жизнь дорога не прямая.»
Негодя повстрѣчалъ—
Такъ-бы вотъ и отвернулся
А посмотришь—руку взялъ
Да пожалъ, да улыбнулся.

Вотъ и стряпчаго, ей ей!
Взялъ бы просто да повѣсилъ.
А какъ встрѣтися, скорѣй
До земли поклонъ отвѣсилъ.
Ну, возможно-ль, господа,
Шлюсь на васъ, любить старуху?
А когда придетъ бѣда, —
О лѣтахъ ужъ нѣтъ и слуху...

(Смотритъ на часы). 10 часовъ. О! знаю, что ты не опоздаешь, моя нѣжная голубушка, мое сокровище. А какъ я-то тебя люблю! Не будь ты жена стряпчаго и не взглянулъ бы на тебя, красавица! А теперъ люблю, до смерти люблю, тебя, — вѣдь стряпчій для меня великое дѣло. Гдѣ мнѣ хитрить съ нимъ. Ба! идетъ! Фу, къ чорту! это не она... лекарь.

С Ц Е Н А П.

Откупщикъ и Лекарь.

Лекарь.

Ба! Иванъ Александровичъ!

Откупщикъ.

Ба! ба! ба! Демьянъ Ивановичъ!

Лекарь.

Какими судьбами?

Откупщикъ.

А вы, Демьянъ Ивановичъ, какими судьбами?

Лекарь.

Такъ-съ, прогуливаюсь, (тихо). Чтобъ его чортъ взялъ!

Откупщикъ.

И я то же прогуливаюсь. *(тихо)*. Чтобъ его дьяволъ прибралъ.

Лекаръ.

Однакожь, знаете ли?.. вѣдь таво... какъ вамъ сказать...

Откупщикъ.

Да-съ, ваша правда, ужъ таво... поздненько.

Лекаръ.

И притомъ воздухъ сырой, нездоровый... знаете... поражающій лихорадочные припадки—даже воспаляющій...

Откупщикъ.

Э! помиуйте, нашему брату все здорово.

Лекаръ.

Не совѣтую пренебрегать. Вечерній воздухъ имѣетъ пагубное вліяніе на легкое, на желудокъ, на мозговую систему и на всю вообще организацію человѣка. Послушайтесь добраго совѣта, пойдете домой.

Откупщикъ.

Извольте идти, Демьянъ Ивановичъ. Вамъ точно, можетъ быть, нездорово, т. е. вредно; но моя система прездоровая, а организація моя привыкла къ сырости. До свиданія, Демьянъ Ивановичъ!

Лекаръ.

Нѣтъ-съ, я то же раздумалъ идти; вечеръ въ-самомъ-дѣлѣ недуренъ.

Откупщикъ.

(Тихо) Какой неотвязный, чортъ его побери. *(громко)*. А

впрочемъ, такъ сказать, Демьянъ Ивановичъ, вы человекъ знающій; коль вы домой, такъ и я то же. *(тихо)*. Надую его.

ЛЕКАРЬ.

Очень радъ, пойдете. *(тихо)*. Проведу его.

ОТКУПИЩИКЪ.

Вамъ въ которую сторону?

ЛЕКАРЬ.

Мнѣ?.. на-право.

ОТКУПИЩИКЪ.

А мнѣ на-лѣво. До свиданія.

ЛЕКАРЬ.

До пріятнаго свиданія. *(Расходятся и опять возвращаются, не замѣчая другъ друга)*

ЛЕКАРЬ.

Наконецъ-то отдѣлался отъ проклятаго цѣловальника.

ОТКУПИЩИКЪ.

Насилу-то спровадилъ проклятаго людомора.

ЛЕКАРЬ, *(увидя откупщика)*.

Ба! Иванъ Александровичъ!

ОТКУПИЩИКЪ.

Ба! ба! ба! Демьянъ Ивановичъ!

ЛЕКАРЬ.

Вѣдь вы пошли домой?

ОТКУПИЩИКЪ.

И вы тоже.

Лекарь.

Я вернулся за дѣломъ, г. откупщикъ.

Откупщикъ.

И я за дѣломъ, г. лекарь.

Лекарь.

За какимъ, напримѣръ?

Откупщикъ.

А вы за какимъ, къ примѣру сказать?

Лекарь.

Я собираю травы.

Откупщикъ.

И я собираю травы.

Лекарь.

Неумѣстная шутка! Какія и на что вамъ могутъ быть нужны травы?

Откупщикъ.

А вамъ какія и на что?

Лекарь.

Мнѣ по моей обязанности нужны травы для лекарствъ на пользу страждущему человѣчеству.

Откупщикъ.

А мнѣ... мнѣ-съ, по моей откупщицкой должности нужны травы для настойки, веселящей сердце человѣческое.

Лекарь.

Но вы можете днемъ...

Откупщикъ.

А вы?

Лекаръ.

Есть травы, которыя сочны и слѣдовательно цѣлительны только тогда, когда собраны ночью.

Откупщикъ.

Все равно—есть и такія травы, которыя гораздо дѣйстви- тельнѣй въ настойкѣ, если собраны ночью.

Лекаръ.

Я не расположенъ слушать глупости,—гораздо лучше при- лечь да выкурить трубку. *(Садится).*

Откупщикъ.

А по моему и вздремнуть нехудо. *(Ложится).*

С Ц Е Н А П Л.

Прежніе, Ахлестина и Катя. *(Они робко выходятъ съ противопо- ложныхъ сторонъ и внезапно встрѣчаются, невидя ни откуп- щика, ни лекаря).*

Ахлестина.

Катя!

Катя.

Ахъ, маменька!

Ахлестина.

Зачѣмъ ты здѣсь?

Катя.

Я, маменька... я увидѣла, что вы пошли и сама захотѣла погулять.

Ахлестина, *(сердито)*.

Какъ это можно, сударыня? сыро, холодно... притомъ безъ позволенія... извольте идти домой. *(Лекаръ подходитъ)*. Ба! Демьянъ Ивановичъ! вы какъ здѣсь?

Лекаръ.

Случайно-съ. Вотъ и Иванъ Александровичъ то же случайно. Но если позволите... я почту за честь... за счастье проводить Екатерину Григорьевну.

Ахлестина.

Какъ вы добры, Демьянъ Ивановичъ. Катенька! ступай, мой другъ; добрый Демьянъ Ивановичъ тебя проводитъ. Педи, моя душенька. *(Катя и лекаръ уходятъ)*

—

С Ц Е Н А IV.

Откупщикъ и Ахлестина, *(говорятъ тихо)*.

Ахлестина.

Какъ это ты, душа моя, сошелся съ лекаремъ?

Откупщикъ.

Навязался, какъ чортъ, на шею; никакъ ты отъ него не отыграешься. Ужъ не поджидалъ-ли онъ кого?

Ахлестина.

Ну-да я спровадила его. О, я хоть кого такъ проведу!

(*Стемпьло. Стряпчій, секретарь и два свидѣтеля выходятъ тихо и осторожно скрываются за кустами.*)

Откупщикъ.

Я знаю васъ, Варвара Григорьевна, ужъ если вы что захотите, такъ вѣрно будетъ по вашему.

Ахлестина.

Я думаю, душа моя, женщина на то и женщина, чтобъ дѣлать по своему.

Откупщикъ.

Я крѣпко надѣюсь на васъ... вы не забудете того, кто любить и страдаетъ по васъ.

Ахлестина.

Будь увѣренъ, душа моя, и люби только меня; а твои дѣла... мои дѣла.

Откупщикъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ. А мнѣ... что мнѣ... кого же мнѣ и любить, какъ не васъ, благодѣтельница моя.

Ахлестина.

Благодѣтельница! что это за слово, душа моя? Да скажи же что-нибудь поумнѣе, т. е. понѣжнѣе и помилѣе.

Откупщикъ.

Ангельчикъ мой! голубушка моя! Душечка моя! (*Плмуетъ ея руку, Ахлестина крѣпко обнимаетъ его, и въ эту минуту скрывавшіеся быстро подбѣгаютъ къ нимъ. Ахлестина закрываетъ голову и лице шалью. Откупщикъ хочетъ бѣжать, но его схватываютъ.*)

Стряпчій.

Господа! вы всѣ—лица благородныя! прошу васъ засвидѣтель-

ствовать: этотъ господинъ... страшно выговорить... этотъ господинъ обольщаетъ невинность... Злодѣй! онъ воспользовался неопытностью—ребяческимъ невѣденіемъ этой несчастной. Держите его, господа! чему подвергается обольститель невинности по-закону?

СЕКРЕТАРЬ.

Обольщающій невинность обязанъ все загладить.... хм.... бракосочетаніемъ. (*Узнаетъ откупщика*). Ба! что за чудо? Григорій Григорьевичъ! вѣдь это... знаете-ли кто? а?

Стряпчій.

Кто? кому быть? я давно подозревалъ злодѣя, да! это лекаръ.

СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ-съ, откупщикъ.

Стряпчій.

Какъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Ей-Богу такъ! Видите.

Стряпчій, (*дочери*).

Злодѣйка! что ты надѣлала? а? Дочь стряпчаго съ какимъ нибудь цѣловальникомъ, а? меня обманывать — меня? стряпчаго? отца? а? такъ-то? Нѣтъ, голубушка, я справлюсь съ тобою по своему. — (*Срываетъ шаль*). Тьфу къ чорту! что за дьявольщина! ослѣпъ чтоль я? или во снѣ вижу? (*протираетъ глаза*). Нѣтъ, я не сплю, ей-Богу не сплю! и не ослѣпъ, ей-Богу не ослѣпъ! такъ и есть, это моя жена, моя старуха! Ну, ужъ я тутъ ровно ничего непонимаю. Какъ вы думаете, господа? а?

Одинъ изъ свидѣтелей.

Да это презабавная штука!

Стряпчій.

Я потерялъ голову, право, потерялъ. Да гдѣ же дочь моя? Да говорите же, Сидоръ Карповичъ! вѣдь вамъ не отъ чего терять головы.

СЕКРЕТАРЬ.

Объ этой удивительной оказіи можно сказать слова два-три дѣльныхъ, если позволите.

Стряпчій.

Позволю ли? да я прошу васъ, Сидоръ Карповичъ!

СЕКРЕТАРЬ.

А не разсердитесь, коль это коснется, эдакъ, какъ-нибудь, хоть стороною до вашего, напимѣрь, супружескаго благосостоянія.

Стряпчій.

Ну теперь не до супружескаго благосостоянія!

СЕКРЕТАРЬ.

И прекрасно. Вы помните, что всѣ уличенные въ нецѣломудренной жизни подвергаются монастырскому заключенію ради душевнаго покаянія.

Стряпчій.

Какъ? мою старуху въ монастырь?

Ахлестина.

Меня въ монастырь? Ахъ ты чернильная крыса! Секретаршка хочеть засадить въ монастырь стряпчиху!

СЕКРЕТАРЬ.

Григорій Григорьевичъ! супруга ваша ни въ чемъ не ви-

новата. Дѣло женское, закона не понимаетъ; а вотъ этого ли-
зоблюда и волокиту слѣдуетъ усадить года на два, побольше.

Откупщикъ.

Помилуйте, я-то въ чемъ провинился?

Стряпчій.

(Тихо). Золото—не секретарь! хм! понимаю. (Вслухъ). Го-
спода! прошу васъ засвидѣтельствовать.

Секретарь.

Дѣло ясное, подлежащее никакому изслѣдованію.

Ахлестина.

Да что вы въ-самомъ-дѣлѣ пристаи, какъ разбойники, съ
ножемъ къ горлу? Мы гуляли и нечаянно встрѣтились.

Откупщикъ.

Ей-Богу право, гуляли и нечаянно встрѣтились.

Ахлестина.

Вотъ вамъ и все! убирайтесь къ чорту.

Секретарь.

Нѣтъ, не все, съ позволенія сказать. Мы видѣли не пустую
встрѣчу, а такъ... поцѣлуйчики...

Ахлестина.

Бѣда какая! Я думаю вѣжливый кавалеръ—не такой, какъ
ты, сугага—обязанъ при встрѣчѣ съ дамой подойти къ ручкѣ.
Что? грибъ съѣлъ?

Стряпчій.

А что, господа, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ?

Иванъ Александровичъ, говорите правду. (*Тихо*). Помните нашъ разговоръ—утромъ—согласны?

Откупщикъ.

(*Тихо*). Пять сотъ? согласенъ.

Стряпчій.

(*Тихо*). Нѣтъ, тысячу, такъ все покрою, а то...

Откупщикъ.

Дѣлать нечего, согласенъ.

Стряпчій, (*громко*).

Господа, такъ какъ Иванъ Александровичъ хочетъ завтра утромъ представить мнѣ несомнѣнныя доказательства своей невинности, то и отложимъ все до-утра; а теперь пойдете пить чай—у меня есть ромъ, просто—чудо.

Свидѣтели.

Прекрасно! заключеніе-то всего лучше.

СЕКРЕТАРЬ.

Такимъ образомъ и хлопотъ не будетъ. (*тихо откупщику*) Да смотрите и на мою долю доказательствъ съ полсотни не забудьте принести.

Откупщикъ, (*со вздохомъ*).

Буду помнить.

Стряпчій.

Гдѣ-же Катя?

Ахлестина.

Она сейчасъ была здѣсь; добрый Демьянъ Ивановичъ взялся проводить ее домой.

Стряпчий.

Демьянъ Ивановичъ! хм! понимаю! Господа, пойдемте.

(Всѣ уходятъ, громко напѣвая: Внизъ по-матушкѣ по Волѣ).

Откушникъ, *(смотря иль вслѣдъ, подплываетъ на тотъ же голосъ).*

Ужъ не думалъ, что живаго
Меня выпустятъ отсюда!

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

ЗАГОВОРЩИКИ.

(Декорация перваго отдѣленія. Столъ уставленъ полными графинами, бутылками, рюмками и закусками.)

С Ц Е Н А I.

Стряпчій, Судья, Исправникъ, Секретарь, Смотритель надъ больницей, Откупщикъ.

Стряпчій, *(одинъ читаетъ письмо)*.

«Любезный дружище, кумъ и благопріятель... пущенное отъ 25-го мая... чиновникъ... *(увидя входящаго судью)*. Милости просимъ, дорогой гость, мое вамъ нижайшее... Степанъ Степановичъ!

Судья.

Ого! да у васъ и завтракъ готовъ.

Стряпчій.

Неудобно ли, Степанъ Степановичъ? Это полынка, вотъ березовка, а это моего сочиненія—чудесная настойка.

Судья.

— Все это хорошо, прекрасно, только одного-то самонужнѣйшаго-то не вижу.

Стряпчій.

А, понимаю! карты? будутъ, Степанъ Степановичъ, будутъ и карты.

Судья.

Славная выдумка—карты. Я часто думаю: какъ-это люди жили, когда еще небыло картъ? Вѣдь, я думаю, такая была скука...

Стряпчій.

Полагаю.

Судья.

Вообразите себѣ: сходитя эдакая большая компанія, скажешь слова два—три о погодѣ, о морозѣ, о городничемъ; а тамъ хоть спи, коль картъ нѣтъ. (съ жаромъ). А какъ засѣлъ за зеленый-то столъ, и знать себѣ никого не хочешь. Въ глазахъ карты и въ головѣ карты. Думаешь, соображаешь—да и только!

Стряпчій.

А партія будетъ славная,—Ульянъ Петровичъ...

Судья.

Онъ играетъ очень несчастливо...

Стряпчій.

Да-съ, я полагаю, что все годовое жалованье проигрываетъ.

Судья:

Какъ? а живетъ-то чѣмъ?

Стряпчій.

Помилуйте-съ, а должность-то?

Судья.

Должность... должность... нынче и судья-то *небольшо* похвалится должностью; къ тому же и карты много мѣшаютъ...

Стряпчий.

Карты-съ?

Судья.

Да-съ, карты. Секретарь у меня умная голова, нечего сказать, темный плутъ—знаетъ когда подцѣпить меня. Я такого сорта человекъ, что люблю обо всемъ подумать, пофилософствовать и всякое казусное обстоятельство обсудить здраво. Третьяго дня, напримѣръ, я проигралъ удивительную игру въ червахъ. Вообразите себѣ: тузъ—дама самъ-пять козырей, тузъ—дама самъ-четверть пикъ и маленькая крестовка—чего вѣрнѣй? а—вѣдь проигралъ... чудо! Вчера начинаю заниматься дѣломъ,—игра эта изъ ума невыходитъ. Что ни говорите, а стоитъ подумать, и думалъ я до того, что въ потъ бросило. Припоминаю ходы свои, ходы чужіе,—а секретарь тутъ-какъ-тутъ съ выслушаніемъ дѣла. Вѣдь я не вѣтрогонъ какой-нибудь, чтобъ, не обсудивши одного, приняться за другое. Секретарь мнѣ читаетъ бумаги, а я думаю: Петръ Ивановичъ открылъ ходъ въ бубны, а я побилъ козыремъ, да въ пики. Секретарь кричитъ: *«изъ обстоятельствъ дѣла значится...»* а я себѣ говорю: пики по второй побили. Наконецъ я понялъ свою ошибку, именно—поторопился козырнуть, и говорю: вотъ гдѣ ошибка; а секретарь мнѣ: кажется все такъ, неудобно ли подписать? Такъ, г. секретарь, отвѣчаю я, совершенно такъ, въ другой разъ буду осторожнѣй, не во-время не козырну, а выдержу игру, какъ слѣдуетъ игроку хорошему и хладнокровному. Между-тѣмъ, говоря о картахъ, я самъ незнаю какъ подписалъ дѣло, которое мнѣ не хотѣлось-бы рѣшить въ угоду секретаря. Такъ... знаете... *по важнымъ иль-которымъ обстоятельствамъ*. Что говорить, умная голова нашъ секретарь, люблю его; продувная бестія, люблю и уважаю его. Ба! напоминѣ-то легокъ, мое почтеніе! Да они всѣ, какъ стоворились. *(Всѣ раскланиваются пожимая руки)*.

Стряпчий.

Дорогіе гости! неугодно ли? вѣдь ужъ таво!.. пора!

Голова

Пускай-ка хозяинъ проложить дорожку, а мы ужъ за нимъ.

Смотритель.

Врядъ-ли, Самойло Сидоровичъ, пройдетъ вы за хозяиномъ.

Голова.

Отъ чего же такъ, Ульянъ Петровичъ?

Смотритель.

Да такъ, знаете... градскій голова не то что нашъ братъ; побольше потянетъ, особенно по выходѣ изъ Магистрата.

Голова.

Не вамъ-бы говорить, не мнѣ-бы слушать, Ульянъ Петровичъ; вѣдь и вы около больныхъ-то поздоровѣли, слава-те Господи.

(Общій хохотъ; пьютъ и пьютъ.)

Судья, (секретарю.)

А вы, Сидоръ Карповичъ, вы что скромничаете?

Секретарь.

Куда мнѣ съ ними тягаться, Степанъ Степановичъ, я человекъ маленькій. Одинъ больнымъ волосы подстригаетъ, другой здоровыхъ за-бороды щиплетъ—гдѣ мнѣ съ ними?....

(хохотъ)

Исправникъ (секретарю.)

Охъ ты смиренникъ—овечка кроткая! Кажись—головы нечѣмъ примаслить, а самъ всякое дѣло спуститъ по маслицу.

Секретарь.

Не судите по себѣ, Семень Павловичъ, вѣдь въ городѣ не

то, что въ уѣздѣ. Что вамъ? житье—масляница. Приѣхалъ въ село, любая курица въ супѣ, любая свинья въ соусѣ, (хохотъ).

Исправникъ.

Да что курица, что свинья? брюхо сыто и все тутъ, а вѣдь вы и карманы-то, чай, на-славу откармливаете.

Секретарь.

Мало. Народъ сталъ все грамотный, самъ законы знаетъ. Гдѣ въ старину рубль, тамъ нынѣ гривна. Вотъ въ деревняхъ грамота не всѣмъ еще далась, такъ я думаю, тамъ бываетъ удача.

Стряпчій.

Подумаешь, право, откуда что берется; такіе шутники, что мочи нѣтъ—умрешь со-смѣху. Но къ дѣлу, господа! Я получилъ сегодня важное письмо—слушайте: (читаетъ) «Любезный дружище, кумъ и благопріятель, Григорій Григорьевичъ! Письмо мое, пущенное отъ 25-го дня мая сего года, по моему расчету, получите вы 27-го дня того же мѣсяца и года; а 28-го дня, того же года и мѣсяца, пріѣдетъ къ вамъ гость Иванъ Васильевичъ Трезубовъ, который имѣетъ повелѣніе отъ Его Превосходительства г-на Гражданскаго Губернатора, наистрожайше обревизовать всѣ ваши присутственныя мѣста...»

Судья.

Наистрожайше обревизовать...а? каково? Прескверная штука, господа. Какъ-бы намъ не поставить ремиза, да еще какого? въ червяхъ.

Секретарь.

Да-съ! придется намъ поиграть въ червонную.

Исправникъ

Но вотъ вопросъ: играетъ ли онъ въ червонную?

Стряпчий

А вотъ увидимъ. (Читаетъ) Означенный г. чиновникъ недавно еще поступилъ въ службу; изъ чего явствуетъ, что онъ еще человѣкъ несостоятельный!!

Секретарь.

Добрыя вѣсти.

Стряпчий, (читаетъ)

«Небуду вамъ совѣтовать ничего, любезный кумъ и приятель! Вы сами знаете службу почище моего; стало-быть и все прочее вѣдаете. Всѣ мы люди подъ Богомъ ходимъ, придется, видно, и вамъ распоясаться: — рука руку моетъ, обѣ бѣлы бываютъ. Спѣшу увѣдомить при сей вѣрной оказии, что старшій сынишка мой поступилъ на службу ко-мнѣ въ столъ, пускай-ка у отца поучится, такъ и выйдетъ человѣкъ порядочный...» Ну, да это, господа, дѣла домашнія.

—

С Ц Е Н А П.

Прежние и Солдаты.

Солдаты.

Здравія желаю, ваше благородіе!

Стряпчий.

Что ты, Прохорычъ!

Солдаты.

По вашему приказу, ваше благородіе.

Стряпчий.

Какъ? что? развѣ пріѣхалъ?

Солдатъ.)

Его высокородіе Иванъ Васильевичъ Трезубовъ изволили сейчасъ вѣхать въ заставу.

Стряпчій.

А гдѣ онъ остановился?

Солдатъ.

Изволили приказать проводить ихъ къ городничему.
(*Всѣ перемлдываются въ ужасъ. Солдатъ уходитъ.*)

Судья.

А? что, господа?.. какъ теперь? дѣло-то скверное.

Стряпчій.

Насланіе Божіе за грѣхи наши... погибель приходитъ.

Исправникъ,

Удружить намъ городничій, распишетъ и раскраситъ насъ.

Судья.

Мало этого! подскажетъ, гдѣ-что поискать и гдѣ до-чего дорыться; а у меня, правду сказать, есть дѣльца два-три припрятанныя.

Стряпчій.

А ужъ мнѣ чисто-на-чисто смерть—нѣтъ, хуже—уголовная. Такъ вотъ въ глазахъ и мерещится уголовная. А въ уши-то точно шепчетъ кто нибудь: купаться тебѣ, пріятель, въ уголовной. Все расскажетъ, всю подноготную на-лицо выставитъ. Господа! не лучше-ли намъ пойти къ городничему, да не сказать-ли ему: не-погуби, отецъ и благодѣтель!—жена... дѣти... бѣдность... авось сжалятся.

Исправникъ.

Сжалятся? развѣ у него имѣется душа, развѣ въ немъ есть сердце или чувствительность?

СЕКРЕТАРЬ.

Всѣ вы, смѣю сказать, напрасно оробѣли.

Всѣ вмѣстѣ.

Какъ? что? говорите, Сидоръ Карповичъ! Вѣдь вы голова дѣльная. Вы одинъ въ тысячу разъ умнѣе всѣхъ насъ. Какъ вы думаете? что вы хотите дѣлать? Совѣтуйте намъ. Выручайте насъ. На рукахъ будемъ носить васъ, Сидоръ Карповичъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Осмѣлюсь сказать вамъ, что бѣды еще нѣтъ, нужно только дѣйствовать.

Судья, *(съ жаромъ)*

Именно дѣйствовать. Вотъ и видно, что мы глупѣй Сидорича. Небойсь—онъ въ минуту смекнулъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Прежде всего нужны сильнѣйшія доказательства нашего доноса, т. е. деньги.

Стряпчій, *(указывая на откупщика)*.

Это по его части. Вы не-забыли? *(тихо)* Ровно тысячу?

Откупщикъ.

Не-забылъ. Всѣ сполна, клянусь честью, только пять рублей не достаетъ... не случилось. *(Отдаетъ пакетъ)*.

Стряпчій.

Это бездѣлица—ничего. Вотъ, господа, я запечатаю эти доказательства въ конвертъ. *(тихо)* То есть половину, а другую-то оставлю себѣ на случай.

СЕКРЕТАРЬ.

Да-съ! запечатать и вручить Ивану Александровичу.

Стряпчій.

Какъ?

СЕКРЕТАРЬ.

По-моему такъ. Иванъ Александровичъ явится вмѣстѣ съ нами и первый подастъ прошеніе, т. е. означенный пакетъ со-вложеніемъ и скажетъ: «Ваше-де высокородіе! соблагово-лите принять мою всенижайшую просьбу.» О чемъ? спроситъ ревизоръ. Несу убытки, разоряюсь; такъ по совѣту честныхъ и благородныхъ господъ (тутъ онъ укажетъ на насъ), рѣ-шился безпоконть *вашу высокородную милость.*

Стряпчій.

Лихо придумано! По совѣту честныхъ и благородныхъ го-сподъ, т. е. по нашему совѣту, ввернетъ ему доказательства сильныя и неоспоримыя. Каково, господа! вотъ что значить всучить взятку тонко, деликатно и благородно.

Исправникъ.

По-моему, это совершенно резонабельно.

Судья.

Да я бы во-сто лѣтъ не выдумалъ того, что въ одну ми-нуту придумалъ Сидоръ Карповичъ. Нечего сказать—молодецъ! Правда, подъ часъ надуется; да вѣдь за то и выручить. Ум-ница! люблю и уважаю тебя, Сидоръ Карповичъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Всепокорнѣйше благодарю за доброе слово. Теперь я съ общаго желанія буду писать доносъ, т. е. вы будете мнѣ ли-ктовать то, что каждый съ своей стороны имѣетъ противъ гордничаго.

Стряпчій.

Дѣлю начнемте по-порядку; съ васъ, г. судья.

Судья.

Вотъ бѣда-то! я еще и не придумалъ, что-бы донесъ на

городничаго. Сидоръ Карповичъ, вы за меня—вѣдь вамъ не въ первый разъ за меня думать.

СЕКРЕТАРЬ.

Мало ли что? Вы сами много разъ замѣчали непорядки въ городѣ, слабость пожарной команды, и проч. А пожары-то бывали часто.

СМОТРИТЕЛЬ.

Теперь ваша очередь, Григорій Григорычъ.

СТРЯПЧІЙ.

Пашите: оправдываетъ подсудимыхъ. Стоять за обвиненныхъ. Отпускаетъ безъ всякаго слѣдствія колодниковъ. Мѣшаетъ благоустройству города. Гонитъ исправныхъ чиновниковъ. Даетъ потачку нищимъ. Не слѣдуетъ законнымъ порядкамъ и формамъ. Безпокоенъ. Вздоренъ. Дерзокъ на слово. Стряпчаго поноситъ и безчеститъ, называетъ взяточникомъ, сутягою, грабителемъ...

СУЛЬЯ.

Какъ, неужели въ глаза?

СТРЯПЧІЙ.

Не-то чтобъ эдакъ, знаете, ясно; а такъ—намеками, подко-вырками; да вѣдь я не дуракъ, чтобъ непонять. Впрочемъ писать-то надобно ясно и напрямикъ, оно таво!... сильнѣй по-дѣйствуетъ. Все равно, что намекнулъ, что прямо выразилъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Точно такъ. Вѣдь у него было-же на умъ называть васъ взяточникомъ и грабителемъ. Мы напишемъ не то, что онъ говорилъ, а то, что онъ подразумѣвалъ. Понимаете? для ясно-сти. Теперь, что вы скажете, Ульянъ Петровичъ?

С Ц Е Н А Ш.

Прежніе, Лекаръ и Катя.

Катя, (надея на колѣна)

Милый и драгоценный папенька! простите свою несчастную, свою преступную, но любящую васъ дочь!

Судья.

Что за чудеса?

Лекаръ.

Смѣю-ли надѣяться?

Судья.

Да растолкуйте, вразумите меня.

Стряпчій.

Такъ, бездѣлица! г. лекаръ безъ моего согласія, т. е. тайно отъ меня, женился на моей дочери. (Лекарю) Такъ что ли?

Лекаръ.

Точно такъ. Позвольте надѣяться...

Стряпчій.

Этими пустяками займемся послѣ. Ты, Катя, ступай къ матери; а вы, почтеннѣйшій г. докторъ и вселюбезнѣйшій сынокъ, оставайтесь съ нами поговорить о дѣлѣ, которое поважнѣй, чѣмъ ваша глупая свадьба....

Катя.

Милый и драгоценный папенька...

Стряпчій.

Послушай, милая и драгоценная дочь! я говорю тебѣ тол-

комъ: теперь мнѣ совѣмъ не до-пустяговъ и не до-глупостей—
ступай къ матери. Чай, знаешь, что васъ не развѣнчаютъ.

(Катя уходитъ.)

Стряпчій, (лекарю.)

Вотъ въ чемъ дѣло, Демьянъ Ивановичъ: къ намъ пріѣхалъ ревизоръ. Мы пишемъ доносъ на общаго нашего злодѣя, нарушителя всѣхъ порядковъ и всякаго спокойствія, т. е. на городничаго.

ЛЕКАРЬ.

Э! я очень радъ подсолить ему. Вѣдь онъ изъ гордыхъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Что-же вы включите въ нашъ общій доносъ?

ЛЕКАРЬ.

Много, очень много—только пишите: провизія въ больницу отпускается прескверная...

СМОТРИТЕЛЬ.

Какъ прескверная?

ЛЕКАРЬ.

Такъ, — прескверная! говядина воиющая, мука подмоченая, крупа протухлая—вотъ и все.

СМОТРИТЕЛЬ.

Помилуйте, господа, это ужъ доносъ не на городничаго, а прямо на меня: вѣдь провизию—то покупаю я, а не городничій.

СЕКРЕТАРЬ.

Ульянъ Петровичъ, гдѣ вы закупаете провизию?

СМОТРИТЕЛЬ.

Гдѣ? да такъ... гдѣ случится... иногда и у себя.. вѣдь то же душъ 20 имѣется.

СЕКРЕТАРЬ.

Неправда. Вы все закупаете на городскомъ базарѣ; а чего же смотреть городничій, коль на базарѣ продаютъ протухлую крупу и воющую говядину? а?

СМОТРИТЕЛЬ.

Да, да, да! Правда ваша. Всего вдругъ не припомнишь, а вѣдь точно на базарѣ всякую бездѣлицу покупаю.

СЕКРЕТАРЬ.

Не только больница — весь городъ по-неволѣ долженъ довольствоваться воючей и зловредной провизіей. Такъ ли, господа?

Всѣ.

Такъ! именно! золотая голова Сидоръ Карповичъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Готовы! подписывать.

СУДЬЯ.

Извольте, я готовъ хоть первый. Подъ такимъ умнѣйшимъ доносомъ подписаться нестыдно и нестрашно.

Всѣ.

И я. И я. И я. (*Подписываютъ и потомъ пьютъ и поютъ.*)

№ 6-й.

Прочь отъ насъ чудакъ упрямый!

Не въ свои ты сани сѣлъ;

Не тебѣ бороться съ нами —

Уберись, покаместъ цѣль.

ОТДѢЛЕНІИ ЧЕТВЕРТОЕ.

Развязка.

(Зала въ домъ городничаго—нероскошная, но чистая.)

СЦЕНА I.

ТРЕЗУВОВЪ, *(одинъ.)*

Наконецъ я у пристани и—счастливъ! Но какъ счастливъ, Боже мой! Ни-разу даже во снѣ я не дерзалъ думать о возможности подобнаго благополучія. Бѣдный другъ мой! съ какимъ удовольствіемъ прижалъ бы ты меня къ груди своей и назвалъ братомъ. Судьба не хотѣла этого.

СЦЕНА II.

ТРЕЗУВОВЪ и ПЕТРОВЪ.

ПЕТРОВЪ.

Здравія желаю, ваше благородіе.

ТРЕЗУБОВЪ.

Ба! вотъ счастливая встрѣча! Петровъ, ты какъ здѣсь? давно ли?

ПЕТРОВЪ.

Вашему благородію извѣстно, что я служилъ въ ротѣ Александра Васильевича Греммина, который убитъ передъ вашими глазами. Мнѣ за-ранами дали отставку и я теперь служу отцу моего покойнаго начальника и благодѣтеля. Честь имѣю поздравить, ваше благородіе.

ТРЕЗУБОВЪ.

Спасибо, Петровъ. Я думаю, ты каждый день говоришь съ Васильемъ Петровичемъ о сынѣ его. Славный былъ товарищъ покойникъ, и храбрый офицеръ.

ПЕТРОВЪ.

Истинно такъ, ваше благородіе. Я всегда былъ около него. Бывало только скажетъ: «Петровъ! коль меня убьютъ, утѣшь моего старика, скажи ему, что я умеръ честно.» Скажетъ — и пойдетъ на батарею, словно на прогулку. Долго Богъ милывалъ, да нѣтъ—роковое ядро нашло—таки-нашло моего батюшку. Изволите помнить сами: мы вмѣстѣ хоронили его — вы друга, а я отца. *(Стираетъ слезу).*

ТРЕЗУБОВЪ.

Грустно тебѣ, Петровъ?

ПЕТРОВЪ.

Что дѣлать, ваше благородіе? подь-часъ и больно взгрустнется, да вѣдь на все воля Божія. Къ тому же Василій Петровичъ, точно сынъ его, добръ ко мнѣ. А сестрица — то моего покойнаго начальника, такая ласковая, такая сердобольная, что и сказать нельзя. Признаться сказать — жаль разстаться съ ней.

ТРЕЗУБОВЪ.

Какъ, ты жалѣешь, Петровъ?

ПЕТРОВЪ.

Простите, ваше благородіе. Вѣдь я глупъ какъ чурбанъ—старъ становлюсь. Конечно, Лизаветѣ Васильевнѣ не-вѣкъ-вѣковать съ нами стариками, а мужъ у ней будетъ нашъ братъ—честный служивый, да все какъ—то таво... придется поплакать на разставаньи. И знаешь-вѣдь, что будетъ она счастлива, да нѣтъ... ужъ у насъ такая натура дурацкая...

(Въ передней раздается шумъ.)

ТРЕЗУВОВЪ.

Что такое? *(Петровъ уходитъ)*. Все, все увѣряетъ меня, что я буду счастливъ.

ПЕТРОВЪ *(изъ дверей)*.

Гости къ вашему благородію.

ТРЕЗУВОВЪ.

Проси сюда.

С Ц Е Н А III,

ТРЕЗУВОВЪ, СУДЬЯ, ИСПРАВНИКЪ, СТЯПЧІЙ, СЕКРЕТАРЬ,
ЛЕКАРЬ, ОТКУШНИКЪ, СМОТРИТЕЛЬ НАДЪ ВОЛЬНИЦЕЙ И
ГОЛОВА.

СУДЬЯ.

Честъ имью явиться, уездный Судья Хръновъ.

ТРЕЗУВОВЪ.

Очень радъ познакомиться.

ИСПРАВНИКЪ.

Честъ имью представиться, исправникъ Закусинъ.

Стряпчій.

Имью честь кланяться, стряпчій Григорій Григорьевъ сынъ Ахлестинъ.

Секретарь.

Имью честь съ нижайшимъ высокопочитаніемъ кланяться, секретарь уезднаго суда Сидоръ Карповъ Ловушка.

Смотритель.

Вашъ нижайшій слуга, смотритель надъ больницей Селедкинъ.

Лекарь.

Честь имью рекомендоваться, уездный врачъ, Демьянъ Загибаловъ.

Голова.

Извольте принять въ расположеніе, я градскій голова, Самойло Самойловичъ, по-прозвищу—Мышковъ.

Откупщикъ.

А я здѣшній винный откупщикъ Пузынь. Имью до вашего высокородія всепокорнѣйшую просьбу.

Трезубовъ.

Что вамъ угодно?

Откупщикъ.

А вотъ таво-съ... просьбица. (Подаетъ запечатанный пакетъ.) Терплю разныя притѣснительства, т. е. неудобства по откупамъ отъ городничаго... вступитесь за несчастнаго... того и смотрю—разореніе... а все отъ притѣснительства городничаго.

Трезубовъ, (положа пакетъ въ карманъ).

Начальство разсмотритъ вашу жалобу и окажетъ вамъ всякую справедливость—будьте увѣрены.

СЕКРЕТАРЬ, *(тихо судья.)*

Каково? коль денежки въ карманъ, такъ смѣло начинайте.

Судья.

Позвольте теперь и мнѣ... т. е. всѣ мы... вотъ Семень Павловичъ и Григорій Григорьевичъ и Ульянъ Петровичъ и Демьянъ Ивановичъ и Самойло Самойловичъ... *(на всѣхъ указываетъ пальцемъ)* т. е. всѣ мы купно, зная долгъ службы и присяги, держаемъ безпокоить васъ. Разные безпорядки въ городѣ, несправедливости, притѣснительства... когда безъ того! но ужъ слишкомъ, т. е. черезъ чуръ... усмотрите изъ оной бумаги, подписанной всеми... слѣдствіе докажетъ вамъ, что городничій... т. е. обязанность г - на городничаго исполняется не въ силу положенія... безпорядки, притѣснительства...

Трезубовъ, *(взявши бумагу.)*

Моя обязанность обратить вниманіе... *(улыбляется въ чтеніе бумаги. Молчаніе.)* Господа, я не позволяю себѣ думать, чтобъ вы безъ всякаго основанія составили это донесеніе. Будьте увѣрены, что правительство строго изслѣдуетъ истину и будетъ вамъ благодарно за открытіе злоупотребленій, если они справедливы. Хотя мнѣ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ прискорбно узнать эти страшныя подробности, однако я долженъ... *(вошедшій Трифонъ прерываетъ слова его.)*

С Ц Е Н А IV.

Презніе и Трифонъ.

Трифонъ.

Отецъ родной, защити меня бѣднаго! Послѣдній домишко отнимаютъ! придется вати съ дѣтьми по міру.

Трезубовъ.

Кто ты?

Трифонъ.

Огородникъ Трифонъ. Да не ты ли, отецъ мой, присланъ изъ губерніи — то?

Трезубовъ.

Я; но говори, что тебѣ нужно?

Трифонъ.

Я живу хоть не богато, но, слава Богу, достаточно и въ люди ни зачѣмъ нехожу. Есть у меня огородъ, который кормилъ моего дѣдушку, моего отца и теперь меня кормить.

Трезубовъ.

Что же твой огородъ?

Трифонъ.

Да вотъ бѣда — то какая, отецъ мой: домишко мой недалеко отъ базара; такъ гонять изъ дома вонъ да и все тутъ. Куш, вишь, другой; вишь мой домъ некрасивъ — да развѣ кабакъ — то красивый будетъ?

Трезубовъ.

Какой кабакъ?

Трифонъ.

Кабакъ, батюшка, кабаки! Затѣмъ — то и гонять меня, что на моей усадьбѣ выгодно откупщику кабакъ построить.

ТРЕЗУБОВЪ.

Кто же гонитъ тебя? *(тихо.)* Неужели онъ таковъ? *(Трифону.)* Говори, кто? городничій?

ТРИФОНЪ.

Какъ можно, батюшка, твое благородіе? городничій у насъ святой человекъ, наша защита, нашъ благодѣтель; мы за него и день и ночь Богу молимся.

ТРЕЗУБОВЪ *(тихо.)*

Слава Богу — не онъ!

ТРИФОНЪ.

Все это дѣлаетъ г. стряпчій; говоритъ, что такъ законъ велитъ. Защити, отецъ родной.

ТРЕЗУБОВЪ.

Ступай, Трифонъ, и ничего не бойся, тебѣ дадутъ защиту.

ТРИФОНЪ.

Господь наградитъ тебя, благодѣтель мой! *(уходитъ)*

ТРЕЗУБОВЪ.

Господа, этотъ огородникъ разногласитъ съ вами.

СТРЯПЧІЙ.

Помилуйте; онъ мошенникъ, лгунъ такой, что Боже упаси!

ТРЕЗУБОВЪ.

Можетъ быть; но выслушайте меня. Самъ я и не хочу и не могу входить ни въ какія изслѣдованія надъ городничимъ; да и сами вы вѣрно того не захотите.

Всѣ.

Какъ не захотѣть?.. помиуйте — съ... ваша честность... безпристрастіе... мы просимъ...

Трезубовъ.

Благодарю васъ, господа; но законъ и совѣсть запрещаютъ мнѣ имѣть прикосновеніе къ этому дѣлу. Вы сами легко согласитесь со мной, когда узнаете, что я женихъ дочери городничаго. (*общее движеніе ужаса.*) Поэтому я долженъ все дѣло представить начальнику губерніи, дабы онъ поручилъ изслѣдовать его челоуѣкку постороннему и болѣе безпристрастному. Съ вашей просьбой, г. откупщикъ, я поступлю точно также. (*распечатываетъ пакетъ.*) Это что? вы вѣрно ошиблись? Помыняе-тесь—возьмите деньги и дайте просьбу.

Откупщикъ.

Помиуйте... благоволите принять... Это по совѣту моихъ покровителей, всѣхъ этихъ господъ. Конечно, это бездѣлица, но я по окончаніи благополучнаго дѣла могу еще....

Трезубовъ, (*брооая деньги.*)

Выдите вонъ отсюда — вонъ! (*откупщикъ въ торопяхъ схватываетъ деньги и въ страхѣ уходитъ.*) Господа! вы худо обо мнѣ думали... я не заслужилъ подобнаго оскорбленія. До свиданія! (*уходитъ.*)

С Ц Е Н А V.

Прежніе, кромѣ Трезубова и Откупщика.

Судья.

Что господа? никакъ мы поставили ремизъ?

Стряпчій.

Убирайтесь вы къ чорту съ своими ремизами.

Судья.

М. г! съ судьей такъ не обращаются.

Стряпчій.

Дадутъ вамъ судейство.

Судья.

Да ужъ и стряпчему — то настряцаютъ. вопросные пункты.

СМОТРИТЕЛЬ.

Надо думать, всѣхъ поровняютъ.

ЛЕКАРЬ.

Всѣмъ по стакану микстуры.

Судья.

Что намъ дѣлать теперь?

ЛЕКАРЬ.

Просто, выйду въ отставку.

Стряпчій.

Въ отставку?

ЛЕКАРЬ.

Да! у меня теперь есть жена, настоящій ангелъ, буду любить ее и въ тишинѣ наслаждаться семейнымъ благополучіемъ.

Стряпчій.

Да вѣдь для семейнаго благополучія не одинъ воздухъ нуженъ, какъ вы думаете?

Лекарь.

Буду имѣть по возможности практику, а все остальное время посвящать любви и уваженію къ нѣжному отцу жены моей.

Стряпчій.

Благодарю покорно, обойдусь и безъ этого. Хлопочите о себѣ, а я самъ о себѣ похлопочу.

Лекарь.

Какъ, не вы ли общали мнѣ полное хозяйство?

Стряпчій.

Я ничего не общалъ и общать немогу. У самого на умъ и два и три, и уголовная, и то и се... было бы чѣмъ отгрызться. Да притомъ, всѣ свѣдѣтели, вы увезли у меня дочь по-воровски; за то судятъ, а не награждаютъ.

Судья.

Вы что скажете, Сидоръ Карповичъ? выручайте насъ.

Секретарь.

Гдѣ мнѣ? я человекъ маленькій, не въ свои сани несмѣю садиться.

Стряпчій.

Какъ? да вѣдь были у насъ правой рукой.

Секретарь.

Извините, господа, я знать ничего незнаю и вѣдать ни-

чего не вѣдаю—мое дѣло сторона. Спросить только тѣхъ, кто подписался подъ доносомъ; а я ничего не подписывалъ. Прошу меня не впутывать, а то я еще кое-что прибавлю, т. е. поясню дѣло нѣкоторыми обстоятельствами, по откровенности вѣщей мнѣ извѣстными. До свиданія, господа! *(уходитъ. Въ страхъ и недоумѣннй переглядываются.)*

Судья.

Вотъ онъ, архибестія-то! одинъ выйдетъ чистъ—а мы—все *(подсюркутъ)*—непрогнѣвайтесь!

БІОГРАФІЯ.

ТОРКВАТО ТАССО.

(Статья Ли Гечта.)

Торквато Тассо происходилъ изъ знатнаго и многочисленнаго рода, коего многіе члены неразъ занимали важныя должности, не только въ Италіи, но и во Фландріи, въ Германіи и въ Испаніи. Какой-то Тассо, на-примѣръ, былъ посломъ Филиппа II, въ Англій; другой отличался въ Лепантской битвѣ; третій, наконецъ, былъ родоначальникомъ нѣмецкаго владѣтельнаго дома Туръ и Таксисъ. Названіе его, *Tasso* или Латинское *Taxus*, означаетъ барсука или тисовое дерево; большая часть членовъ этого дома принимали его въ первомъ значеніи, и имѣли барсука на гербѣ; но нашъ поэтъ и ближайшіе его родственники, предпочли болѣе поэтическое значеніе тисоваго дерева. Корень дома ихъ былъ въ Бергамо, въ Ломбардіи, гдѣ и родился отецъ Торквата, Бернардо Тассо, котораго имя занимало бы очень завидное мѣсто въ итальянской литературѣ, если-бы не затмила его слава сына.

Бернардо Тассо, авторъ многихъ недурныхъ лирическихъ стихотвореній, нѣсколькихъ томовъ писемъ и занимательной, хотя нѣсколько напыщенной поэмы *Амадиджи*, заимствованной изъ испанскаго романа *Амадисъ Гальскій*, и нынче почти забытой, былъ человекъ съ небольшимъ состояніемъ, благород-

ный и добрый, но безпокойный, честолюбивый и охотникъ пожить выше своихъ средствъ. Онъ находился въ службѣ разныхъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей, но безъ всякой пользы; между прочимъ, нѣсколько лѣтъ служилъ онъ несчастному Сансеверино, князю Салернскому, который очень уважалъ и любилъ его, и вѣроятно наградилъ бы его почестями и богатствами, какихъ онъ былъ достоинъ, если-бы не угнетенія испанскаго владычества, погубившія и его самого и его служителя. Бернардо, въ счастливое время своей службы князю Салернскому, женился, на 46-году, на Порціи Росси, дѣвушкѣ изъ богатаго и благороднаго дома, которая должна была принести ему значительное приданое. Онъ провелъ съ нею нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ Сорренто, чудесной странѣ, считавшейся вѣкогда жилищемъ сиренъ; тутъ родились у нихъ трое дѣтей; изъ нихъ только двое остались въ живыхъ, дочь Корнелія, старшая, и Торквато, меньшей. Домъ ознаменованный рожденіемъ творца *Освобожденнаго Иерусалима*, былъ восстановленъ въ началѣ нынѣшняго вѣка Юсіфомъ Бонапарте, бывшимъ тогда королемъ Неаполитанскимъ, и сдѣланъ великолюбымъ дворцемъ.

Торквато Тассо родился 11 Марта 1544 г., девять лѣтъ спустя послѣ смерти Аріоста, бывшаго въ тѣсной дружбѣ съ его отцомъ. Воспитаніе его было самое тщательное; онъ быстро развивался, какъ физически такъ и морально, такъ что, по собственнымъ словамъ, въ девять лѣтъ ему уже давали двѣнадцатъ. Одинадцати лѣтъ, онъ принужденъ былъ разстаться съ матерью, и слѣдовать за отцомъ, изгнаннымъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, княземъ Салернскимъ; мать осталась въ Неаполѣ для полученія слѣдовавшаго ей приданого, въ чемъ она однакоже не успѣла; братья ея овладѣли имъ, и всѣ ея старанія остались тщетны; наконецъ, черезъ два года она умерла отъ яду, какъ полагалъ Бернардо. Трогательны слова, въ которыхъ сынъ ея, спустя двадцать четыре года, среди собственныхъ своихъ бѣдствій, воспоминалъ о слезахъ бѣдной матери, отпускавшей его въ трудный путь: «Ребенкомъ,» говоритъ онъ, «оторвала меня суровая судьба отъ лона матери. Со вздохомъ вспоминаю я ея поцѣлуй, орошенные слезами горести, «ея жаркія молитвы, разнесенныя вѣтромъ. Не суждено мнѣ «было болѣе смотреть ей въ лицо, сжатою въ ея нѣжныхъ и

«тѣсныхъ объятіяхъ. Увы, подобно Асканію, о Камилла, пошелъ я нетвердою ногою, за скитальцемъ—отцемъ.» (*)

Юный изгнанникъ прѣхалъ къ отцу въ Римъ. Пробывъ въ этомъ городѣ два года, въ теченіе которыхъ онъ продолжалъ свое ученіе подъ руководствомъ стараго священника, жившаго съ нимъ, онъ перѣхалъ сначала съ отцомъ къ своимъ родственникамъ въ Бергамо, а оттуда въ Пезаро, въ Урбинскомъ герцогствѣ, гдѣ онъ воспитывался около двухъ лѣтъ съ молодымъ принцемъ, бывшимъ впоследствии герцогомъ Франческо—Марія II. (дема Ровере,) который сохранялъ къ нему дружбу до самой смерти. Въ 1559 г. онъ перѣхалъ къ отцу въ Венецію, гдѣ Бернардо получилъ мѣсто секретаря академіи; но въ слѣдующемъ году, отецъ, по какому-то странному заблужденію, безпрестанно повторяющемуся въ исторіи поэтовъ, послалъ его въ Падую учиться юриспруденціи. Онъ прибылъ въ Падую шестнадцати лѣтъ; но вмѣсто того, чтобы заниматься законовѣдніемъ, какъ желалъ его отецъ, написалъ поэму *Ринальдо*, напечатанную два года спустя, въ Венеціи. Добрый Бернардо, самъ будучи поэтомъ, убѣдился этимъ обстоятельствомъ, что напрасно было-бы долѣе стѣснять наследственную страсть сына, позволилъ ему вполне предаться литературѣ, и для изученія ея послалъ его въ Бононію; тамъ, на двадцатомъ году жизни, началъ онъ свой *Освобожденный Иерусалимъ*; т. е. составилъ планъ, и написалъ три пѣсни, изъ которыхъ сохранялъ впоследствии только нѣкоторыя станцы. Онъ недолго пробылъ въ Бононіи; оскорбившись взведеннымъ на него обви-

(*) Me dal sen della madre empia fortuna
 Pargoletto divelse. Ah! di que' baci,
 Ch'ella bagnò di lagrime dolenti,
 Con sospir mi rimembra, a degli ardenti
 Pregghi, che sen portar l'aure fugaci,
 Ch'io giunger non dovea più volto a volto
 Tra quelle braccia accolto,
 Con nodi così stretti e sì tenaci.
 Lassol e seguì con mal sicure piante,
 Qual Ascanio, o Camilla, il padre errante.

веніемъ въ сочиненіи какой-то пасквили, онъ оставилъ этотъ городъ, и посѣтивъ нѣкоторыхъ пріятелей своихъ въ Кальтевестро и въ Кореджіо, возвратился въ Падую, по приглашенію друга своего Сципіона Гонзаги, впоследствии кардинала Гонзаги, желавшаго сдѣлать его членомъ основанной имъ академіи *Делъныхъ* (delg' Etereis.) Тутъ онъ принялся за изученіе любимаго своего философа, Платона, и написалъ три разсужденія о героической поэзіи, которыя посвятилъ своему другу. За-тѣмъ поѣхалъ онъ въ Мантую, навѣстить отца, которому удалось получить должность секретаря при герцогѣ Мантуанскомъ; во-время непродолжительнаго своего пребыванія въ этомъ городѣ, влюбился онъ въ молодую дѣвицу изъ знатнаго дома, Лауру Пеперара; впрочемъ, эта любовь не помѣшала ему скоро возвратиться въ Падую и снова приняться за свои занятія, въ которыхъ провелъ почти весь слѣдующій годъ. Узнавъ въ это время, что кардиналъ Эсте, которому онъ посвятилъ свою поэму *Ринальдо*, назначилъ ему должность при своемъ дворѣ, и что его ждуть въ Феррару къ 1-му декабря, онъ поѣхалъ снова въ Мантуу, объявить о томъ отцу; прибывъ въ Мантуу, онъ опасно заболѣлъ, и болѣзнь удержала его въ Мантуѣ около году. Выздоровѣвъ, онъ посѣшилъ въ Феррару, и прибылъ туда 31 октября 1565 г. Съ этого дня начался для него длинный рядъ годовъ славы и страданія.

Кардиналъ Эсте былъ родной братъ Феррарскаго герцога, Альфонса II, внука Альфонса, покровителя Аріосто. Нельзя не замѣтить любопытнаго обстоятелства, что двое изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ, себя на-бѣду, брошены судьбою въ сношенія съ двумя государями изъ одного и того-же дома.

Когда Тассо прибылъ въ Феррару, Альфонсъ, бывшій нрава надменнаго, тщеславнаго и сварливаго, готовилъ празднества и турниры для встрѣчи своей невесты, сестры императора Максимилиана II. Онъ вступалъ уже во второй бракъ. Первая его жена была изъ ненавистнаго ему тосканскаго дома; и бракъ ихъ былъ несчастенъ. Новая супруга пріѣхала черезъ нѣсколько недель, и принята чрезвычайно великолюбно. Молодой поэтъ былъ въ восторгъ отъ окружавшаго его великолѣпія; обѣ сестры герцога и самъ герцогъ ласкали его; его *Освобожденный Иерусалимъ* быстро подвигался, и онъ, несмотря на примѣръ Аріосто, намѣренъ былъ воспѣть въ своей по-

вмъ славу дома Эсте; въ чадѣ самолюбія и оживанія смотрѣлъ онъ на герцога, отправлявшагося, подобно героямъ его поэмы, на помощь къ императору противу Турковъ, съ тремя стами дворянами въ полномъ вооруженіи, и въ богатыхъ, бархатныхъ, разноцвѣтныхъ мантияхъ съ золотымъ шитьемъ.

Въ довершеніе счастья молодого поэта, можетъ быть и для начала его разочарованія, онъ влюбился въ прекрасную Лукрецію Бендию, которая, впрочемъ, не отвѣчала кажется его любви; ибо вышла за какого-то Макиавелли. Въ числѣ его соперниковъ былъ Гварини (впослѣдствіи соперникъ его въ пастушеской драмѣ), который обвинялъ его въ томъ, что будто-бы онъ ухаживалъ за двумя женщинами въ одно время.

Гвариниево обвиненіе обыкновенно относятъ къ сестрѣ герцога—Леонорѣ, которой имя такъ романтически ввели въ біографію Тасса; но изсѣлованія послѣдняго его біографа, ученаго профессора Розини, доказываютъ, что Гварини намекалъ на Лауру Пеперару, ея Мавтуйскую богиню. Впрочемъ нашъ поэтъ не избѣгнулъ вліянія вольныхъ нравовъ Италіи, и влюбляясь досихъ-поръ болѣе воображеніемъ, нежели сердцемъ, воспѣвалъ всѣхъ и каждую, не исключая разумется и принцессъ. Чтобы снискать уваженіе всего прекраснаго пола вообще, по обычаю того времени, онъ выдержалъ всенародно въ продолженіе трехъ дней *пятьдесятъ любовныхъ диспутовъ*; которые очаровали его самого и прекрасныхъ слушательницъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждали противъ него много зависти и недоброжелательства.

Въ 1569 г. умеръ его отецъ; смерть его такъ огорчила сына, что онъ опасно заболѣлъ; однако-же продолженіе *Освобожденнаго Иерусалима*, рѣчь, говоренная имъ при открытіи Феррарской академіи, бракъ Лукреціи, сестры Леоноры, и наконецъ, самое общество Леоноры, которая, будучи чрезвычайно слаба здоровьемъ, вела жизнь уединенную и любила бесѣду литераторовъ, мало-по-малу развлекли его горе; всего же болѣе поправила его поѣздка во Францію, совершенная имъ въ концѣ слѣдующаго года; случай доставило ему желаніе кардинала Эсте навѣстить родственника своего, Карла IX. Полагаютъ, что кардиналъ ѣздилъ за тѣмъ, чтобы переговорить съ королемъ на счетъ раздоровъ, породившихъ немного спустя, рѣзню Варооломейской ночи.

Передъ отъездомъ, Тассо вручилъ одному изъ своихъ прия-

телей документъ, который мы сообщимъ вполнѣ, потому-что онъ очень любопытенъ, и можетъ объяснить часть его несчастій.

«Такъ какъ жизнь неважна, и Всемогущему Богу можетъ быть угодно отнять ее у меня во время поѣздки моей во Францію, то я прошу синьора Эрколе Рондинелли, чтобы онъ въ случаѣ моей смерти, взялъ на себя наблюденіе за исполненіемъ слѣдующихъ моихъ желаній:

«Во-первыхъ, что касается моихъ сочиненій: я желаю, чтобы всѣ мои любовные советы и мадригалы, были собраны и напечатаны; тѣ же, любовнаго или другаго содержанія, которые я писалъ кому-либо изъ своихъ друзей, я прошу положить со-мною въ гробъ, за исключеніемъ одного, начинающагося словами: «*Oh che l'aura mia dulce altrove spira*». Прошу также издать рѣчь, говоренную мною при открытіи Феррарской академіи, четыре книги о Героической поэзіи, послѣднія шесть пѣсенъ Годфреда (*Освобожденнаго Иерусалима*), и изъ первыхъ двухъ пѣсенъ тѣ станцы, которыя покажутся наименѣе несовершенными. Всѣ эти сочиненія должны, однако-же, быть подвергнуты разсмотрѣнію синьора Сципіона Гонзага, синьора Доменика Веніеро, и синьора Баттиста Гварини, которые, я увѣренъ, не откажутся отъ этого труда въ память моей искренней къ нимъ дружбы.

«Предупреждаю ихъ притомъ, чтобы они безпощадно выключали и обрѣзали все, что покажется имъ ошибочнымъ или излишнимъ. Въ отношеніи вставокъ или измѣненій, я желаю бы, чтобы они поступали осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что поэма во-всякомъ случаѣ останется несовершенною. Что касается прочихъ моихъ сочиненій, если синьоръ Рондинелли и прочія вышеприведенныя лица найдутъ между ними что-либо достойное печати, то пускай поступать по своему усмотрѣнію.

«Въ отношеніи прочаго моего имущества; я желаю, чтобы то, что я отдалъ въ залогъ Аврааму—въ двадцати пяти лирахъ, и семь кусковъ обоевъ, находящихся также залогомъ у синьора Асканіо, въ тринадцати скуди, равно и все, что найдется въ моемъ домѣ, было продано, и чтобы излишекъ отъ выручки былъ употребленъ на высѣченіе слѣдующей надписи на гробницѣ моего отца, покоющагося въ церкви св. Павла. Въ случаѣ же, если бы въ исполненіи моихъ желаній встрѣтились какія-либо затрудненія, я прошу синьора Эрколе обратиться къ ве-

милодушію милостивѣйшей государыни Леоноры, въ участіи которой къ моей памяти, я немогу усомниться.

« Я, Торквато Тассо, писалъ эту записку въ Феррарѣ, 1570 г.»

Мы будемъ еще имѣть случай поговорить объ этомъ завѣщаніи; теперь замѣтимъ только, что и тутъ уже замѣтны его беспорядочность въ денежныхъ дѣлахъ и увѣренность въ добромъ расположеніи принцессы.

Тассо былъ представленъ французскому королю, какъ пѣвецъ французскаго героя, и побѣлъ христіанъ. Карлъ самъ былъ одаренъ довольно замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ; онъ такъ обласкалъ поэта, что тотъ, въ своей простодушной самоувѣренности, сталъ даже мѣшаться въ дѣла, и осуждать французское правительство, за излишнее снисхожденіе къ гугенотамъ, не предвидя замысла, крившагося подъ этимъ снисхожденіемъ. Этой неловкой выходкѣ приписывалъ онъ послѣдовавшую вскорѣ за тѣмъ размолвку свою съ кардиналомъ, принудившую его возвратиться въ Италію. Кардиналъ вѣроятно только того и желалъ, ибо по приѣздѣ въ Феррару, Тассо очень милостиво принятъ въ службу герцога, съ жалованьемъ, по пятнадцати золотыхъ скуди въ мѣсяцъ, и съ освобожденіемъ отъ всякихъ опредѣленныхъ обязанностей, чтобы не стѣснять его въ литературныхъ занятіяхъ. Бальзакъ увѣряетъ, что во-время пребыванія своего при французскомъ дворѣ, Тассо былъ такъ бѣденъ, что не разъ случалось ему занимать у пріятелей по одному экю, и что онъ выѣхалъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ пріѣхалъ. Нельзя слѣпо вѣрить словамъ остряка и сказочника по ремеслу; однако-же оно очень немудрено съ безпечностью, которую Тассо наслѣдовалъ отъ отца.

Тассу, казалось, открывалась спокойная и счастливая жизнь, Онъ былъ свободенъ отъ всякихъ заботъ; былъ при деньгахъ; пользовался почестями, къ которымъ былъ довольно склоненъ; занимался исправленіемъ своего *Освобожденнаго Иерусалима*; написалъ свою прекрасную пастушескую драму *Аминту*, которая представлена при дворѣ герцога въ присутствіи многочисленнаго и знатнаго общества. Сестра герцога Лукреція, принцесса Урбинская, ревностная покровительница поэта, потребовала его къ себѣ въ Пезаро для прочтенія новой драмы; въ слѣдующій же карнавалъ она представлена съ огромнымъ успѣхомъ при дворѣ ея свекра. Въ этомъ сочиненіи есть очень любопытное

мѣсто, показывающее, что уже въ это время, въ чалу почестей и милости, онъ начиналъ уже разочаровываться въ своихъ мечтахъ о придворной жизни; но надо замѣтить, что пастухъ Тирсисъ, изображающій его самого, только хвалитъ своего царственнаго покровителя и придворную жизнь; осужденіе же онъ влагаеть въ уста друга—пастуха, Мопса (какъ полагаютъ, Сперони), въ видѣ совѣтовъ и предостереженія; Мопсъ между прочимъ дѣлаеть такіе ясныя намеки на Альфонеа, что нельзя сомнѣваться въ значеніи его совѣтовъ, и можно полагать, что они не остались безъ вліянія на расположеніе его покровителя, несмотря на окружавшія ихъ хвалы и лесть.

Лѣтомъ, 1574 года, герцогъ Феррарскій отправился въ Венецію поздравить преемника Карла IX, возвращавшагося изъ Польши. Тассо поѣхалъ съ нимъ, и, пользуясь этимъ случаемъ, сталъ искать издателя для своей поэмы, подходившей къ концу. Вся писатели того времени старались печатать свои сочиненія въ Венеціи, потому-что венеціанское правительство не обезпечивало книгъ, печатанныхъ въ другихъ городахъ. Однако-же продолжительная, хотя и неопасная болѣзнь Тассо, опять отсрочила на-годъ окончаніе его труда. Наконецъ, онъ его кончилъ, и казалось, что ему оставалось уже только покониться на лаврахъ.

Но Тассо уже чувствовалъ безпокойство, сопровождающее необыкновенныя души, и къ несчастью, недовольно былъ твердъ, чтобы бороться съ нимъ. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ, и склоненъ къ сильнымъ припадкамъ хандры; онъ немогъ хладнокровно переносить зависть; насмѣшка бѣсила, злобая критика огорчала его. Самое счастье развивало въ немъ зародышъ подозрительности. Творецъ *Армиды* и *Освобожденнаго Иерусалима* сталъ находить, что оказываемое ему уваженіе не равнялось его заслугамъ; и въ то же время гоняясь съ какою-то болѣзненнымъ рвеніемъ за похвалами и судомъ, онъ не только охотно читалъ свои рукописныя сочиненія во всѣхъ обществахъ, но, чтобы снискать благорасположеніе папской цензуры, послалъ свою поэму въ Римъ на разсмотрѣніе; тутъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ ее безпошадно разбирали и бранили придворные ханжи и лицемѣры; ибо римскій дворъ въ это время былъ уже совсѣмъ не то, что въ Аріостово время.

Это новое огорченіе до такой степени усилило безпокойство Тассо, что онъ, приписываясь свои неудачи пребыванію своему

въ Феррарѣ, рѣшился искать другаго убѣжища; онъ думалъ, что въ другомъ мѣстѣ ему легче было-бы умилостивить своихъ критиковъ. Однако же онъ не посмѣлъ открыть своего положенія Альфонсу, старался казаться довольнымъ, а между тѣмъ, подъ рукою писалъ о томъ къ другу своему Сципіону Гонзагъ, бывшему въ это время уже прелатомъ при римскомъ дворѣ, прося его быть осторожнымъ и не погубить его перепискою. Сципіонъ Гонзага, желая успокоить своего друга, и понимая, что ему никакъ нельзя было долго жить въ согласіи съ герцогомъ Альфонсомъ, сталъ ревностно хлопотать о пристройкѣ его къ кому-нибудь изъ дома Медичи.

Къ несчастію, Альфонсъ наследовалъ всю ненависть своего дома къ счастливому дому Медичи; нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ, что та же самая вражда, которая препятствовала Аріосту сойтись съ домомъ Медичи, была еще пагубнѣй для Тасса; она ввергла его въ самыя жестокія бѣдствія. Напрасно предостерегали его, и дружески и съ угрозою. Герцогиня Урбинская (Дукреція), умоляла его не выезжать изъ Феррары, говорила ему, что за нимъ наблюдаютъ; онъ самъ подозрѣвалъ, что письма его были вскрываемы, что очень вѣроятно, потому-что такъ было впоследствии. Тассо ничего не слушалъ, и отправился въ Римъ. Сципіонъ Гонзага представилъ его кардиналу Фердинанду Медичи, бывшему впоследствии герцогомъ Тосканскимъ. Фердинандъ предложилъ ему свое покровительство. На его щедрія и милостивыя предложенія возбудили подозрѣніе поэта, видѣвшаго въ нихъ болѣе ненависти въ дому Эсте, нежели уваженія къ нему самому. Онъ отказался. Во все время пребыванія своего въ Римъ, онъ огорчалъ и приволилъ въ недоумѣніе друзей; слушалъ критиковъ и бѣсился на нихъ, и ходилъ по церквамъ, чтобы показать, что любовныя сцены въ его *Иерусалимѣ* самое невинное дѣло; ибо ханжи начинали осуждать такое присутствіе любви къ священной войнѣ.

Тассо воротился въ Феррару и для утѣшенія своего сталъ восхвалять двухъ прекрасныхъ гостей, прибывшихъ ко двору Альфонса, — Элеонору Сантивале, незадолго передъ тѣмъ вышедшую замужъ за графа Скандіано, и ея свекрови, Барбары Сансеверино, графини Сала. Онъ написалъ множество стиховъ въ честь той и другой, и въ особенности въ честь прелест-

ныхъ устъ графини Скандіано; она была второю изъ трехъ Элеоноръ, въ которыхъ, по словамъ Мансо, былъ влюбленъ Тассо. Нынче доказано, что третья вовсе не существовала; а ухаживаніе его за второю Леонорою можетъ служить доказательствомъ, какъ мало было истинной страсти въ стихахъ его къ первой (принцессѣ Леоноръ), и вѣроятно ко всемъ прочимъ женщинамъ, бывшимъ при дворѣ. Онъ питалъ, въ стихахъ, безнадежную любовь даже къ горничной молодой графини. И такія-то советныя любезничанія величаютъ взліяніями страстной души!

Тоска его скоро возобновилась, и онъ снова сталъ искать предлога выехать изъ Феррары; онъ сталъ просить мѣста исторіографа, надѣясь, что ему будетъ отказано. Но просьба его противъ ожиданія исполнена. Это обстоятельство навлекло на него неудовольствіе дома Медичи.

Въ такомъ положеніи вполнѣ обнаружился слабый характеръ Тассо. Тоска довела его до раздражительности, почти граничившей съ безуміемъ, а обстоятельства еще болѣе усилили ее. Вдругъ онъ вообразилъ, что одинъ пріятель его, которому онъ давалъ ключъ отъ своихъ покоевъ во дворцѣ, какъ онъ самъ объясняетъ, для какой-то интриги, отворялъ комнату, гдѣ были его бумаги. Тассо потребовалъ отъ него объясненія, и разгорячившись, далъ ему пощечину; оскорбленный, по словамъ Тассо, подкараулилъ его въ глухомъ мѣстѣ, съ нѣкоторыми родственниками, и хотѣлъ его зарѣзать; но поэтъ, своею храбростью и ловкостью, обратилъ ихъ въ бѣгство.—Онъ подозрѣвалъ герцога одинъ день въ зависти, другой день въ желаніи сжечь его поэму; подозрѣвалъ слугъ; сомнѣвался даже въ вѣрности друга своего Гонзаги. Ораціо Аріосто, племянникъ великаго Аріосто, написалъ въ честь ему похвальные стихи; онъ вообразилъ, будто они писаны за-тѣмъ, чтобы его одурачить, и поругаться надъ нимъ. Наконецъ онъ вбилъ себя въ голову, будто враги обвиняли его передъ Инквизиціею въ ереси. Словомъ, вездѣ видѣлъ онъ вокругъ себя враговъ и предателей; страшился кинжала и яду; однажды, въ припадкѣ бѣшенства, неизвестно, вслѣдствіе чего, онъ въ собственныхъ покояхъ герцогини Урбинской, бросился съ ножомъ на одного изъ ея слушателей.

Узнавъ объ этомъ, Альфонсъ велѣлъ держать его въ его по-

кояхъ, и отдать на попеченіе врача. Это происходило лѣтомъ 1577 г., на тридцать третьемъ году жизни нашего поэта.

Тассо былъ чрезвычайно огорченъ этимъ обращеніемъ, но переносилъ его съ покорностью; Альфонсъ, тронутый его горестью, взялъ его съ собою въ загородный свой дворецъ, Бельригуардо. Въ одномъ своемъ отчетѣ объ этихъ обстоятельствахъ, Тассо говоритъ, что въ Бельригуардо герцогъ обходился съ нимъ какъ съ роднымъ братомъ; въ другомъ же мѣстѣ, онъ обвиняетъ его въ томъ, будто-бы онъ хотѣлъ принудить его взнести на себя ложное обвиненіе и сознаться въ какихъ-то дѣлахъ, которыя остались загадкою для потомства. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что преступленіемъ его была любовь къ принцессѣ Леоноръ, а можетъ-быть и ея любовь къ нему; другіе думаютъ, что тутъ о любви и рѣчи небыло, и что герцога занимало только желаніе Тассо перенести свою службу и славу въ домъ Медичи. Третьи наконецъ считаютъ всѣ жалобы Тассо плодомъ его большого воображенія, и соглашаются съ первымъ его показаніемъ, что герцогъ обходился съ нимъ милостиво и ласково.

Нѣтъ сомнѣнія, что Альфонсъ старался недопустить тайнаго печатанія *Освобожденнаго Иерусалима* въ разныхъ городахъ Италіи, чего Тассо очень боялся; онъ силлся также успокоить его на счетъ Инквизиціи; эти обстоятельства доказываются офиціальными и другими документами, независящими ни отъ свидѣтельства третьихъ лицъ, ни отъ пристрастнаго показанія страдальца. Но Тассо почувствовалъ скоро такую тоску въ Бельригуардо, что просилъ позволенія удалиться на короткое время въ монастырь. Онъ провелъ нѣсколько дней въ францисканскомъ монастырѣ, и эта жизнь показалась ему такою отрадою, что онъ писалъ къ герцогу о намѣреніи своемъ постричься въ монахи; но недолго продолжалось это спокойствіе; мысль объ Инквизиціи не оставляла его; онъ писалъ въ Римъ, прося, чтобы ему позволили явиться въ этотъ городъ, оправдаться отъ обвиненій враговъ. Онъ писалъ также къ двумъ своимъ друзьямъ, прося ихъ похлопотать объ исполненіи его просьбы; и присоединяя, что герцогъ разгнѣванъ на него вслѣдствіе неудовольствія великаго герцога Тосканскаго, который, какъ кажется, обвинялъ Тассо въ томъ, что онъ будто-бы передалъ Альфонсу его оскорбительныя о немъ отзывы. Эти письма въ-

роятно были перехвачены, ибо найдены въ тайномъ архивѣ въ Моденѣ, единственномъ городѣ, оставшемся въ рукахъ дома Эсте; такъ, что Альфонсъ, если не зналъ прежде этихъ оскорбительныхъ словъ, то узналъ ихъ изъ этихъ писемъ. Можно себя представить его досаду. Въ тоже время Тассо писалъ и къ нему о томъ же предметѣ; должно притомъ замѣтить, что въ письмахъ своихъ въ Римъ, онъ величаетъ Козьму Медичи великимъ герцогомъ, въ письмахъ же къ Альфонсу, называетъ его просто герцогомъ Флорентинскимъ. Известно, какъ былъ взбѣшенъ Альфонсъ, когда папа далъ Козьму титулъ великаго герцога; тѣмъ болѣе взбѣсила его эта почесть въ письмахъ собственнаго своего служителя. Сверхъ того, Тассо имѣлъ почти ребяческое отвращеніе къ горькимъ лекарствамъ, и безпрестанно самыми умилными письмами просилъ, чтобы его не кормили ими. Герцогъ наконецъ запретилъ ему писать. Тогда Тассо, въ которомъ страхъ дурнаго обращенія дошелъ до высшей степени, воспользовался случайною слабостью присмотра, и тайно бѣжалъ изъ монастыря и изъ Феррары.

Несчастный поэтъ избиралъ для побѣга самую удивившую дорожку, и направилъ путь въ Неополитанское королевство, къ сестрѣ. Онъ боялся погоня; нуждался вѣроятно въ деньгахъ; вспомнивъ наконецъ его разстроенное здоровье, и страхъ Инквизиціи, можно себя представить, что онъ перенесъ въ долгомъ своемъ переходѣ черезъ церковныя владѣнія и Абрुцскія горы, до Неапольскаго залива. Для большей безопасности, онъ переоделся въ платье пастуха; онъ сначала такъ боялся даже своей сестры, не зная, помнитъ ли она его, что первое его свиданіе съ нею было тяжелымъ испытаніемъ. Корнелія Тассо, бывшая уже вдовою, жила съ двумя сыновьями въ Сорренто; съ какимъ мучительнымъ чувствомъ долженъ былъ несчастной бѣглецъ смотреть на мѣста, гдѣ протекло его спокойное дѣтство. Онъ не открылся сначала сестрѣ; явился къ ней, будто съ письмами отъ ея брата. Корнелія столько лѣтъ не видала брата, время, страданія и одежда такъ измѣнили его, что она его не узнала. Прочитавъ письма, она обратилась къ подателю, который долженъ былъ ей сообщить въ большей подробности все опасности грозившія ея брату, если бы она не дала ему убѣжища. Онъ разсказалъ свои бѣдствія съ такимъ жаромъ, что нѣжная сестра лишилась чувствъ. Когда она пришла въ себя, незнакомецъ усно-

коплъ ее какъ могъ, и постепенно открылся ей. Корнелія приняла его съ братскою нѣжностью, исполнила весь его желанія, выдавая его знакомымъ за своего двоюроднаго брата, прѣхавшаго буд-то-бы изъ Бергамо въ Неаполь, по семейнымъ дѣламъ.

Дружба сестры, красота Сорренто, успокоили душу Тассо; но ненадолго; безпокойство его скоро возобновилось. Онъ боялся, что на смерть оскорбилъ герцога Феррарскаго; и съ обыкновеннымъ непостоянствомъ, пожелалъ возвратиться къ нему по той-же самой причинѣ, по которой бѣжалъ отъ него. Онъ написалъ къ герцогу письмо, которое оставлено безъ отвѣта; герцогиня Урбинская также хранила молчаніе; одна Леонора отвѣчала; но отвѣтъ ея былъ неутѣшительнъ. Все это еще усилило его желаніе рѣшить свою участь. Онъ рѣшился отдаться снова въ руки герцога. Напрасно сестра уговаривала его оставаться; онъ отправился въ Римъ, въ концѣ осени, и немедленно явился къ агенту герцога, который, посовѣтовавшись съ Феррарскимъ посланникомъ, писалъ о томъ къ своему государю. Гонзага и кардиналъ Альбано, не совѣтовали Тассу ѣхать въ Феррару; они хотѣли, чтобы онъ довольствовался заочнымъ прощеніемъ, и возвращеніемъ задержанныхъ бумагъ своихъ и имущества; о чемъ они и писали самому герцогу. Альфонсъ въ отвѣтъ своемъ соглашался на весь ихъ просьбу, но говорилъ, что по случаю болѣзни герцогини Урбинской, въ рукахъ которой находились требуемыя бумаги, не можетъ прислать ихъ немедленно. Какъ-бы то ни-было, но бумаги не возвращены. Тассо въ тоску и страхъ рѣшился продолжать путь свой въ Феррару. Въ числѣ причинъ, влекшихъ его туда, могла быть и любовь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы предметомъ этой любви была принцесса. — Тассо послалъ герцогу прошеніе о дозволеніи ему явиться въ Феррару; Альфонсъ далъ ему это позволеніе, но съ тѣмъ, чтобы онъ снова подвергся курсу леченія; присоединяя, что въ противномъ случаѣ, онъ рѣшительно и навсегда изгоняется изъ его владѣній.

Въ Феррарѣ Тассо принятъ чрезвычайно милостиво, чуть не слишкомъ милостиво для спокойствія его души; ибо пріемъ этотъ внушилъ ему столько бодрости и смѣлости, что герцогъ счелъ необходимымъ нѣсколько сбить ее. Это возобновило прежнія подозрѣнія несчастнаго поэта, а непонятное удержаніе бумагъ его, только подтверждало его подозрѣнія. Чтобы разсѣять

ихъ, онъ прибѣгнулъ къ вину и увеселеніямъ, которыя свергли его въ тяжкую болѣзнь, и едва встопили ему жизни. — Оправившись, онъ опять сталъ хлопотать о возвращеніи бумагъ, а еще болѣе—о своихъ поэмахъ, которыя, по мнѣнію его, должны были занимать все человѣчество, несмотря на то, что *Освобожденный Иерусалимъ* былъ извѣстенъ еще только въ рукописи, и что даже его *Аминта* небыла еще печатана. Феррарцы, не предвидя какую славою въячается имя Тасса въ потомствѣ, и не желая поддерживать челоуѣка, задумавшаго стать соперникомъ ихъ соотечественника Аріоста, начали считать своего неаполитанскаго гостя не только умнымъ и жалкимъ, но и искательнымъ, нестерпимымъ энтузіастомъ. Дворъ однакоже показывалъ участіе къ своему пѣвцу, хотя Тассо и воображалъ, будто Альфонсъ намѣренъ сжечь его *Иерусалимъ*. Альфонсъ, кажется, съ своей стороны боялся того же отъ самого Тасса. Такимъ образомъ, бумаги, между которыми былъ кажется и единственный чистый списокъ поэмы, небыли возвращаемы; и Тассо, въ новомъ порывѣ отчаянія, опять бѣжалъ изъ Феррары. Эта тайна удержанія бумагъ осталась странною загадкою для потомства.

Тассо сначала отправился въ Мантуу, но будучи недоволенъ пріемомъ, недолго тамъ оставался. Такъ же мало пробылъ онъ въ Урбино. Герцогъ Урбинскій былъ къ нему очень милостивъ; сестра герцога сама перевязывала ему рану. Но какъ ни восхитителенъ былъ врачъ, леченіе пугало его; онъ бѣжалъ въ Туринъ. Онъ не имѣлъ вида и притомъ былъ такъ бѣдно одѣтъ, что его не впустили въ городскія ворота; къ счастью, онъ встрѣтилъ одного литератора, издавашаго его при Феррарскомъ дворѣ; онъ узналъ знаменитаго странника, ввелъ его въ городъ и представилъ маркизу Филиппу Эсте, зятю герцога Савойскаго, а потомъ и князю Карлу Эмануэлю Пиемонтскому, который принялъ его чрезвычайно милостиво, и удержалъ при своемъ дворѣ. Тассо снова ободрился; писалъ къ кардиналу Альбано о своемъ счастіи, сознаваясь, что былъ отчасти самъ виновать въ прежнихъ своихъ бѣдствіяхъ своимъ непостоянствомъ, и мечтательностію; кардиналъ отвѣчалъ ему самымъ дружескимъ письмомъ, полнымъ добрыхъ совѣтовъ. Вся надеялись, что онъ наконецъ успокоится. Но онъ опять обманулъ надежды друзей; какая-то невѣдомая сила влекла его въ Феррару. Онъ опять

просилъ у Альфонса позволенія воротиться къ нему; Альфонсъ далъ позволеніе, но на болѣе тяжелыхъ еще условіяхъ противъ прежняго. Несмотря на то, въ началѣ 1579 г. Тассо былъ снова въ Феррарѣ, и восхищался блестящимъ съездомъ со всѣхъ концовъ Италіи, по случаю третьяго бракосочетанія герцога (съ принцессою Мантуйскою). Онъ вообразилъ, что при этомъ случаѣ, онъ не можетъ ни въ чемъ получить отказа отъ жениха, котораго онъ славилъ и воспѣвалъ.

Но то самое обстоятельство, отъ котораго онъ ждалъ счастья, было ближайшею причиною всѣхъ его бѣдствій. Бракосочетаніе Альфонса совершилось на слѣдующій день, по прибытіи Тасса; поэтому ему нѣкогда было думать о поэтѣ. Принцессы также мало обращали на него вниманія; никто не заботился о немъ. Онъ просилъ возвращенія задержанныхъ бумагъ, но безъ успѣха. Это возобновило его тоску; онъ сталъ жалѣть, что пріѣхалъ въ Феррару; видѣлъ вокругъ себя не только пренебреженіе, но даже насмѣшки; наконецъ, тоска его обратилась въ бѣшенство. Онъ явно бранилъ герцога въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ; проклиналъ его и весь его домъ; отрекался отъ всего, что когда-либо говорилъ или писалъ въ похвалу кого-либо изъ этого дома; называлъ его и весь дворъ его *собраніемъ неблагодарныхъ трусовъ и мерзавцевъ*. Эта выходка дошла до герцога и слѣдствіемъ ея было заключеніе несчастнаго поэта въ госпиталь св. Анны, назначенную для призрѣнія неимущихъ и умалишенныхъ; здѣсь онъ пробылъ болѣе семи лѣтъ. Это несчастное происшествіе было въ мартѣ 1579 года.

Этотъ ударъ такъ поразилъ Тасса, что онъ въ первое время могъ только жаловаться и умолять, чтобы его освободили. Герцогъ отвѣчалъ, что ему должно сперва вылечиться; тотъ же отвѣтъ получалъ онъ на всѣ послѣдующія свои просьбы. Бѣдный страдалецъ обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ, ко всѣмъ принцамъ и великимъ людямъ, прося ихъ заступиться за него; иногда даже винилъ герцога въ письмахъ къ друзьямъ, которыя вѣроятно были вскрываемы; но онъ умолялъ его, лѣстилъ ему впродолженіе семи лѣтъ, безъ всякаго успѣха. Наконецъ, воображеніе его стало дѣйствительно разстроиваться; ему не только являлись видѣнія, даже слышались небывалые звуки; но онъ даже воображалъ, что къ нему ходитъ какой-то чертенокъ, что имъ владыгуютъ колдуны. Чертенокъ кралъ его добро, а колдуны не дава-

ли ему выздороветь. Подобно Бенвенуто Челлини, явилась ему однажды Богородица во всей своей славе; онъ надался на-ночь, чтобы уснуть; иначе онъ во всю ночь не смыкалъ глазъ. Иногда казалось ему, будто онъ палалъ съ лошади. «Сжальтесь надомною, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, рассказывая ему свое положеніе, я страдаю отъ несправедливости свѣта.»

Врачи совѣтовали ему не пить вина; онъ отвѣчалъ, что не можетъ обойтись безъ него, хотя впрочемъ готовъ былъ употреблять его умеренно. Дѣйствительно, ему нужно было чего-нибудь для подкрѣпленія его противъ самыхъ врачей, которые потощали его силы своими лекарствами, и не могли поддерживать ихъ воздухомъ и свободою. Смѣшно и въ то же время больно читать, какъ онъ, то возстаетъ противъ врачей, закармливавшихъ его лекарствами, то покоряется имъ, и проситъ только, какъ ребенокъ, чтобы лекарство было не такъ горько. Одно только воображеніе спасло его отъ желанія разбить себѣ лобъ объ стѣну.

Сочиненіе было единственнымъ утѣшеніемъ Тасса въ его заключеніи; гений его доставлялъ ему подарки отъ государей, деньги отъ издателей, и вооружалъ его твердостью противъ критиковъ. Во время его заключенія печатанъ былъ въ первый разъ его *Освобожденный Иерусалимъ*, но къ крайнему его огорченію, съ подложнаго и искаженнаго списка. Несмотря на то, поэма возбудила всеобщій восторгъ, который обновилъ его силы, и когда за этимъ восторгомъ послѣдовали жаркія возраженія и осужденія враговъ, бѣдный, больной узникъ удивилъ и възвѣсилъ всѣхъ своихъ хулителей своими спокойными и глубокими разсужденіями о поэзіи и философін. Споры, возбужденныя появленіемъ его поэмы, не только не повредили ему, какъ обыкновенно утверждаютъ, но напротивъ, развлекли его, и внушили ему созваніе собственныхъ силъ и славы. Трудъ сталъ для него утѣшеніемъ, и никогда не владелъ онъ такъ мастерски перомъ. Почти невѣроятно сколько томовъ онъ написалъ среди мученій неволи, болѣзни и лекарствъ. Письма его къ друзьямъ, составляютъ огромный томъ; письма къ критикамъ, другой; сонеты и оды, третій; разговоры по образцу Платоновыхъ, еще два. Можетъ быть добрая половина всего, что онъ оставилъ, писана въ госпиталѣ св. Анны. Сверхъ того, онъ много читалъ; напримѣръ, для разсужденій своихъ объ Освобожденномъ Иеру-

салимѣ, онъ долженъ былъ читать все, что было написано по этому предмету въ его время. Но прискорбно читать его поэмы и письма; какъ часто бывали они писаны изъ - за денегъ въ хвалу недостойныхъ лицъ! въ письмахъ его безпрестанно видѣшь весь его мелкія нужды, его мелкія страданія! то онъ сътуетъ на невозвращеніе книги, на неприсылку обещаннаго подарка; то проситъ книгъ, бѣлья. Онъ благодаритъ за посещенія, за почтительныя письма, за лакомства; и не знаетъ куда дѣваться съ присылаемыми ему плохими сонетами и похвальными одами; въ то же время онъ не упускаетъ ни одного случая просить о выхлопотаніи ему свободы. Иногда не можетъ онъ скрыть отъ герцогскихъ служителей своего презрѣнія къ тирану. Альфонсъ превосходилъ самого Тасса въ страсти къ великолѣпію и къ лести; и какъ часто несчастный поэтъ трунить надъ его слабостью къ титуламъ. Въ письмѣ къ управителю герцога, онъ говоритъ напримѣръ: «Прошу васъ, если моему пресвѣтлѣйшему, всемилостивѣйшему и непобѣдимѣйшему государю герцогу угодно держать меня въ тюрьмѣ, возвратитъ мнѣ небольшие мои пожитки, которыя его непобѣдимѣйшее, всемилостивѣйшее, пресвѣтлѣйшее высочество изволило мнѣ обѣщать.»

Но такіе примѣры веселости, или, можетъ быть горькаго отчаянія, рѣдки; есть между прочими его сочиненіями, шутливый сонетъ къ кошкѣ, которымъ онъ проситъ ее одолжить ему своихъ глазъ, чтобы писать ночью; вѣроятно онъ по какому-нибудь случаю оставался безъ огня, ибо ему неотказывали въ свѣчахъ. Обыкновенно же онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ совсѣмъ другимъ языкомъ; проситъ друзей сжалиться надъ нимъ, проситъ за него, приписывать его проступки болѣзни; жалуется на слабѣющую память, признается, что онъ подверженъ временному разстройству умственныхъ силъ, въ чемъ прежде его несправедливо обвиняли враги.

Но все его попытки были тщетны; Альфонсъ не отвѣчалъ ни ему, ни ходатайствовавшимъ за него.

Причины этого долгаго и безчеловѣчнаго заключенія Тасса до-сихъ-поръ приводятъ въ недоумѣніе всѣхъ писателей. Обыкновенно рассказываютъ, что Тассо былъ влюбленъ въ принцессу Леонору, а можетъ быть и былъ любимъ ею, и что братъ ея хотѣлъ наказать его дерзость. Такъ думалъ первый біографъ Тасса, Мансо, бывшій его другомъ въ послѣдніе годы его жизни.

ни; а отъ Мансо это мнѣніе разошлось по всей Европѣ. Монтанъ, видѣвшій Тасса, въ госпиталь, приписываетъ его положеніе напряженію воображенія и ума, и противоположностямъ его характера; но на слова Монтаня нельзя слишкомъ полагаться, потому-что онъ говоритъ, напримѣръ, будто Тассо уже не помнилъ ни себя, ни своихъ сочиненій, что совершенно несправедливо.—Муратори, бывшій въ службѣ дома Эсте въ Моденѣ, приводитъ анекдотъ, рассказанный ему однимъ старикомъ, знавшимъ современниковъ Тасса, будто Тассо, находясь однажды въ обществѣ съ герцогомъ и его сестрою, подошелъ къ принцессѣ, чтобы отвѣчать на ея вопросъ, и въ ультра-поэтическомъ восторгѣ, поцѣловалъ ее; будто герцогъ, обратясь къ свитѣ, сказалъ: «Какъ жаль, что такой великій человекъ сошелъ съ ума», и тотчасъ велѣлъ посадить его въ домъ сумасшедшихъ; но Муратори и не признаетъ и не отвергаетъ этого обстоятельства. Тирабоки сомневаетсяъ въ справедливости анекдота, и полагаетъ, что Альфонсъ заключилъ его, потому-что боялся какого нибудь несчастія отъ его болезненной раздражительности. Серасси, посвятившій свою біографію Тасса принцессѣ изъ дома Эсте, ненавидѣвшей Тасса, рѣшительно отвергаетъ всѣ прочія мнѣнія, и приписываетъ заключеніе Тасса его дерзкимъ отзывамъ о герцогѣ. Всѣ новѣйшіе писатели: Женгене, Фосколо, Сисмонди, и въ особенности Розини, разделяютъ мнѣніе Мансо, и сходятся всеми средствами доказать, что причиною заключенія Тасса была любовь его къ Леонорѣ.

Не отвергая возможности и почти вѣроятности любви Тасса къ Леонорѣ, мы должны однако же сознаться, что несмотря на всѣ свои старанія, не могли отыскать не одного факта въ подтвержденіе этого предположенія; тѣ же факты, на которыхъ основываются эти писатели, ровно ничего не доказываютъ. Стихи Тасса, въ которыхъ говорится о любви, могутъ такъ же легко относиться къ Леонорѣ, какъ и ко всякой другой; тѣ же въ его сочиненіяхъ, которыя явно относятся къ ней, нисколько не говорятъ о любви, а просто—о дружбѣ, объ уваженіи; но изъ того, что она уважала перваго поэта своего времени, и питала къ нему дружбу, нельзя еще заключать, чтобы они другъ въ друга были влюблены. Человекъ, побитый имъ на улицѣ, за то, что читалъ его бумаги, могъ въ нихъ найти множество другихъ тайнъ, кромѣ любовныхъ; слуга, на котораго Тассо напалъ съ ножомъ, опять могъ не имѣть ничего общаго съ этою

тайною; сонеты, которые Тассо просилъ похоронить съ нимъ, намъ неизвѣстны; но почему же имъ было непремѣнно относиться къ Леонорѣ? По смерти Леоноры, бывшей во время его заключенія, всѣ поэты оплакивали ее въ стихахъ; Тассо одинъ молчалъ: и молчаніе его приписываютъ силѣ его любви! Можетъ-быть и такъ, но можетъ быть и напротивъ! это ровно ничего не доказываетъ.

Впрочемъ, очень вѣроятно, что Тассо, сочиняя любовные стихи всѣмъ жевщинамъ при дворѣ, не оставилъ безъ вниманія и принцессы; немудрено даже, что онъ, по своей самонадеянности, позволялъ себѣ передъ нею такія вольности, которыхъ Альфонсъ немогъ терпѣть. Но все это однѣ возможности, которыхъ дѣйствительность ничѣмъ недоказана. Въ одномъ только вѣтъ никакого сомнѣнія: что Тассо говорилъ и писалъ дерзкія, оскорбительныя рѣчи о герцога, и что онъ желалъ перейти въ службу къ враждебному ему дому; что онъ утверждалъ, будто его сначала выдвали за съ умасшедшаго только изъ угожденія герцогу; и что наконецъ, тяжкое заключеніе произвело въ немъ дѣйствительное кроткое съумасшествіе. Альфонсо немогъ простить оскорбленій Тасса, и держалъ его въ заключеніи частью изъ мести, частью же потому, что не зналъ куда съ нимъ дѣваться для своей и для его собственной безопасности. Ему прежде нестало щедрости, чтобы обезпечить нужды своего пѣвца, и ловкости, чтобы внушить ему почтеніе; теперь нестало ему твердости и увѣренности въ своихъ заслугахъ, чтобы оставлять безъ вниманія его упреки. Тассо съ другой стороны былъ также слабъ въ житейскихъ дѣлахъ; не умѣлъ покориться обстоятельствамъ, и не умѣлъ рѣшительно свергнуть съ себя иго, — безпрестанно колебался, искалъ себѣ подъ рукою новаго покровителя, и въ то же время льстилъ старому. Такіе два характера немогли долго ладить между собою; при первомъ случаѣ Альфонсъ положилъ конецъ этому неловкому положенію, засадивъ поэта на семь лѣтъ въ домъ съумасшедшихъ.

Въ Феррарѣ показываютъ какой-то склепъ, въ которомъ будто-бы содержался Тассо; это несправедливо. Но онъ довольно много страдалъ отъ обращенія настоятеля гошпиталя, Агостина Мости, того же самого, который воздвигъ памятникъ Аріосту; полагаютъ обыкновенно, что энтузіазмъ его къ Аріосту и былъ причиною нелюбви его къ Тассу; самъ же Тассо при-

писывалъ его обращеніе тайнымъ приказаніямъ. Племянникъ его, Джуліо Мости, очень полюбилъ бѣднаго страдальца, и всеми средствами старался утѣшать и ободрять его.

Наконецъ наступилъ часъ освобожденія. Лѣтомъ 1585 г., донъ-Винченцо Гонзага, принцъ Мантуйскій, родственникъ Тассова друга Сципіона, приѣхалъ въ Феррару поздравить Альфонса съ женитьбою его наслѣдника. Раздѣляя уваженіе своего двора къ Тассу, онъ вырвалъ у Альфонса позволеніе взять его съ собою, но долженъ былъ обѣщать не выпускать его изъ Мантуи. Секретарь Тосканскаго посольства, Антоніо Константини, часто навѣщавшій Тасса въ госпиталѣ, пошелъ приготовить его къ счастливому извѣстію. Тассо столько уже разъ обманывался въ своихъ надеждахъ, что едва вѣрилъ своему счастью.

Нѣсколько дней спустя, его посетилъ самъ принцъ, разговаривалъ съ нимъ очень ласково, просилъ написать стихи на данный предметъ, и сказалъ, что отправляясь обратно въ Мантуу, возьметъ его съ собою. Тассо не смыкалъ глазъ во всю ночь, писалъ заказанные стихи, и на слѣдующій день послалъ ихъ въ письмѣ къ Константини, котораго просилъ не давать принцу забыть обѣщаніе. Принцъ не забывалъ его; дня черезъ два отдало приказаніе освободить Тассе, и онъ выпущенъ изъ госпиталя. Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣсяца и нѣсколько дней. Недѣли двѣ ждалъ онъ отъѣзда принца, и жилъ все это время у Константини, не являясь ни къ кому, даже ни къ герцогу, который впрочемъ, не звалъ его, и едва ли желалъ съ нимъ видѣться, хотя Тассо впоследствии и воображалъ, что обидѣлъ его, не явившись благодарить его и проститься съ нимъ. Въ половинѣ Іюля 1586 г. онъ навсегда выѣхалъ изъ Феррары.

Въ Мантуѣ ждалъ Тасса самый лестный и милостивый пріемъ, какого онъ могъ желать. Старикъ герцогъ, другъ и покровитель его отца, приготовилъ для него хорошее помѣщеніе во дворцѣ; принцъ одарилъ его нарядами; принцеса и ея свекровь были жаркими почитательницами его произведеній; придворные ласкали его; онъ даже не могъ нахвалиться на столѣ и вина, и былъ доволенъ врачемъ, не терзавшимъ его горькими лекарствами.

Нѣкоторое время Тассо былъ доволенъ своею участію: исправлялъ свои прозаическія сочиненія, окончилъ трагедію *То-*

рисмондо, начатую за нѣсколько лѣтъ, переписывался съ разными владѣтелями, докончилъ и издалъ эпическую поэму, начатую отцомъ. Тассо чрезвычайно чтилъ память отца; каждая счастливая минута его жизни соединялась въ умъ его съ мыслью объ отцѣ; въ концѣ отрывка «O del grand' Arsenio», изъ котораго мы уже приводили трогательное воспомнаніе его о матери, онъ неменѣе трогательно проситъ у отца прощенія въ томъ, что потревожилъ духъ его своими земными страданіями. (*)

Къ несчастію, Тассо не могъ долго наслаждаться покоемъ; черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ соскучился въ Мантуѣ; онъ снова вообразилъ, что его не довольно уважаютъ; сътовалъ на герцога, которому нѣкогда было много имъ заниматься, сердился на вельможъ, не позволявшихъ, чтобы его ставили наравнѣ съ ними (**); наконецъ, прискорбно ему было не имѣть права выходить изъ города, и всегда быть подъ присмотромъ слуги. Однако-же онъ терпѣлъ цѣлый годъ; принцъ, сжалившись надъ нимъ, позволилъ ему ѣхать къ своимъ родственникамъ въ Бергамо; а одинъ изъ его родственниковъ, Каваліере Тассо, прислалъ за нимъ лошадей.

(*) «Padre, o buon padre, che dal ciel rimiri,
Egredo e morto ti piansi, e ben tu il sai;
Egemendo scaldai
La tomba e il letto. Or che negli altri giri
Tu godi, a te si deve onor, non lutte:
A me versato il mio dolor sia tutto.»

«Отецъ, добрый отецъ, взирающій на меня съ неба, ты знаешь, сколько я оплакивалъ тебя, больного и мертвого; какъ я орошалъ слезами твой одръ и твою могилу. Нынѣ же, когда ты наслаждаешься счастіемъ въ лучшемъ мірѣ, я обязанъ тебѣ благоговѣніемъ, а не печалью. Да обратится же на меня одного все мое горе!»

(**) Non posso viver in città, ove tutti i nobili, o non mi concedono i primi luoghi, o almeno non si contentino che la cosa in quel che appartiene a queste esteriori dimostrazioni, vada dal pari. Opere, vl. 13 p. 153.

Съ мѣсяць прожилъ онъ въ прекрасномъ помѣстьи, до сихъ поръ принадлежащемъ фамиліи Тассо, въ домъ своего отца, и думалъ тутъ найти счастье; но не прошло мѣсяца, какъ тоска снова погнала его въ Мантуу, гдѣ ему опять не ужилось болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Изъ Мантуи, несмотря на совѣтъ друзей, онъ отправился черезъ Лоретто въ Римъ, надѣясь получить мѣсто при папѣ; но суровый Сикстъ V не обратилъ на него никакого вниманія, и онъ слѣдующею же весною отправился въ Неаполь обнять сестру и отыскивать приданое матери и конфискованное имѣніе отца.

Неаполитанцы съ восторгомъ приняли поэта; но сестра его была уже въ могилѣ; отцовскаго имѣнія онъ не получилъ, а приданое матери получилъ уже слишкомъ поздно, Непроживъ году въ Неаполь, онъ воротился въ Римъ. Въ Неаполь приобрьлъ онъ друга, столь же нѣжнаго и преданнаго, какъ Константины; этотъ другъ былъ біографъ его, Джіамбаттиста Мансо, маркизь ди-Вилла. Подъ вліяніемъ прекраснаго клямата и нѣжныхъ попеченій новаго своего друга, Тассо сталъ другимъ человекомъ; забавлялся охотою, музыкою, любилъ посѣщать сельскіе праздники; видѣнія его не прекращались, но приняли отпечатокъ не раздраженнаго страданіями воображенія, а тихой грусти. Онъ совсѣмъ забылъ страхъ Инквизиціи, такъ что уже увѣрялъ Мансо въ дѣйствительности духа, разговаривающаго съ нимъ въ сочиненіи его *Посланикъ*, между тѣмъ, какъ прежде силился доказывать, что онъ былъ чистымъ произведеніемъ фантазіи. Однажды онъ вызвался даже доказать его существованіе невѣрующему Мансо на дѣлѣ; и среди дружеской бесѣды передъ каминномъ, «вдругъ обратилъ взоры къ окну,» говоритъ Мансо, «и долго смотрѣлъ такъ пристально, что даже не отвѣчалъ мнѣ, когда я называлъ его по имени.» Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ: «Смотри, мой духъ пришелъ побесѣдовать со мною; подними глаза, и ты увидишь истину.» Я немедленно обратилъ глаза въ ту сторону, но ничего не видалъ, кромѣ лучей солнца, падавшихъ въ комнату сквозь стекла. Между тѣмъ, какъ я осматривался вокругъ себя, Тассо завелъ съ этимъ невидимымъ существомъ весьма занимательный разговоръ. Я, правда, никого не видалъ и не слышалъ—кромѣ его самого, но онъ говорилъ, то вопросами, то отвѣтами, будто разсуждалъ съ другимъ ли-

цомъ о какомъ-то весьма важномъ предметъ. Изъ словъ Торквата я могъ часто догадываться о томъ, что говорилъ его собесѣдникъ, но не слышалъ его рѣчей. Разговоръ ихъ былъ такъ возвышенъ и чудесенъ, и по возвышенности предмета, и по странности и оригинальности мыслей и оборотовъ, что я самъ былъ будто въ какомъ-то обаяніи, несмѣлъ ни прервать ихъ, ни спросить Тасса, гдѣ же духъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ. Это продолжалось довольно долго; наконецъ, духъ ушелъ; по крайней-мѣрѣ должно было такъ заключать изъ словъ Торквата, который за-тѣмъ обратился ко мнѣ, и сказалъ: «Теперь вѣроятно вся твои сомнѣнія разсѣялись.»— Напротивъ, отвѣчалъ я, они сильнѣе чѣмъ когда-либо; я слышалъ много чудесныхъ рѣчей, но не видалъ того, что ты обѣщалъ мнѣ показать. — Онъ улыбнулся и сказалъ: «ты видалъ и слышалъ, болѣе, можетъ быть, чѣмъ — и остановился. Я побоялся распросить его яснѣе и разговоръ нашъ этимъ и кончился. Изъ-всего этого я могу заключить только то, что уже говорилъ; что скорѣе онъ собьетъ меня съ толку своими видѣніями, мечтами, чѣмъ я успѣю разувѣрить его въ его истинныхъ или мечтательныхъ вѣрованіяхъ.»

Во-время пребыванія своего въ Неаполь, Тассо жилъ преимущественно въ Монте-Оливетскомъ монастырѣ. Въ Римъ холодный пріемъ, а можетъ быть и различіе климата, возобновили его старую тоску; однако-же онъ опять нашелъ убѣжище въ монастырѣ, и принялся исправлять старыя свои сочиненія, и писать новыя. Съ этого времени, жизнь его стала безпрестаннымъ скитаніемъ съ одного мѣста на другое; соскучившись въ монастырѣ, онъ перебрался въ городъ, потомъ опять въ монастырь; рѣшился воротиться въ Мантуу, но приглашеніе герцога Тосканскаго привлекло его во Флоренцію. Побывъ нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренціи, онъ возвратился въ Римъ, и потомъ назадъ въ Мантуу. Но даже ласки его освободителя, сдѣлавшагося въ то время уже герцогомъ Мантуйскимъ, не могли долго держать его на мѣстѣ; онъ опять поѣхалъ въ Римъ, а оттуда въ Неаполь; вездѣ ему были рады; и вездѣ находилъ онъ самый дружескій пріемъ, но нигдѣ ему долго не уживалось; въ Неаполь жилъ онъ попеременно, то у адмирала князя Конка, то у Мансо, то въ монастырѣ Санъ-Северино. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ опять переселился въ Римъ и жилъ

въ ватиканъ у друга своего Чинтио Альдобрандини, племянника папы Климента VIII; разстройство здоровья принудило его скоро воротиться въ Неаполь. — Онъ поселился въ монастырь Сантъ-Северино, гдѣ безпрестанно навѣщали его Мансо, Марьяви, бывшій впоследствии главнымъ виновникомъ порчи итальянской поэзіи, и князь Веноза, извѣстный въ то время своимъ музыкальнымъ талантомъ. Князь Веноза такъ былъ восхищенъ мадригалами умирающаго поэта, что, по случаю бракосочетанія своего съ принцессою изъ дома Эсте, хотѣлъ помирить его съ герцогомъ Феррарскимъ, и Тассо, котораго все еще какая-то волшебная сила тянула на старое мѣсто жительства, и вѣроятно за тѣмъ, чтобы опять поссориться при первомъ случаѣ, написалъ своему учителю письмо полное покорности и раскаянія. Но Альфонсъ не хотѣлъ и слышать о немъ; поэтъ нанесъ ему самое жестокое оскорбленіе, передѣлавъ свой Иерусалимъ, подъ именемъ *Завоеваннаго Иерусалима* (*Gerusalemme conquistata*), и выбросивъ изъ него все, что прежде написалъ въ хвалу дома Эсте.

Между тѣмъ Тассо ожидала самая высшая изъ почестей, и въ то же время новая насмѣшка судьбы. Кардиналъ Чинтио Альдобрандини уговорилъ папу удостоить великаго поэта почести въичанія; онъ желалъ ей года за три, но въ это время, говоритъ Мансо, и не думалъ о ней, что очень естественно, ибо онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Однако же онъ поѣхалъ въ Римъ. Обрядъ въичанія, по суровости зимы, былъ отложенъ до весны. Папа позаботился и о финансовомъ его положеніи, и назначилъ ему пенсію во сто скуди; въ то же время тяжба его съ родственниками матери кончилась въ его пользу и они обязались платить ему ежегодно двѣсти червонцевъ, кроме значительной единовременной суммы. Но уже было поздно. Едва наступилъ день, назначенный для въичанія, Тассо почувствовалъ приближеніе смертнаго часа. Онъ просилъ, чтобы его перенесли въ монастырь св. Онуфрія, написалъ прощальное письмо къ Константинѣ, и умеръ 25 апрѣля 1595 году, на 51 году жизни, крикомъ обнявъ распятіе, и говоря слабымъ голосомъ: «Въ рудъ Твоя, Господи!»

Судьба и по смерти его хотѣла посмѣяться надъ нимъ; обрядъ въичанія совершенъ надъ безжизненнымъ тѣломъ. Великолѣпная тога замѣнила саванъ; на голову ему возложили зав-

ровый вѣнокъ, толпы народа провожали его съ факелами изъ капитоля въ церковь св. Онуфрія, гдѣ его похоронили. Надъ могилою хотѣли поставить великолѣпный памятникъ; но онъ остался въ предположеніи; Мансо съ трудомъ выпросилъ себя позволеніе положить надъ нею простую каменную доску. Только черезъ восемь лѣтъ, Феррарскій кардиналъ, Бевилаква, воздвигъ памятникъ, существующій донынѣ.

Характеръ Тасса, бывшій главнымъ источникомъ всѣхъ его бѣдствій, вполне выражается и въ его сочиненіяхъ. Отъ матери наслѣдовалъ онъ нѣжную, чувствительную, раздражительную душу, и соединилъ ее съ честолюбіемъ, и безпокойною фантазією отца, отъ котораго перешла къ нему и небрежность въ денежныхъ дѣлахъ; любовь, и стремленіе за славою и почестями, наполняли всю жизнь его; онъ же составляютъ главное содержаніе его поэзіи. Его *Освобожденный Иерусалимъ* рядъ превосходныхъ эпизодовъ, въ которыхъ описываются попеременно подвиги и любовь христіанскихъ рыцарей. Въ этомъ Тассо сходенъ съ прочими итальянскими эпическими поэтами, Пульчи, Боіарло, Аріосто; но онъ жилъ уже не въ такое время, когда всѣ смотрѣли на жизнь шута, забавлялись турнирами и любовными интригами. Реформація имѣла сильное вліяніе на Италію; и это вліяніе вполне выразилось въ Тассѣ. Рядомъ съ рыцарскими похождевіями является у него великая цѣль, занимавшая все христіанство, освобожденіе Гроба Господня; съ лѣтами, этотъ серьезный взглядъ еще усилился; въ *Завоеванномъ Иерусалимѣ*, онъ старается по возможности очистить свою поэму отъ всего посторонняго; но этимъ онъ лишалъ ее главной ея прелести; *Освобожденный Иерусалимъ* остался до-сихъ-поръ однимъ изъ прекрасѣйшихъ эпическихъ произведеній католической Европы, а *Завоеванный Иерусалимъ* и другая, позднѣйшая и еще болѣе строгая передѣлка, забыты почти немедленно по своемъ появленіи. Единство цѣли, разумѣется, требовало отъ Тасса формы болѣе стройной, нежели форма Аріостова; Тассо имѣлъ передъ глазами образецъ, хотя и неудачный, такой формы въ *Освобожденной Италіи* Триссино (*Italia liberata*). Триссино заимствовалъ ее у древнихъ, преимущественно у Виргилія, но его поэма, холодная и скучная, не могла дать ей хода въ литературу Италіи; это дѣло предоставлено было

Тассу, съ котораго начинается классицизмъ въ итальянской литературѣ.

Кромѣ Освобожденнаго Иерусалима, изъ Тассовыхъ произведеній до-сихъ-поръ читаются *Амита* и *Сонеты*:

Амита, пастушеская драма, весьма занимательная, и полная поэзія, несмотря на нѣкоторую неестественность и жеманность, неотлучную отъ этого рода поэзія, исключительно принадлежащаго старинной литературѣ Испаніи, Португалліи и Италіи. Въ Италіи съ нею могутъ поспорить развѣ только пастушескія драмы Бервардо Тассо, имѣющія передъ нею преимущество еще большей музыкальности стиха, и знаменитый *Pastor fido* Гварини.

Сонеты и прочія лирическія стихотворенія Тассо чрезвычайно многочисленны. По самому своему характеру, вѣжному, мечтательному, славолюбивому и раздражительному, Тассо долженъ былъ быть поэтомъ по преимуществу—лирическимъ. Въ самомъ Освобожденномъ Иерусалимѣ всего лучше мѣста чисто лирическія. Послѣ этого неудивительно, что среди такой безпокойной жизни, онъ успѣлъ написать такую бездну лирическихъ стихотвореній, изъ которыхъ многія не уступаютъ лучшимъ стихотвореніямъ Данте и Петрарки. Въ особенности любопытны тѣ, которыя относятся къ собственной его жизни, къ чувствамъ и страданіямъ его души. Въ этомъ же отношеніи любопытна его огромная переписка.

Прочія произведенія Тассо, какъ стихотворныя, такъ и прозаическія, совершенно забыты, даже въ его отечествѣ. И нельзя жалѣть о томъ; какъ ни уважать его гений, нельзя однако-же не сознаться, что его классическая трагедія, *Торисмундъ*, очень незанимательна, а поэма *Сотвореніе міра* (*Sette Giornate*), еще скучнѣе; и что въ его философскихъ и критическихъ разсужденіяхъ, болѣе цитать и ссылокъ, нежели дѣла.

СТИХОТВОРЕНИЯ И КУПЛЕТЫ

I.

СОСѢДКА.

Изъ моихъ рѣшетчатыхъ окошекъ,
Я смотрю къ сосѣду въ темный садъ.
Много въ немъ разбросано дорожекъ,
Сладко льютъ въ немъ розы аромать.

И въ саду сосѣда есть бесѣдка,
И ведетъ дорожка къ ней одна...
Говорять, гуляеть тамъ сосѣдка
Ввечеру, когда встаетъ луна.

И прикованъ къ этой я дорожкѣ,
По-утрамъ, и взоромъ и мечтой:
Видѣвъ слѣдъ тамъ дивно-стойкой ножки
На песокъ, увлаженномъ росой.

И кипить мое воображенье,
И душа полна какимъ-то сномъ,
И я жду прекраснаго свиданья
Подъ моимъ рѣшетчатымъ окномъ.

Между тѣмъ гласить только болтуня,
 Что сосѣдъ мой старъ, ревнивъ и съдъ;
 Что сосѣдка милая шалуня,
 И что ей восемнадцать только лѣтъ;

Что у ней, какъ небо, голубые,
 Томные и влажные глаза,
 И что есть въ саду слѣды другіе
 По-утрамъ, когда лежитъ роса.....

Н. Грековъ.

II.

ОПУСТЫЛЫЙ ДОМЪ.

Сколько разъ съ тяжёлой душой
 Я вхожу въ тотъ старый домъ,
 Что стоитъ одинъ, угрюмо,
 Въ заустыніи пѣвомъ.

Подъ аркадой залы длинной
 Бальный звукъ давно исчезъ,
 Не танцуется старинной
 Матрадуръ и экосезъ.

И готическія окна
 Драпировки лишены;
 Лишь паукъ свои волокна
 Нижетъ сътыю вдоль стѣны. —

Но минувшаго, донинѣ,
 Много здѣсь еще слѣдовъ:
 Вотъ, на мраморномъ камнѣ,
 Позабытъ букетъ цвѣтовъ;

На одной изъ рамъ, красиво
Чей-то вензель начертень.
Онъ твердитъ краснорѣчиво
О любви былыхъ временъ.

И на лѣстницу, съ балкона
Дверь слегка отворена; —
Мнится мнѣ, изъ павильона
Рѣчь не ясная слышна...

Но съ напраснымъ ожиданьемъ
Устремленъ туда мой взоръ:
Тѣмныхъ листьевъ трепетанье —
Принялъ я за разговоръ.

Все хранить покой суровый;
Старый паркъ безмолвенъ, тихъ;
Лишь мычатъ вблизи коровы,
Грязный мальчикъ гонить ихъ.

В. Воиновъ.

III.

О С Е Л Ъ.

(БАСНЯ.)

Извѣстный гордостію Барсъ
На всехъ скотовъ смотрѣлъ съ презрѣньемъ.
Но вздумалъ выкинуть онъ фарсъ:
Пошелъ Осла поздравить съ новосельемъ,
И подарилъ ему гнилаго сына стога.
Отъ радости Осель едва не помѣшался;
Кричитъ: «О счастье! о восторгъ!
Теперь мой хлѣвъ почтутъ весь за чертогъ, —
Самъ гордый Барсъ войти въ него непогнушался!»

И мой Осель, за эту честь,
 Готовъ гнилое сѣно ѣсть!...
 Иной такъ пылъ въ глаза пускаетъ. —
 Все съ *Тиграми* да съ *Барсами* знакомъ!...
 А самъ тихонько за угломъ,
 Отъ нихъ гнилое сѣно дождаеть...

Н. Кириловъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНЬЕ.

Смѣшонъ кто въ картахъ ищетъ кладъ,
 И счастьемъ выиграть трудится;
 Богатый и безъ картъ богатъ,
 А бѣдный вдосталь разорится.
 Теперь не прежняя пора:
 На счастье больше не играютъ!
 Теперь одни лишь мастера
 Игрою деньги наживаютъ.
 Въ нашъ вѣкъ игра ужъ не порокъ;
 А если разсудить построже,
 Воръ и отъявленный игрокъ —
 По моему, — одно и тоже.
 А между тѣмъ, одинъ изъ двухъ
 Наказанъ и живетъ въ презрѣннѣ,
 Другой почтенъ, со всѣми другъ...
 И вотъ общественное мнѣнье!

Д. Ленскій.

* * *

Въ часы мечтаній одинокихъ,
 Томимъ душевною тоской,
 Подъ небесами строя далекихъ
 Люблю носиться я мечтой.

И долго душу мнѣ волнуетъ
Воображенье, какъ недугъ;
Передо мной оно рисуетъ
И моря блескъ, и знойный Югъ.
Но Югъ не тотъ, гдѣ блещутъ ярко
Лазурь и сонмъ ночныхъ свѣтилъ,
Гдѣ пѣлъ Торквато, гдѣ Петрарка
Свою Лауру такъ любилъ;

Но Югъ палящій, Югъ далекой,
Гдѣ изъ тропическихъ зыбей
Выходитъ островъ одинокой,
Великой славы мавзолеей.

И я стремлюсь къ нему мечтою....
Тамъ дни съ тоской его текли,
Тамъ подъ холодною плитою
Дана сажень ему земли.....

И власти тамъ вѣнецъ и плаха;
И жжетъ скалы тамъ душный день;
И надъ могилою безъ праха
Летаетъ горестная тѣнь.

Н. Грековъ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Безмолвно я стоялъ: одѣта мглой прозрачной,
Спускалась тихо ночь; блестя въ долинь злачной,
Мелькали огоньки; зыбь воднаго стекла,
Качая лебедя, едва, едва дрожала.....
Я слушалъ, какъ туда, гдѣ свѣтъ беретъ начало
Неслася громкая Звждителю хвала,
Созданья низшія въ привѣтахъ изливались

Предъ высшими, и, мнѣ казалось, улыбались
 Свѣтила огонькамъ, атому великанъ.
 И былъ языкъ любви во всей природѣ ясенъ :
 Громады горъ рекли : «О какъ цвѣтокъ прекрасенъ!»
 Жужжали мошкору : «Какъ дивенъ океанъ!»

Н. ГРЕКОВЪ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Порою лѣтнею, когда померкнетъ день
 И вѣтъ отъ цвѣтовъ съ полей благоуханье,
 Какую нѣгою полна ночная тѣнь,
 Какое розлито повсюду обаянье!
 Свѣтлѣе сомы звѣздъ, небесъ нетлѣнный сводъ
 Мерцаетъ отблескомъ таинственнымъ для глаза,
 И предразсвѣтный лучъ всю ночь, какъ будто ждетъ,
 На блѣдномъ ихъ краю, назначеннаго часа.

Н. ГРЕКОВЪ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Когда я къ чашѣ той устами прикасался,
 Откуда пили жизнь уста твои всегда ;
 Когда челомъ моимъ на грудь твою склонялся,
 Когда дышалъ твоимъ дыханьемъ иногда ,

Когда мнѣ было здѣсь даровано судьбою
 Внимать таинственнымъ словамъ твоей души,
 Улыбкѣ отвѣчать улыбкой, и порою
 Сливать слезу мою съ твоей слезой въ тиши ,

Когда хоть лучъ одинъ звѣзды твоей блестящей
 Былъ ограженъ на мнѣ, и въ мутный мой потокъ,
 Всегда покрытый мглой и бурями кипящій,
 Былъ брошенъ хоть одинъ отъ дней твоихъ цвѣтокъ,

О, я могу теперь сказать годамъ: летите!
 Летите быстрые! Мнѣ ль страшень вашъ полетъ:
 Цвѣты увядшіе съ собою уносите!
 Душа одинъ цвѣтокъ нетлѣннымъ сбережетъ.

И нѣтъ въ ней болѣе томительнаго страха,
 Чтобъ принесли ему вы увяданья часъ,
 За тѣмъ, что больше въ ней любви живой, чѣмъ праха
 И вѣчно хладнаго забвенія у васъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Цвѣты иль мотыльки—увы! насъ всѣхъ—могила
 Соединить.
 Зачѣмъ же ждать ее? О, будемъ, ангелъ милый,
 Здѣсь вмѣстѣ жить!
 Въ воздушныхъ ли странахъ, когда ты къ нимъ душою
 Стремишь полетъ,
 Въ цвѣтушихъ ли поляхъ, какъ счастье въ нихъ съ мечтою
 Любовь найдетъ,
 Гдѣ хочешь—все равно. Будь вѣтерка дыханьемъ,
 Будь мотылькомъ,
 Будь цвѣтомъ радуги, будь розъ благоуханьемъ,
 Будь лепесткомъ.
 Лишь вмѣстѣ бѣ жить,—вогъ все, чему душой я внемлю,
 Моя краса!
 Потомъ мы изберемъ, что хочешь ты: иль землю,
 Иль небеса.

Н. ГРЕКОВЪ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Въ томъ сумрачномъ саду, гдѣ длинныя аллеи
 Слетаются изъ липъ, гдѣ розы и лилеи

Въ прохладной тишинѣ льютъ сладкій ароматъ,
 Гдѣ въ вазахъ отъ утра до вечера дрожать,
 То солнца яркій лучъ, прокравшійся сквозь сѣни
 Развѣсистыхъ деревь, то гибкихъ вѣтокъ тѣни: —
 Вы, Божьи Ангелы, свидѣтели, какъ тамъ,
 Давъ волю полную вдругъ вспыхнувшимъ мечтамъ,
 Восторгу чистому душой я предавался,
 Когда, сквозь мракъ вѣтвей, я взоромъ увлекался
 За рзвой ласточкой, порхавшей нао мной,
 И какъ я счастливъ былъ восторженной мечтой!...
 Межъ тѣмъ, какъ впереди, рзвьяся и играя,
 Дитя кудрявое, которое лаская
 Я цѣловалъ въ уста, — влекло меня впередъ,
 Въ нмую чашу липъ, въ тотъ отдаленный гротъ,
 Откуда прядями на холмъ изъ камней дикой
 Спадаютъ темный плющъ съ цвѣтущей павиликой.

Н. ГРЕКОВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ИВАНЪ ОМОИЧЪ ВИЛОЧКА ВОЗВРАТИЛСЯ НА РОДИНУ.

Утро. Онъ лежитъ въ постель и куритъ трубку. Передъ нимъ кухарка Прасковья стоитъ поддѣрююясь. Омка кучеръ, и вмѣстѣ камердинеръ, чиститъ платье.

ИВАНЪ ОМОИЧЪ.

Ну, Прасковьюшка! Вотъ я,

Видишь — воротился.....

Что ты смотришь на меня?

Аль переѣнился?

ПРАСКОВЬЯ.

Охъ, родной мой! Здѣсь ты былъ,

Хоть куда мушкетеръ;

А тамъ всё съ себя спустилъ —
 Высохъ какъ лучинка!
 Охъ, ужъ эти города!
 Питеры — еще тамъ!....
 Столько ввшь, отъ нихъ вреда —
 И конца нѣтъ счетамъ!
 Хоть бы ты, отецъ родной,
 На-ка, взгомазился:
 «Бдемъ Оомка!» И — съ Оомой,
 Сголомя пустился.
 А чего оттѣль привѣзъ?
 Да, карманъ свой тамъ растрѣсь —
 Вывезъ на изнанку.
 «Эхъ, не ѣзди мой родной!»
 Въ ту-пору просила;
 Такъ куда-те, сударь мой —
 Чуть не съѣздишь въ рыло!
 И въ глаза мнѣ наплеваль....
 Это наплевать-бы:
 Только-бъ ты не уѣзжалъ
 Изъ своей усадьбы.
 Что ты въ Питерь забылъ?
 Аль поѣхалъ къ мѣсту?
 Али — молодъ-бы ты былъ —
 Приискать невѣсту?
 Али денегъ-бы кто далъ?
 Ато, э-ка бухнулъ:
 Мужичковъ всѣхъ ошипалъ,
 Да всё тамъ и ухнулъ!
 Я вотъ, семдесятъ годовъ
 Изъ куска тружуся;
 А давай мнѣ сто рублейъ —
 Вотъ-те.... (крестится) отвернуся!
 Да за коимъ лѣшимъ я
 Въ Питерь поскакала?.....

Иванъ Омичъ.

(Въ продолженіе назидательной философіи Прасковьи лежалъ чѣсколько времени; потомъ всталъ съ постели, надѣлъ халатъ и ходилъ по комнатѣ.)

Слушалъ, слушалъ я тебя —

Даже скучно стало!

Ты, Прасковьюшка, стара,

Знаешь, и — глупенька;

Такъ иной-бы разъ пора

Помолчать маленько!

«Я-де семдесятъ-моль лѣтъ

Выжила на свѣтѣ!»

Ну — а что такое свѣтъ

На земной планетѣ?....

.....

Что, Прасковьюшка, мой другъ,

Смотришь, какъ ворога?...

Свѣтъ..... не то что — свѣтъ; а кругъ!

Высшаго все тона!

То есть.... самый верхній слой....

Аристократія!...

Люди.... ухъ! все—съ головой!

Тонкіе такіе!...

Знаешь: выжать самый сокъ....

Можешь догадаться —

То есть — умъ, ученье, толкъ....

(Омка, умываться!)

Да! А здѣшній глупый край....

Взять—мое сосѣдство —

Ты вѣдь каждаго, я чай,

Знаешь съ малолѣтства,

Что за олухи? Все — дичь!

Пентюхи въ имѣньи!

Только твой Иванъ Оомичъ
Любитъ просвѣщенье!
Ну, — понятно или нѣтъ,
Для чего катался?
Посмотрѣлъ на модный свѣтъ
И самъ показался!
Да и — городъ! Къ дому домъ...
Подлинно — картина!
А житье, житье-то въ немъ —
Экая малина!
Ѣсть захочешь — всё тамъ есть!
Или прокатиться:
На машину стоитъ съѣсть,
Полетишь какъ птица!
Веселиться захотѣлъ:
Днемъ — ты на гуляньѣ!
Вечеркомъ — въ театръ поспѣлъ;
А на ночь — въ собранье!
Иль поѣхалъ въ маскарадъ:
Комнаты все въ свѣчкахъ;
Дамы бѣгаютъ, пишатъ,
Въ черныхъ епанечкахъ;
На головкахъ кофпачки
Черные-жъ надѣты....
Тутъ смотри братъ хоть въ очки,
Спрятаны примѣты!
Даже личики свои
Маской закрываютъ;
Чуть глазѣночки одни
Въ дырочкахъ мелькаютъ!
А вокругъ ихъ цѣлый рой
Молодежи вьется;
Ручка, ножка у иной
Тотчасъ узнается.
Или ростъ тамъ... или станъ

Станетъ открываться.....
Если ловкій интриганъ —
Мастеръ добираться.
А потомъ ужъ, подъ конецъ —
Смотришь — въ уголочкѣ
Подобрался молодецъ
Къ матушкиной дочкѣ!
Подхватила и меня
Бабушкина внучка....
А та-та! подумалъ я,
Знать лихая штука!
Слышу: ты меня зовешь;
Я не разбирая.....
(Да и кто тутъ разбиреть,)
Кто она такая,
Отправляюсь съ ней сам-другъ;
Знаю, что-незнаю —
А голубушку изъ рукъ
Вонъ не выпускаю.
Интриганилъ такъ и сякъ —
Такъ ей полюбился.....
Подбѣжалъ проклятый фракъ
И въ толпѣ съ ней скрылся!
Послѣ, глядь — она сидитъ
Съ рыцаремъ уланскимъ,
И безсовѣстный поитъ
Двоочку шампанскимъ!
Только надо-бъ запретить
Странные манеры:
Стали въ комнатахъ ходить
Въ шляпкахъ кавалеры.
Я, незнавши, прикатилъ
Съ теплою фуражкой;
Да всю ночь и проходилъ
Этакимъ милашкой!

Негодится! Пріѣзжай
 Въ маскарадъ въ нарядѣ;
 А нехочешь, такъ снимай
 Шапку въ маскарадѣ!
 Впрочемъ видѣлъ трехъ мужчинъ;
 Шапки мѣховыя
 И усищи въ пять аршинъ;
 Страшные такіе!
 Шашки, знаешь, при бедрѣ;
 Въ камушкахъ эфесы;
 Поясочки — въ серебрѣ...
 Точно какъ Черкесы.

Вотъ, Прасковьюшка, другъ мой,
 Какъ я отличался!...
 Что качаешь головой? —
 Чай—молъ промотался!
 Чтожъ такое? наплевать!
 Э! любезный ларчикъ
 Понаполнился опять.....
 Дай-ка самоварчикъ!

(Молчанье.)

Оомка! съѣзди-ка верхомъ
 Къ Марьѣ Ерофевнѣ;
 Къ Нилѣ Нилычу потомъ —
 Онъ въ своей деревнѣ;
 А оттуда прокоси
 Къ дуралею — Мишкѣ —
 Клавлейся, и всѣхъ проси
 Завтра на картишки!

Оомка.

Буду кланяться.....

Ив. Омичь.

Постой!

Двѣ бутылки рома
Захвати-ка; а настой
Кажется есть дома!

Прасковья приносит самоваръ и уходитъ, вѣсть съ Омкой.

—

Иванъ Омичь держится стариннаго правила: гръшино, дескать, вздоръ говорить въ то время, когда жажнешь пить или псть.

—

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Парижскій Ветошникъ. (*Le chiffonier de Paris*), драма въ 5 д. и 12 картвахъ, съ прологомъ, соч. г. *Феликса Пиа*. (Театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ).

Прологъ. Бѣдный ветошникъ сидитъ на скамьѣ, на набережной Сены, погруженный въ горестную думу. Несмотря на все его усилія, нищета преслѣдуетъ его; ему остается одно средство избавиться отъ гоненія судьбы—самоубійство. Но дружеская рука останавливаетъ его. Спаситель его—*собрать*, такой же ветошникъ, такой же нищій, какъ онъ самъ, пьяный, какъ стелька, ибо для него существуетъ одно счастье, одно божество—вино! Пьяный старикъ, качаясь и едва ворочая языкъ, читаетъ ему преназидательную рѣчь о безразсудствѣ самоубійства, подтверждаетъ ее газетною статьею, и совѣтуетъ не топиться въ

Сень, а топать горе въ винѣ. Ветошникъ стыдится своего покушенія, и рѣшается жить; но жить затѣмъ, чтобы обратить жизнь въ новое самоубійство, отъ руки палача. Старикъ Жанъ отходитъ. Ветошникъ видитъ приближающагося къ нему человека, и хочетъ убить его. Напрасно Жанъ старается удержать его; Жанъ пьянъ, и преступленіе совершается. Патруль подбираетъ мертвое тѣло банкирскаго кассира Жака Дилье.

Картина 2-я. Въ бѣдной комнаткѣ подъ самымъ чердакомъ, молодая дѣвушка, Марія, сѣтуетъ на свою судьбу, и обшиваетъ платье кружевомъ. Платье такъ хорошо, что Марія не можетъ устоять, и примѣряетъ его; надѣвъ же его, уже не можетъ съ нимъ разстаться. Слышенъ шумъ и веселое пѣніе; въскольکو молодыхъ людей идутъ въ маскарадъ. Марія, какъ и всякая гризетка, только и мечтаетъ о маскарадѣ; но она никогда не выходила изъ своей комнатки! Между-тѣмъ, приходятъ къ ней подруги, застаютъ ее въ прекрасномъ кружевномъ платьѣ, и увлекаютъ съ собою.

Картина 3-я. Въ Мезонъ-доръ, прежніе друзья Гаври Бервилья провожаютъ масляницу доброю пирушкою. Самъ онъ съ вами только отъ-нечего дѣлать, и ради своего будущаго обращенія. Онъ хотя и молодъ, но уже испилъ всю чашу удовольствій, и ему остается одно пресыщеніе; не пьетъ и не ѣстъ, а только смотритъ, какъ пьютъ и пируютъ его пріятель. Можетъ-ли быть маскарадъ безъ хорошенекихъ женщинъ? вотъ и Памела, и Агата, и Матильда, и цѣлая толпа веселыхъ и беззаботныхъ гризетокъ. Но между вами, одна молодая дѣвушка сидитъ неснимая маски, повикнувъ головою, и будто стыдась, что попала на такую пирушку. Это трудолюбивая наша швея Марія. Собесѣдники острятъ и смѣются надъ бѣдною дѣвушкою, одна дерзкая рука грубо прикасается ея платью; чужое платье взято и разорвано. Гаври встаетъ, вызываетъ оскорбителя, и спешитъ за бѣляшкою, бѣгущею съ ужаснаго праздника.

Картина 4-я. Какая-то женщина прокрадывается въ комнату Марія, оставляетъ тамъ младенца и уходитъ, небывъ никѣмъ замѣчена. Марія возвращается изъ маскарада. Платье все въ пятнахъ, изорвано. Какъ его отмыть въ такомъ состояніи? а не отмыть, ее сочтутъ воровкою! Эта мысль терзаетъ бѣдную дѣвушку, она рѣшается лишиться себя жизни; но сперва она должна написать прощальное письмо единственному человеку,

любящему ее на земль, старику Жану. Между-тѣмъ Гаври Бервиль, огорченный обидою, нанесенною бѣдной дѣвушкѣ, послѣдовалъ за нею, до самой ея квартиры, и предлагаетъ ей вознагражденіе за испорченное платье, но она отказывается. Рѣшившись на самоубійство, Марія затѣкаетъ все щели, чтобы воздухъ не уничтожалъ дѣйствія угля, и зажигаетъ жаровню.— Жанъ возвращается домой, и осматриваетъ подобранныя имъ ветоши; тутъ и акціи желѣзныхъ дорогъ, и изорванные газеты, и политическія брошюры, и... десять банковыхъ билетовъ въ тысячу франковъ... Десять тысячъ франковъ... это цѣлое богатство! Куда съ ними дѣваться? гдѣ скрыть ихъ? Обшаривая все углы своего чердака, старикъ натѣкается на лоскутокъ бумаги, смотритъ... это записка Маріи. Онъ бѣжитъ къ ней, и застаётъ ее съ младенцемъ на рукахъ. Она поклялась жить для ребенка, подкинутого въ ея отсутствіе, и замѣнить ему мать.

Картина 5-я. Великолѣпные покои барона Гофмана. Баронъ, въ которомъ зрители узнаютъ ветошника-убійцу, старается отдѣлаться отъ распросовъ своей дочери, Клары. Марія просила ее уплатить небольшой счетецъ, рассказывая ей о подкинутомъ ребенкѣ; баронъ прогналъ ее. Клара увѣряетъ отца, что не можетъ выйти за Гаври Бервиля, узнавъ, что ребенокъ ея живъ. Отецъ открываетъ ей все свои преступленія; какъ онъ вкрался въ довѣріе отца Гаври, назначившаго его опекуномъ сына, какъ онъ обогатился его имѣніемъ; говоритъ, онъ долженъ будетъ дать отчетъ, и что отказъ ея погубитъ его. Клара соглашается. По ея выходѣ, является г-жа Потаръ, повивальная бабка, и доноситъ барону, что порученіе его исполнено, хотя и не вполне; что ей неслало духа убить ребенка, но что она подкинула его одной бѣдной швеи; наконецъ жалуется, что обронила десять тысячъ франковъ, цѣну порученнаго ей дѣла. Баронъ обѣщаетъ еще десять тысячъ франковъ, съ тѣмъ, чтобы она поправила свою глупость, и умертвила ребенка! Дѣло слажено.

Картина 6-я. Марія, выходя со двора, поручаетъ ребенка Жану. Г-жа Потаръ, полкарауливъ минуту, когда онъ уходитъ къ себѣ на-верхъ, прибрать кой-какую ветошь, входитъ въ комнату Маріи, и похищаетъ свою жертву: старикъ Жанъ, возвращаясь, встрѣчается съ Гаври Бервилемъ, и требуетъ у него

объясненія. Гаври любитъ Марію, но нехочетъ жениться на ней, потому-что въ супружествѣ нѣтъ счастья. Но когда приходятъ Марія,—ея горестъ, ея самоотверженіе, трогаютъ его, она будетъ его женою. Въ это самое время, раздаются на лѣстницѣ шумъ, крики, брань; является полиція, и схватываетъ Марію, обвиненную въ дѣтубійствѣ; ребенокъ, котораго она воспитала, найдетъ мертвымъ въ колодцѣ.

Картина 7-я. Г-жа Потаръ погираетъ руки отъ радости, что такъ легко добываются деньги. Приходитъ какой-то г. Жанъ, или просто—ветешникъ Жанъ; онъ подобралъ съ разною ветешью объявленіе, въ которомъ обѣщана приличная награда тому, кто доставитъ 10,000 франковъ, оброненные въ послѣдній день масляницы; вотъ онъ и явился. Хотя старикъ Жанъ съ виду и простъ, но онъ себя на-умъ. Онъ выманываетъ у нея два билета изъ десяти; мало того; онъ грозитъ сжечь все деньги, если она не откроетъ ему тайны, которая ему нужна затѣмъ, чтобы заставить поплясать г. барона. Г-жа Потаръ вручаетъ ему весьма важное письмо, и онъ уходитъ, увѣряя ее въ своей преданности и благодарности.

Картина 8-я. У барона Гофмана пиръ горой, по случаю обрученія его дочери. Приходъ старика Жана нарушаетъ праздникъ. Баронъ узнаетъ своего стараго собрата. Жанъ входитъ смѣло и развязно, и объясняетъ барону, что тайна въ его рукахъ. Но баронъ знаетъ слабую сторону Жана, и призываетъ на помощь вино и водку. Жанъ напивается; Гофманъ хочетъ вырвать у него письмо, отыскиваетъ у него въ карманъ бумажникъ, обвиняетъ его въ убіеніи Жака Дидье, и его схватываютъ.

Картина 9-я. Марія въ посѣтительской комнатѣ сенъ-Лазарской тюрьмы, мечтаетъ съ Бервилемъ о будущемъ счастьи. Нѣтъ сомнѣнія, что невинность ея откроется; они разстанутся съ належаю въ сердцѣ. Завтра же можетъ-быть, они опять увидятся, и уже не разлучатся. Но тутъ является злобный духъ, баронъ Гофманъ, описываетъ молодой дѣвушкѣ бракъ ея съ Бервилемъ въ самыхъ черныхъ краскахъ, и советуетъ ей, чтобы избѣжать стыда, сознаться въ преступленіи. Но Марія уважаетъ Гаври, и никогда не осквернитъ себя такою подлостью. Гофманъ прибѣгаетъ къ послѣдному средству; онъ открываетъ

ей, что Ганри погибъ, если она не сознается; несчастная пишетъ нѣсколько строкъ, заключающихъ ее безчестье.

Картина 10-я. Жанъ въ конторѣ полицейскаго комиссара дивится подлости людей; ну статочное ли дѣло, чтобы его любимица Марія была виновна? Но комиссаръ не шутитъ, онъ дѣлаетъ допросъ ветошнику. Старикъ берется доказать невинность Маріи, но для того ему нужно тридцать тысячъ франковъ, шутка! Жана по приказанію комиссара, отводятъ въ тюрьму, но Ганри Бервиль добудетъ эти 30,000 франковъ.

Картина 11-я. Старикъ Жанъ является къ г-жѣ Потаръ въ сопровожденіи незнакомаго лица, и объявляетъ, что ему нужно еще новое доказательство, за которое она получитъ 30,000 франковъ. Убѣжденная такою чудесною наградою, г-жа Потаръ вручаетъ ему уголь отъ простыни, въ которую былъ завернутъ младенецъ; на немъ мѣтка барона Гофмана съ короною и гербомъ. «Я васъ арестую,» говоритъ незнакомецъ; это переодѣтый полицейскій служитель.

Картина 12-я. Клара Гофманъ, въ подвѣчномъ платьѣ, собирается въ церковь. Но домъ окруженъ стражею; является комиссаръ, уличаетъ барона Гофмана и требуетъ оправданія. Чѣмъ ему оправдываться? потерявъ всякую надежду, баронъ отдается въ руки полиціи. Невинность Жана и Маріи обнаружена. Ганри Бервиль женится на Маріи, и спрашиваетъ стараго ветошника, что онъ можетъ для него сдѣлать.... Кушите мнѣ новую клюку, отвѣчаетъ старый пьяница.

Это скорѣе не драма, а только рядъ драматическихъ картинъ, болѣе или менѣе занимательныхъ и трогательныхъ; связи, единства ни-наволось; даже роль ветошника плохо вяжется съ дѣйствіемъ и только замедляетъ и путаетъ холъ пьесы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта роль придумана уже по написаніи драмы, единственно для того, чтобы дать блеснуть актеру. Правда, что играетъ ее превосходный актеръ, Фредерикъ Леметръ, и имъ только пьеса будетъ нѣкоторое время держаться на сценѣ. Леметръ имѣетъ страсть гоняться за самою строгою истинною въ передачѣ типическихъ лицъ. Это стремленіе очень похвально, и доказываетъ любовь къ искусству, ибо требуетъ много труда и усилій; но оно иногда доходитъ до ребячества; гоняясь за матеріальною истинною лица, стараясь представить ветошника, какъ онъ есть, со всею его грязью и отвратительностью,

артистъ иногда жертвуетъ другою, болѣе важною стороною роли; только въ тѣхъ патетическихъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ сбросить съ себя добровольныя оковы, вырваться изъ этой грязной сферы, только тамъ онъ былъ действительно прекрасенъ и великъ; въ прочихъ же частяхъ, въ игрѣ его замѣтна была принужденность, и разчисленіе. Какъ-бы то ни-было, но благодаря ему, ибеса-имѣла огромный успѣхъ, и только ради его, она будетъ держаться, несмотря на свои недостатки.

Погоня за наслѣдствомъ (*La course à l'héritage*). Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г. Виенне. (Театръ Одеона.)

Уильямъ Дельмартъ, молодой англичанинъ, страстный охотникъ до живописи, получилъ по завѣщанію отъ своего дяди огромное имѣніе, съ условіемъ, чтобы онъ къ опредѣленному сроку нашелъ себѣ жену; въ противномъ случаѣ, имѣніе должно перейти къ другимъ наслѣдникамъ. Уильямъ на волахъ; онъ скрываетъ отъ всѣхъ свое званіе и богатство, чтобы съискать жену, которая полюбила-бы его ради его самого, а не изъ его денегъ. Сроку ему остается только до полночи. Несмотря на весь его старанія, тайну его провѣдалъ старый генералъ-дипломатъ, и всеми средствами старается удержать его отъ женитьбы, въ надеждѣ, что все это богатство будетъ принадлежать его дочери Софій, помолвленной за Альфреда, ближайшаго наслѣдника завѣщателя послѣ Уильяма. Съ другой стороны увѣщается около него г-жа Делькуръ, изнывающая въ невольномъ вдовствѣ; роскошная жизнь, которою она бросаетъ всѣмъ пылъ въ глаза, совершенно разстроила ея небольшое состояніе; и она очень рада-бы взять въ придачу къ мужу милліоны его дялюшки, чтобы съ помощью ихъ поправить свои дѣла. Наконецъ, на него мѣтитъ и г. Моранже, парижскій купецъ, у котораго есть дочь—невеста, Камилла; онъ и не подозреваетъ богатства Уильяма, но ему хотѣлось-бы найти для дочери мужа, лучше своего племянника Деперрена, которому онъ ее обѣщалъ, но котораго онъ очень не жалуется за его насмѣшки и буй-

вость. Положеніе Уильямза нелегкое! Наконецъ, вдова одерживаетъ верхъ надъ соперницами, благодаря своей ловкости, опытности и лицемѣрію; бѣдный Уильямъ попадаетъ въ ея сѣти. Но письмо еще во-время открываетъ ему глаза; онъ выбираетъ Камиллу, вполне заслуживающую его любовь и уваженіе. Онъ женится на ней и разрушаетъ всѣ козни генерала, вдовы и прочихъ почтенныхъ особъ, замышлявшихъ обидѣть его.

Имя автора, г. Виенне, академика, послѣдняго и самаго жаркаго поборника французскаго классицизма, обѣщало комедію замысловатую и написанную прекраснымъ языкомъ. Его сатиры, посланія и басни давно доказали, что онъ нѣрѣдко бываетъ остроуменъ, и золь. Но драма ему не далась. Въ роль Десперрена много живой сатиры; много яркихъ описаній корыстолюбія, подлости гнусныхъ хитрецовъ, старающихся обогатѣть на счетъ ближняго; многія мѣста напоминаютъ комедіи блаженной памяти Колець-д'Арлевила и компаніи. Но въ цѣломъ, комедія скучна; дѣйствія вовсе нѣтъ; сцены сколочены такъ, что едва держатся; нѣтъ даже ни одного комическаго положенія. Она едва ли будетъ долго держаться на сценѣ.

Слуга модистки (*Le trottin de la modiste*), волевлъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Клервилля. (Театръ Палерояля).

Идея XIX вѣка—успѣхъ. Успѣхъ вездѣ и во всемъ; такъ напримѣръ, прежде мастерицы модныхъ лавокъ сами носили картоны, теперь у нихъ для того завелись мальчики, такъ называемые *trottins*. Таковую должность занимаетъ Лоріо у модистки мамзель Афаназіи; онъ бѣгаетъ по пятамъ ея, съ картонами въ рукахъ, по всему городу, покорный и смиренный, какъ пудель; путемъ—дорогой влюбляется въ нее, подбираетъ ей старыя перчатки, обрѣзаетъ ея лентъ и носить за пазухою цѣлый запасъ такой дряни, которой не взялъ-бы никакой продавецъ стараго хлама. Но это мнимоходомъ; а дѣло въ томъ, что однажды, кажется ему, будто картонъ необыкновенно тяжелъ, ему стало любопытно, что это за такая новомодная шляпа; онъ открываетъ картонъ и находитъ вмѣсто шляпы спеленаго ребенка. *Nonni soit qui mal y pense.*

Это ребенокъ Аглая, лучшей пріятельницы Афаназіи, тайно вышедшей замужъ за г. Бюридава. Лоріо встрѣчается съ отставнымъ жандармомъ Рокальономъ, отыскивающимъ оболстителя своей дочери, и на вопросы его отвѣчаетъ такъ, что тотъ почитаетъ его отцомъ младенца и бѣжитъ по-городу вслѣдъ за Афаназіею. Затѣмъ Лоріо наталкивается на Бюридава, который вырываетъ у него изъ рукъ картонъ, и даетъ ему такого пинка, что несчастный отлетаетъ въ лавку мѣнны, разбиваетъ окно, и схваченъ, какъ воръ. Но невинность его скоро обнаруживается, его освобождаютъ, и онъ возвращается весь избитый— въ магазинъ, откуда его гонятъ мастерицы, затѣявшія въ отсутствіе хозяйки ужинъ, на который пригласили старую модистку, г-жу Батавію. Является и Рокальонъ, гоняющійся за Бюридавомъ и ребенкомъ, и дѣйствительно находитъ ребенка въ картонъ; Афаназія ловко похищаетъ его изъ картона, а другая шалунья-мастерица замѣняетъ его морскимъ ракомъ; каковое превращеніе крайне удивляетъ Лоріо и бѣситъ почтеннаго г. Рокальона. Между-тѣмъ, г-жа Батавія узнаетъ въ отставномъ жандармѣ своего стариннаго оболстителя, похитившаго ея дочь; эта дочь, которую она до-сихъ поръ облакиваетъ,—Аглая, мать вышереченнаго младенца. Дѣло принимаетъ хорошіи обороты; Рокальонъ заглаживаетъ свою вину противъ г-жи Батавіи; оба даютъ свое родительское благословеніе Бюридаву и Аглаѣ, а Лоріо, которому съ неба упало наследство въ 20,000 франковъ, получаетъ руку и сердце Афаназіи.—Пьеса полна остроумія и комизма, и имѣла огромный успѣхъ.

Виконтесса Лолотта. (*La vicomtesse Lolotte*), комедія-водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Баара и Дюмануара. (Театръ Водевилля).

Сколокъ съ давноизвѣстной пьесы *le vicomte de Létorièrre*. Лолотта хорошенькая, миленькая гризетка, кружитъ голову и важнымъ вельможамъ и бѣднякамъ; но она самыхъ строгихъ правилъ, и никакія предложенія не смягчатъ ея суроваго сердца. Однако-же она не совсѣмъ равнодушна къ молодому графу

д'Эрвиллю, и даже согласна выйти за него замужъ; но графъ передъ свадьбою одумывается; ему стыдно дать титулъ вконтесы бѣдной гризеткѣ. Вслѣдствіе этого отказа, Лолотта дѣлается посмѣшищемъ всего города, переезжаетъ въ Парижъ, и принимаетъ модный магазинъ, отказанный ей теткою. Тутъ за нею ухаживаютъ не меньше чѣмъ въ Ангулемѣ; ревнивый Виконтъ, чтобы удалить жениховъ, объявляетъ, что она его жена. Знатная родня его, и въ особенности одна тетюшка, чрезвычайно дорожающая своимъ знатнымъ родомъ, стараются всѣми силами отворотить неровный бракъ; послѣ многихъ неудачъ, любовь и ловкость молодой гризетки все преодолеваютъ, и съ помощію водевильнаго *dei ex machina*, стараго грѣшка, случайно выведеннаго на свѣжую волю, она добивается даже согласія надменной тетюшки. Пьеска забавная, остроумная, и пьела большой успѣхъ.

Любитель древностей, (*l'Antiquaire*), комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г. Антони Туре
(Театръ Одеона).

Герой пьесы,—пожилой человекъ, зарывшійся за-живо во всякій старый хламъ; ничего онъ не любитъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ старыхъ вазъ, законченныхъ картинъ и заржавленнаго оружія; на нихъ убиваетъ онъ все свое состояніе. Плутъ—слуга и мошенникъ—итальянецъ общими силами общипываютъ его, несмотря на всѣ усилія ключницы, старающейся сохранить что-нибудь на приданое дочери его, Анны. Анна любитъ своего двоюроднаго брата, Жюльена, и назначаетъ ему свиданіе ночью, въ кабинетъ отца. К несчастью, старику пришло въ голову зайти посмотреть на свои сокровища; Жюльень хочетъ уйти, и нечаянно роняетъ драгоценную Флорентинскую вазу; этого достаточно для, чтобы прогнать его; но онъ скоро принужденъ снова призвать его, потому-что каталогъ не конченъ, и никто кромѣ его не знаетъ размѣщенія его драгоценностей. Италиянецъ также мѣтитъ на Анну, но не ради ея, а только ради ея приданого. Онъ придумываетъ средство прибратъ къ рукамъ последнее, безъ придачи первой. Онъ обща-

еть антикварію Тубаловъ органъ, тотъ самый, на которомъ Ма-
оусаяль игралъ восемь вѣковъ. Этотъ органъ находится въ ру-
кахъ ученаго Гримальдуса, который самъ придетъ сговориться
о цѣнѣ. Ключница, провѣдавъ этотъ замыселъ, рѣшается раз-
строить его, и для того пишетъ къ брату своего гос-
подина, моряку, который немедленно является на защиту пле-
мянницы. Но какъ же предупредить обманъ? стараго чудака не
разувѣришь! нечего дѣлать, надо прибѣгнуть къ обману же. Мо-
рякъ называется Гримальдусомъ, и приноситъ органъ о двухъ
трубкахъ, за который требуетъ 300,000 франковъ. Въ то же
время является и итальянецъ, также подъ именемъ ученаго Гри-
мальдуса, съ органомъ о цѣлой октавъ; за-нимъ является третій
Гримальдусъ, лакей, который разсудилъ, что чѣмъ-же онъ ху-
же итальянца, и почему не воспользоваться ему деньгами сво-
его господина? Споръ между тремя Гримальдусами, о томъ, кто
изъ нихъ настоящій Гримальдусъ, и кто самозванцы. Оказы-
вается, что Гримальдусъ 1-й, онъ же морякъ, настоящій Гри-
мальдусъ, а Гримальдусы 2-й и 3-й самозванцы. Гримальдусъ 1-й
и получаетъ 300,000 франковъ; это послѣднее достояніе антиква-
рія; онъ разоренъ въ пухъ; являются должники, кабинетъ его
продаютъ съ молотка, а онъ только смотритъ, какъ всѣ его
рѣдкости идутъ на за грошъ, и едва не умираетъ съ печали.
Но братъ успокоиваетъ его; сознается въ хитрости, употре-
бленной для исцеленія его отъ глупой маніи, и общается груп-
пу, которая стоитъ всѣхъ его сокровищъ. Одергивается занавѣ-
съ, и за нею Жюльенъ и Анна бесѣдуютъ о любви и проч.,
и проч.

Публика съ нетерпѣніемъ ждала этой пьесы, о которой тре-
звонили за нѣсколько недель впередъ, обѣщая несмѣтное насла-
жденіе. За то мѣста брали на-перехватъ, и театръ былъ набитъ
биткомъ. И публика не совсемъ обманулась въ своихъ ожида-
ніяхъ; правда, того наслажденія, за какимъ она явилась, не ока-
залось; но за то она потѣшилась другимъ образомъ. Говорятъ,
что такого хохота, шума, крика, топота, свиста, никто
не упомнитъ.

Супружескія испытанія (Les infortunes conjugales), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Дебри и Клервилля. (Театръ Folies dramatiques.)

Отличается всѣми достоинствами и недостатками авторовъ: причудливостью вымысла, бойкостью разговора, странностью положеній и небрежностью и неправильностью языка. Содержаніе впрочемъ не-ново. Пожилой опекунъ женится на воспитанницѣ, чтобы не давать отчета въ ея имѣніи; къ несчастью, въ супружествѣ свои неудобства; и г. Шатулье испытываетъ ихъ со дня свадьбы. Эти неудобства слѣдующія: во-первыхъ, двоюродный братецъ, имѣющій противъ него недобрые замыслы; во-вторыхъ, теща, присвоивающая себѣ право требовать, чтобы зять ея не пользовался супружескими правами до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня свадьбы; вчетвертыхъ, тещъ, подвергающійся опасности лишиться табакерки, если не подержитъ требованій жены; впятыхъ, неумѣстное назначеніе на дежурство; вшестыхъ, открытіе въ домъ ребенка, рожденнаго за вѣсколько мѣсяцевъ до его свадьбы; всельмыхъ, попытка двоюроднаго брата взыскать по веревочной лѣстницѣ, въ то самое время, пока мужъ, какъ онъ полагаетъ, перекликается съ прохожими. Всѣ эти несчастія подають поводъ ко-многимъ комическимъ, но слишкомъ натанутымъ сценамъ. Сцена, въ которой тещъ не впускаетъ г. Шатулье въ комнату новобрачной, выходитъ вѣсколько изъ границъ приличія; споръ кончается тѣмъ, что почтенный родитель сохранить табакерку. — Наконецъ все объясняется, и счастливый супругъ, не только не сердится на молодую жену, но еще благодаритъ ее за всѣ свои страданія. Двоюродный братецъ удаляется со стыдомъ; теща смягчается и отмѣняетъ запрещеніе; тещю возвращается табакерка, ради обещаннаго внука; Шатулье узнаетъ, что найденный имъ ребенокъ, принадлежитъ тещѣ, которая, несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, изволила даровать своему болвану-мужу втораго наследника; неудачная попытка двоюроднаго брата ускорять отъѣздъ его въ Алжирію, откуда онъ уже не воротится. Неестественно, не правдоподобно, и даже не-ново; но смѣшно до-упаду; а когда, смѣшно, можно-ли сердиться?—Ради смѣха, пьеса имѣла большой успѣхъ.

На-удачу. (Au petit bonheur). Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ; соч. г. *Проспера Пуатевена* (Театръ Одеона).

Хорошенькая двадцати-лѣтняя графиня-вдова скучаетъ вдовствомъ и очень бы непрочь найти другаго мужа. Двоюродный братъ ея страстно въ нее влюбленъ, но не смѣетъ въ томъ сознаться; съ другой стороны одному разоренному маркизу очень бы хотѣлось прибрать къ рукамъ ея приданое. Вдовушка не совсѣмъ равнодушна къ двоюродному братцу; и онъ пожалуй женился бы на ней, да боится насмѣшекъ, которыя въ такомъ обиліи сыплются на бѣдныхъ мужей. Онъ какъ-то рѣшился объясниться ей въ любви, но вслѣдъ за тѣмъ, одумавшись, пишетъ, что не женится на ней; однако же, боясь, чтобы она не попала въ руки маркиза, онъ пишетъ другое письмо, въ которомъ проситъ ея руки. Оба посланія у него въ рукахъ, и онъ никакъ не можетъ рѣшиться, которое изъ нихъ послать. Въ нерѣшимости, онъ предоставляетъ выборъ слугѣ, который беретъ одно на-удачу, и отправляется къ молодой графинѣ. Вскорѣ затѣмъ является маркизь, и объявляетъ, что свадьба его почти слажена. Двоюродный братъ въ отчаяніи, хочетъ рѣзаться съ маркизомъ; всего болѣе раскаивается онъ въ томъ, что написалъ письмо съ отказомъ; онъ увѣренъ, что кузина его получила именно это письмо. Между-тѣмъ является сама графиня, и подходитъ къ нему съ улыбкою удовольствія на лицѣ. Онъ съ смущеніемъ проситъ у нея прощенія за письмо; графиня измѣняется въ лицѣ, она думаетъ, что онъ ея уже не любитъ, и не можетъ постичь причины этой быстрой переменѣ, ибо она получила письмо, въ которомъ онъ просилъ ея руки. Но недоумѣніе скоро объясняется, маркизь остается съ носомъ, а двоюродный братецъ женится на хорошенькой графинѣ.

Не ново, не оригинально, но остро и мило; пьеса имѣла успѣхъ.

Букетъ инфанты (Le bouquet de l'infante), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Планара и Левена, муз. Адриана Бойелье, (Театръ Комической Оперы).

Дѣйствіе происходитъ въ Португаліи; ужь такой обычай у гг. Скриба и Планара, что комическая опера должна непременно происходить въ Испаніи или Португаліи; это даетъ имъ возможность ввести въ пьесу нѣсколько серенадъ и болеро, и складывать всѣ ея несообразности и бессмыслицы на небывалые испанскіе нравы.—Маркизь донъ Фабіо де Сильва при возшествіи на португальскій престолъ Браганцскаго дома и изгнаніи испанцевъ, лишился имени и титуловъ. Взросши въ нищетѣ и изгнаніи, онъ возвращается на родину, дѣлается морякомъ, и поступаетъ въ службу къ какимъ-то монахамъ, въ качествѣ корсара. Приѣзжая въ Лиссабонъ, онъ останавливается у бѣднаго писаря, сеньора Пасквалеса, котораго воспитанница, Жинетта, должна скоро быть его супругою. Но прежде чѣмъ жениться, донъ Фабіо хочетъ попытаться возвратитъ отнятое у него богатство, и предложить его Жинеттѣ вмѣстѣ съ рукою. Вся его надежда на Испанію; какой-то молодой вельможа, спасшій ему разъ жизнь, обѣщаетъ, правда, представить его съ Пасквалесомъ и Жинеттою инфантъ, но онъ ему плохо вѣритъ; и такъ онъ составляетъ заговоръ противъ Браганцскаго дома, и собирается въ тотъ же вечеръ, съ нѣсколькими соумышленниками, похитить инфанту и увести ее въ Испанію. Но въроломный случай, всегда разстроивающій, съ помощью несообразностей, всѣ заговоры въ комическихъ операхъ, разстроиваетъ и замыслы Фабіо. Одинъ монахъ поручаетъ Пасквалесу списать три копіи съ плана заговора, написаннаго весьма подробно по-латини; будто монахи сами не умѣли писать и будто заговоръ дають переписывать публичному писарю! но не въ томъ дѣло; не все-ли равно, выбрать ту или другую несообразность, когда безъ несообразности не сведешь кониовъ? Пасквалесъ, представленный ко двору съ Жинеттою, благодаря стараніямъ покровителя Фабіо, который никто иной какъ переодѣтый инфантъ, спѣшитъ показать свое каллиграфское искусство; раскладываетъ образцы своихъ сорока пяти родовъ письма, которыми набиты его карманы, но въ глаза канцлеру бросается,

разумѣется, несчастная копія плана заговорщиковъ. Тревога по всему дворцу; Фабіо схваченъ въ ту самую минуту, какъ онъ собирался поднять руку на своего государя. Между-тѣмъ все было уже готово къ свадьбѣ его съ Жинеттою; инфанта хотѣла сама одѣвать невѣсту; преступный замыселъ Фабіо разрушилъ все это счастье. Ему дается одна милость,—жениться на Жинеттѣ, и потомъ умереть. Но статочное-ли дѣло, чтобы въ комической оперѣ состоялась казнь? довольно одной угрозы. Въ роковую минуту возвѣщаютъ осужденному царское помилваніе, и все кончается точно такъ-же какъ въ *Дезертирь* Монсьяни.

Драма, какъ мы видимъ, незалорная; въ дѣйствіи нѣтъ никакой связи, лица сводятся безъ всякой нужды, по одной прихоти автора; несообразности на каждомъ шагу.

Музыка г. Адриена Бойельды легка, гладка, иногда даже довольно игрива; болѣе въ ней и не ищите; ни оригинальности, ни драмы, ни энергіи, ни даже основательнаго образованія; о вдохновеніи и говорить нечего. Всего удачнѣе романсъ Жинетты въ первомъ дѣйствіи, этотъ родъ болѣе по силамъ композитору; впрочемъ и тутъ болѣе сантиментальности гостиннаго романса, нежели истиннаго чувства. Хоръ матросовъ, который долженъ-бы быть капитальнымъ нумеромъ оперы, слабъ и блѣденъ; второе дѣйствіе начинается прекрасною фразою, но княжескаго слишкомъ напоминающею одно мѣсто въ *Земирь и Азорь*. Нѣкоторые другіе нумера, тріо во-второмъ дѣйствіи, ариетта Жинетты, дуэтъ ея съ Паскалесомъ, одолжены своимъ успѣхомъ не столько собственному достоинству, сколько прекрасному исполненію г. Мокера и г-жи Лавуа. Слабость партитуры тѣмъ ощутительнѣе, что имя композиста напоминаетъ имя славное въ исторіи музыки, имя творца Бѣланы, Іоанна Парижскаго, и проч. Видя имя Адриена Бойельды, невольно ищешь въ сынѣ хоть слѣдъ добродушной веселости, наивности, живости и неподдѣльнаго чувства, чарующихъ насъ во всѣхъ произведеніяхъ отца. Тяжело для небольшого таланта имя, прославленное другимъ!

Третій воргъ (le troisième larron), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Фурнье и Любиза (Театръ Гимназіи).

Старая сказка о мужѣ, сомнѣвающимся въ вѣрности жены, и поручающемъ своему пріятелю испытать ея добродѣтель. Мужъ называется г. Померо, а его пріятель г. Буазарь. Г. Буазарь плохой донъ-Жуанъ, онъ не только не кружитъ головы г-жѣ Померо, а напротивъ, самъ влюбляется по-уши; но любовь въ тоже время окрыляетъ его ревность; его усилія вѣнчаются успѣхомъ нерадостнымъ ни для него, ни для мужа—открытіемъ *третьяго вора*.

Пьеса безсвязна, разговоръ вялъ и безжизненъ, куплеты тупы, и если пьеса не осмистана, то только ради крайней ея ничтожности.

МАЙРЕНСКИЙ БАЗАРЪ. (LA FERIA DE MAIRENA), картина андалузскихъ нравовъ, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. (Испанскій Театръ).

Въ Майренѣ, деревенькѣ близъ Севильи, базарный день. Два пріятеля, Фогаратасъ и Ромеро, оба андалузскіе *махо*, т. е. молодцы, рассказываютъ по оживленнымъ радамъ, и бесѣдуютъ о своихъ любовныхъ дѣлахъ. Фогаратасъ влюбленъ по-уши въ молодую цыганку, Аврору; но такъ-какъ онъ голъ, какъ соколъ, а отецъ его возлюбленной, богатъ и скупъ, какъ старый цыганъ, то онъ напередъ увѣренъ въ отказѣ, и потому не смѣетъ даже просить ея руки. Ромеро совѣтуетъ ему съ небольшими своими деньгами попытать счастья въ игрѣ; выиграетъ, женится, а проиграется, такъ повщеть счастья въ другомъ мѣстѣ. Отецъ Авроры также на ярмаркѣ, и занимается по цыганскому обычаю продажею старыхъ, негодныхъ лошадей за молодыхъ. Фогаратасъ рѣшается просить руки его дочери. Есть у тебя деньги? спрашиваетъ цыганъ.—Нѣтъ.—Такъ не получишь моей дочери; жениться безъ гроша—обманъ и мошенничество; я отдамъ дочь только тому, кто дастъ мнѣ за нее по-крайней-мѣрѣ сто унцій золота. Фогаратасъ въ отчаяніи жалуется на свою неудачу Аврорѣ; она любитъ его, но ни за что не согласится

выйти за-него противъ воли отца, и совѣтуетъ ему послушаться Ромеро, и попыгать счастья въ игрѣ. Разные севильскіе жители, съѣхавшіеся въ Майрену, просятъ Аврору поворожить имъ. Между прочимъ обращается къ ней одинъ севильскій щеголь, донъ-Хозе; онъ впрочемъ не довольствуется ворожбою, онъ влюбленъ въ цыганку; но она его знать нехочетъ, и убѣгаетъ, чтобы избавиться отъ его преслѣдованій. Донъ-Хозе рѣшается похитить ее. Между-тѣмъ отецъ Авроры предлагаетъ дону-Хозе и его пріятелю, купить лошадей; торгуются; донъ-Хозе покупаетъ лошадь. Старый цыганъ радуется выгодной сдѣлкѣ, какъ вдругъ слышитъ онъ крики своей дочери. Донъ-Хозе купилъ лошадь затѣмъ только, чтобы увести цыганку. Аврора зоветъ на-помощь; Фогаратасъ слышитъ, гонится за похитителемъ, убиваетъ лошадь, и такимъ образомъ освобождаетъ свою возлюбленную, и приводитъ ее въ объятія отца. Фогаратасъ представляетъ старому цыгану требуемые имъ сто унцій золота, которые ему удалось выиграть, и старикъ соглашается отдать за него дочь. По каковому радостному случаю,—пѣсни, пляска и проч.

Пьеса, какъ ни ничтожна, имѣла успѣхъ.

СПРЯТАННЫЙ КАВАЛЕРЪ И ДАМА ПОДЪ ПОКРЫВАЛОМЪ (EL CAVALLERO ESCONDIDO у LA DAMA VELADA), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Кальдерона*. (Испанскій Театръ).

Донъ-Хуанъ спрашиваетъ пріятеля своего донъ-Феликса, зачѣмъ онъ покинулъ Фландрскую армію; донъ-Феликсъ сначала жалуется, что ему военная служба не везетъ, наконецъ однако-же принужденъ сказать, что честь требовала приезда его въ Мадридъ; донъ-Хуанъ уже не спрашиваетъ далѣе. Донъ-Феликсъ спрашиваетъ донъ-Хуана о положеніи дѣлъ его съ Лизардою; донъ-Хуанъ рассказываетъ, что уже все было готово къ свадьбѣ, и что она отложена только по-случаю смерти ея брата, дон-Алонзо; онъ убитъ донъ-Сезаромъ, встрѣтившимся съ нимъ на любовномъ свиданіи, и умирая, не открылъ имени той, которая была причиною его смерти. Донъ-Сезаръ бѣжалъ

въ Лиссабонъ, и родственники убитого не могли отомстить за него. Донъ-Хуанъ обязанъ наказать убійцу.—Но какъ же наказывать его, когда онъ въ Лиссабонъ? спрашиваетъ донъ-Феликсъ.— Донъ-Хуанъ узналъ подъ рукою, что донъ-Сезаръ воротился. Донъ-Феликсъ открываетъ своему пріятелю, что ему надо также перевѣдаться съ донъ-Сезаромъ, а такъ какъ онъ его не знаетъ въ лицо, то и предлагаетъ идти его отыскивать вмѣстѣ. Они собираются уже идти, какъ вдругъ на улицъ шумъ колесъ, крики; вбѣгаетъ служанка Инеса, и говоритъ, что лошади разбили чей-то экипажъ; и что бывшіе въ немъ просятъ позволенія войти, чтобы успокоиться; вслѣдъ за-тѣмъ входятъ Лисарда, Беатриса и Кастаньо. Лисарда, въ сторону, сътуетъ на судьбу, пославшую ей на помощь вмѣсто жениха, бывшего такъ близко, донъ-Сезара, котораго она полагала въ Лиссабонъ. Донъ-Хуанъ провожаетъ ее домой, и съ горестью замѣчаетъ ея холодность.—Селія спрашиваетъ брата, зачѣмъ онъ, едва успѣвъ пріѣхать, и тотчасъ придѣлалъ рѣшетки къ ея окнамъ и запоры къ ея дверямъ. Донъ-Феликсъ, выславъ Инесу, объясняетъ ей, что все эти предосторожности принимаются для нея; ибо онъ узналъ во Фландріи, что она была причиною ссоры донъ-Сезара и донъ-Алонзо. Селія запирается. Донъ-Хуанъ возвращается; донъ-Феликсъ отсымаетъ сестру въ свои покои, и велитъ ей молчать; но она прячется, чтобы подслушать разговоръ двухъ пріятелей.—Донъ-Хуанъ, провожая Лисарду, видѣлъ донъ-Сезара, старавшагося укрыться отъ него; такъ-какъ донъ-Феликсъ ему незнакомъ, то онъ берется идти къ нему и завести ссору. Селія, узнавъ, что присутствіе донъ-Сезара въ Мадридѣ открыто, въ отчаяніи; она призвала его изъ Лиссабона. Онъ является, она извѣщаетъ его о пріѣздѣ брата, онъ сердится, она совѣтуетъ ему спрятаться въ ея квартиру; въ отсутствіе брата она наняла квартиру въ домъ, гдѣ кромѣ ея былъ только одинъ жилецъ, какой-то чиновникъ римскаго нунція; она находитъ мѣсто, гдѣ ему будетъ очень удобно скрыться; онъ не соглашается; но онъ слышитъ приближающіеся шаги ея брата и донъ-Хуана; надо спасти честь молодой дѣвушки; онъ прячется съ своимъ слугою, Москито. Вбѣгаетъ донъ-Феликсъ, разстроенный, и приказываетъ переносить всю мебель въ нижній этажъ, занимаемый секретаремъ нунція; пока слуги съ помощью донъ-Хуана исполняютъ приказаніе, онъ объясняетъ сестрѣ, что

принуждаетъ его перебраться такъ поспѣшно. Потомъ обращается къ какому-то незнакомому лицу, котораго принимаетъ за дон-Сезара, велитъ объявить судебнымъ властямъ, что зачинщикомъ былъ донъ-Феликсъ де-Акудіа, и что онъ скрылся изъ Мадрида. Всѣ выходятъ. Москино, соскучившись сидѣть такъ долго, безъ пищи, выходитъ изъ своего убѣжища, а за нимъ и донъ-Сезаръ; оба замѣчаютъ перемѣну, произошедшую въ домѣ, и ищутъ откуда-бы имъ выйти.

Дѣйствіе второе. Отчаяніе Москино; нигдѣ нѣтъ выхода. Донъ-Сезаръ собирается криками привлечь своего сосѣда—секретаря; но въ ту же минуту слышитъ онъ удары молотка въ дверь, смотритъ въ замочную щель, узнаетъ полицію, и прячется. Дверь отворяется; Октавіо, секретарь, впускаетъ комиссара съ служителями. Зачѣмъ всѣ эти люди? спрашиваетъ онъ.—Мы ищемъ дон-Феликса, который вчера вечеромъ убилъ человека на улицѣ. Помилуйте, возражаетъ Октавіо, донъ-Феликсъ уже болѣе мѣсяца, какъ съѣхалъ. — Комиссаръ хочетъ уже выйти, какъ входитъ донъ-Діего; онъ пришелъ къ Октавіо за разрѣшеніемъ дочери его Лисарды выйти за своего двоюроднаго брата, донъ-Хуана, которое должно быть получено изъ Рима. Октавіо, бесѣдуя съ нимъ, рассказываетъ, разумѣется не называя лицъ, что привело къ нему комиссара; этотъ случай напоминаетъ старику смерть его сына, и ненаказаннаго еще убійцу. Между-тѣмъ, квартира ему очень нравится; когда дочь его будетъ замужемъ, ему нужна будетъ квартира побольше теперешней; управленіе домомъ поручено Октавіо: они уговариваются въ цѣнѣ, и донъ-Діего рѣшается немедленно переѣхать.—Донъ-Сезаръ все слышалъ; онъ въ пѣвну у своихъ враговъ; онъ хочетъ выломать дверь мечемъ, но съ другой стороны вкладываютъ въ замокъ ключъ. Онъ опять прячется. Входятъ Лисарда и Беатриса. Лисарда узнаетъ попокъ, въ которые она случайно попала наканунѣ; вспоминаетъ холодность донъ-Хуана, уже переходящую границы размовки позволительной между женихомъ и невестою. Между-тѣмъ является самъ донъ-Хуанъ; пока онъ бесѣдуетъ съ Лисардою, слуги, Беатриса и Кастаньо, съ своей стороны также любезничаютъ по-своему; наконецъ всѣ уходятъ.—Донъ-Сезаръ, который когда-то былъ влюбленъ въ Лисарду, и несовсѣмъ еще забылъ ее, съ прискорбіемъ слушалъ ея разговоръ съ донъ-Хуаномъ. Но во что-бы то ни

стало, ему надо вырваться изъ этого дома. Москито въ задахъ съ полиціею, донъ-Сезаръ посылаетъ его предупредить его друзей. Москито, боясь побоевъ, если его узнаютъ слуги, надѣваетъ платье Беатрисы; но только-что онъ успѣлъ переодѣться, дверь отворяется, и онъ опять прячется. Беатриса хочетъ показать своей госпожѣ подарки донъ-Хуана; каково ея удивленіе, когда она видитъ безпорядокъ въ ея вещахъ, и отсутствіе платья! должно быть воры украли его, пока ея небыло. Донъ-Діего успокоиваетъ ее. Является женщина съ опущеннымъ вуалемъ, и проситъ убѣжища отъ преслѣдованій грознаго мужа; донъ-Діего соглашается приютить ее, но проситъ невыходить изъ этой комнаты, потому-что у него есть молодая дочь, которой не слѣдуетъ знать, что такія дѣла бывають на свѣтъ. Онъ оставляетъ ее въ темнотѣ. Москито, въ женскомъ платьѣ, выходитъ изъ своего убѣжища, а женщина подъ вуалемъ, идетъ къ убѣжищу донъ-Сезара. Донъ-Діего принимаетъ Москито за скрывающуюся супругу, а донъ-Сезаръ принимаетъ женщину подъ вуалемъ за Москито; но Селія, ибо это она сама, открывается; она пришла спасти его; тутъ входитъ донъ-Діего со свѣчю; Селія оставляетъ донъ-Сезара, тронутаго ея самоотверженіемъ. По выходѣ донъ-Діего, донъ-Хуанъ и донъ-Феликсъ остаются вдвоемъ; они не видятъ Селіи. Донъ-Феликсъ взбѣшенъ на сестру, бѣжавшую, какъ онъ полагаетъ, съ донъ-Сезаромъ. Оба отправляются отыскивать оскорбителя. Селія все слышала; она хочетъ уйти, но встрѣчается съ Лисардою, пришедшею узнать, куда донъ-Хуанъ идетъ такъ поздно, и прячется въ комнату донъ-Хуана. Лисарда приказываетъ Беатрисѣ взять свѣчу, и идетъ за скрывшеюся женщиною. Донъ-Сезаръ съ помощію ключа врученнаго ему Селіею, хочетъ выйти, но въ дверяхъ сталкивается съ донъ-Хуаномъ; одинъ бѣсится, что не можетъ бѣжать, другой, что засталъ мушину у своей невесты; оба обнажаютъ мечи; Лисарда между-тѣмъ все ищетъ женщины подъ вуалемъ; Селія тушитъ свѣчу въ рукахъ ея служанки. Темно; донъ-Хуанъ стоитъ въ дверяхъ съ обнаженною шпагою; Лисарда и Беатриса не отходятъ отъ дверей комнаты донъ-Хуана; донъ-Сезаръ, видя, что выходъ загороженъ, возвращается въ свое убѣжище; Селія скрывается туда же. Приносятъ свѣчи, донъ-Сезара и Селія невидать. Лисарда и донъ-Хуанъ подолбываютъ другъ друга въ сокрытіи предмета своей любви, со-

рятся и расходятся въ разныя стороны, искать спрятаннаго мушкетера и женщину подъ вуалемъ.

Дѣйствіе третье. — Донъ-Сезарь, скрытый въ одной комнатѣ съ Селією, не знаетъ что ему и дѣлать. Онъ долженъ быть остороженъ, не только для собственной безопасности, но еще болѣе для чести той, которая хотѣла спасти его. Онъ рѣшается попытаться подкупить Беатрису, какъ бывало въ то время, когда онъ еще волевался за Лисардою. Селія, просыпаясь, думаетъ, что онъ совсѣмъ оставилъ ее. Въ то же время, выходятъ изъ своихъ покоевъ, съ одной стороны Лисарда съ Беатрисою, съ другой донъ-Хуанъ съ Кастаньо. Они не могутъ забыть вчерашняго происшествія; ссорятся; среди самого разгара ихъ распри, является донъ-Діего съ папскимъ разрѣшеніемъ на бракъ; но донъ-Хуанъ нехочетъ жениться, пока не объяснится тайна спрятаннаго мушкетера; а Лисарда и слышать нехочетъ о замужствѣ, пока не узнаетъ, кто эта женщина подъ вуалемъ. Лисарда одѣвается, чтобы идти къ обѣднѣ. Донъ-Сезарь, тщетно искавшій Беатрисы, встрѣчается съ Лисардою, и принимаетъ ее за Селію. Лисарда понимаетъ гнѣвъ донъ-Хуана, и умоляетъ донъ-Сезара не подвергать ее болѣе этой опасности. Но донъ-Сезарь не можетъ идти, оставивъ Селію. Онъ старается въ безсвязныхъ рѣчахъ обмануть Лисарду, напоминая ему о его любви; Селія все слышитъ. Раздаются шаги донъ-Хуана; донъ-Сезарю остается только спрятаться въ комнату Лисарды; она же съ Беатрисою идетъ во внутренніе покои. Слуги ведутъ Москито, котораго донъ-Хуанъ узналъ. Бѣда ему, если онъ не откроетъ, гдѣ его господинъ; съ другой стороны, если донъ-Сезарь выйдетъ изъ своего убѣжища, первымъ дѣломъ его будетъ — наказать предателя. Что тутъ дѣлать? Его запираютъ въ комнату, чтобы онъ не могъ уйти, и даютъ ему четверть часа на размышленіе. Онъ идетъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ донъ-Сезара. Видя Селію подъ вуалемъ, онъ воображаетъ, что донъ-Сезарь также переодѣлся, и поздравляетъ его, потому-что хозяинъ дома оказываетъ чрезвычайное уваженіе къ женщинамъ. Селія открывается; она слышала разговоръ донъ-Сезара съ Лисардою и думаетъ, что онъ измѣнилъ ей. Москито умоляетъ Беатрису выпустить его, но все выходы заняты. Что дѣлать? Помолитесь о душѣ своей, говоритъ служанка, вотъ идутъ донъ-Хуанъ и донъ-Феликсъ съ людьми. Селія и Москито хотятъ

спрятаться; но Селія, запнувшись за-порогъ, а Москито, не замѣтивъ въ страхъ ея паденія, захопываетъ за собою дверь. Пріятель съ удивленіемъ видать вмѣсто Москито женщину подъ вуалемъ; кто она? откуда? вотъ что возбудило ревность Лисарды. Она должна поднять вуаль. Селія подходитъ къ донъ-Хуану, приподнимаетъ вуаль и говоритъ ему вполголоса; *Mi hermano es el, miuger yo, vos caballero!* (Онъ мой братъ, я женщина, а вы—кавалеръ!) Донъ-Хуанъ въ затрудненіи; нельзя объяснить тайны дону-Феликсу; онъ ведетъ Селію въ свою комнату, и ставитъ пріятеля своего у дверей, чтобы онъ никого туда не впускалъ. Является донъ-Діего, узнать, что случилось съ слагою донъ-Сезара. Думая, что его хотятъ укрыть отъ его мести, онъ хочетъ ворваться въ комнату донъ-Хуана. Селія выходитъ сама. Старикъ упрекаетъ будущаго своего зятя. Лисарда присоединяется къ нему. Донъ-Сезаръ, догадываясь изъ шума, что Селія въ опасности, отталкиваетъ все, что удерживаетъ его, и бросается на сцену. Селія бросается подъ его защиту. Донъ-Сезаръ, обнаживъ шпагу, объявляетъ, что пока онъ живъ, эта женщина выйдетъ изъ дому не поднявъ вуалю. Умрешь, дерзновенный, кричатъ всъ хоромъ. Но въ то же мгновеніе раздаются на улицъ крики собравшихся друзей донъ-Сезара. Донъ-Діего, очарованный мужествомъ незнакомца, общается ему свое заступленіе и дружбу, если онъ откроется. Радуюсь случаю помириться съ отцомъ донъ-Алонзо, донъ-Сезаръ снимаетъ маску. Донъ-Хуанъ и донъ-Феликсъ бросаются на него, но донъ-Діего останавливаетъ ихъ; онъ далъ слово, и не можетъ нарушить его.

Эта путаница, въ духъ стариннаго испанскаго театра, слишкомъ несогласна съ нынѣшними понятіями о драмѣ; а исполнители—слишкомъ посредственны, чтобы дать ей жизнь и занимательность; публика зѣвала, и всъ убѣждены, что это будетъ послѣднимъ опытомъ испанской труппы г. Ломбинъ.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Царица Фей (*La Reine des fées*). Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Альбера (Ковентгарденскій Театръ).

Среди частаго лѣсу, близъ заколдованной башни, собралась толпа поселянъ и поселянокъ; они справляютъ свадьбу и заба-

вляются плоскою. Сильная гроза разстраиваетъ ихъ увеселенія, всѣ разбѣгаются. Молодой вельможа, влюбленный въ *царицу фей*, приходитъ къ заколдованной башнѣ съ многочисленною свитою. Раздается звукъ рога, всѣ прислушиваются и разбѣгаются. Другой вельможа (г. Петипа), заблудившійся на охотѣ, также ищетъ убѣжища отъ грозы. Онъ стучится въ хижину, но въ то-же мгновеніе башня раскрывается и въ ней является царица фей (г-жа Адель Дюмилатръ) съ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ; она очаровываетъ молодого вельможу, онъ отходитъ назадъ къ дерновой скамьѣ, садится и засыпаетъ. Башня раскрывается еще болѣе, и за нею царство фей, висѣвшее на воздухѣ, медленно опускается на-землю. Всѣ феи приходятъ полюбоваться на спящаго красавца; пляшутъ вокругъ него; царица подходитъ къ нему, цѣлуетъ его въ лобъ, и онъ просыпается. Силою своего магнетическаго букета, царица приводитъ его въ соннамбулизмъ на средину сцены, кладетъ ему руку на сердце... оно не бьется... на лобъ... лобъ холоденъ. Она оживляетъ его своимъ букетомъ, кладетъ опять ему руку на сердце.. онъ совсѣмъ ожилъ; она открываетъ ему глаза. Онъ бѣгаетъ по группамъ фей, ищетъ свою возлюбленную, узнать ее, хочетъ обнять, но она дѣлаетъ ему грозный знакъ; онъ бросается къ ея ногамъ, вымаливаетъ себѣ прощенье, и вдвоемъ танцуютъ *pas de deux*. Снова раздаются рога. Феи спѣшатъ на свою территорию, которая тотчасъ возносится на воздухъ, и вельможа остается одинъ въ недоумѣніи. Башня закрывается. Является принцъ съ своею свитою, и хочетъ драться съ молодымъ вельможею. Башня опять раскрывается, является царица, своимъ букетомъ усыпляетъ всѣхъ, кромѣ своего любимца; онъ становится на нагнувшійся сучекъ дерева; сучекъ поднимается, и тихо уноситъ его на воздухъ.

Дѣйствіе второе. Царство фей. Феи покоятся въ живописныхъ группахъ. Молодой вельможа ищетъ своей возлюбленной, находитъ ее, цѣлуетъ ее въ лобъ, и всѣ феи просыпаются, и пляшутъ вокругъ влюбленной четы; потомъ онъ танцуетъ *pas de deux* съ царицею. Бенгальскіе огни освѣщаютъ великолѣпную туманную декорацию, и зававъсъ опускается.

Балетъ навнѣ и даже простъ, какъ всѣ балеты; но, благодаря искусству хореографа, онъ очень милъ и занимателенъ; Петипа и г-жа Адель Дюмилатръ, исполнявшіе главные роли, бы-

ли превосходны; также общаго одобренія удостоилась молодая танцовщица, г-жа Вертевь. Вообще балетъ имѣлъ блестящій успѣхъ, и очень удачно открылъ представленія Ковентгарденскаго театра.

ВЪНШНІЕ ТЕАТРЫ.

Невольница, (Eine Sklavin). Драма въ трехъ дѣйствіяхъ соч. г. Мозенталя

Историческое содержаніе драмы составляетъ попытки Капскихъ колонистовъ въ союзъ съ Кафрами и вольноотпущенными невольниками вынудить Англію, смягчить свои жестокіе законы; ихъ возстаніе, и неудача. Губернаторъ, лордъ Макартней, платитъ за свое упорство жизнью, но это нисколько не подвигаетъ дѣль колонистовъ, ибо обѣщанная имъ помощь уничтожена кораблекрушеніемъ, и власть англичанъ скоро беретъ верхъ. Поэтическій вымыселъ сосредоточивается въ сынѣ губернатора—Артурѣ, въ Эсэври, дочери предводителя колонистовъ, въ невольникѣ Каланго и креолкѣ Илессѣ, невольницѣ губернатора. Креолка тайно любитъ сына губернатора; Артуръ въ противоположность отцу, суровому, упрямому, и притомъ полному горькой вражды противъ Англіи,—кротокъ, человѣколюбивъ, снисходителенъ къ невольникамъ, въ особенности къ измѣннику Каланго. Каланго глава заговора; онъ кровожаденъ, и въ особенности ненавидитъ молодаго господина; онъ любитъ Илессу, и говоритъ о терпимыхъ его оскорбленіяхъ; но отъ кого? ужъ вѣрно не отъ Артура, который едва знаетъ ее. Тайная ревность говоритъ Каланго, что Илесса любитъ бѣлаго. Артуръ раненъ отравленнымъ пожемъ Каланго; Илесса исцѣляетъ его, и обвиняетъ невольника; Артуръ ей не доврляетъ, но жизнь его спасена; хотя онъ и не вѣрилъ смертельности раны, однако же употребилъ ея цѣлительную траву. Хитрая Креолка усмиряетъ гнѣвъ Каланго на ея предательство; она сообщница замышляемаго возстанія, и полагаетъ себя задачей спасти Артура. Коврадъ Бюйсъ тщетно умоляетъ губернатора

смягчить безчеловѣчную и несправедливую строгость новыхъ законовъ метрополи; колонисты охотно покорятся, но подъ разумными условіями; губернаторъ отказывается наотрѣзъ; Конрадъ въ негодованіи беретъ за оружіе; губернаторъ хочетъ удержать его заложникомъ, но одумывается, и призываетъ его къ себѣ написать отвѣтъ колонистамъ съ рѣшительнымъ отказомъ. — Между-тѣмъ Артуръ встрѣтился съ дочерью Конрада, Эсэирью; дѣтски наивная, кроткая, нѣжная дѣвушка, окруженная грубыми полудикарями, съ удивленіемъ смотритъ на прекраснаго англичанина; удивленіе скорое переходитъ въ нѣжное сочувствіе, въ особенности, когда они узнаютъ, что матери обоихъ были нѣмки, и разставаясь, они уже любятъ другъ друга со всѣмъ пыломъ молодыхъ сердець. Въ этомъ быстромъ развитіи страсти въ давнихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего неестественнаго; сердце, стѣсняемое холодною и грубостью окружающаго его міра, съ жадностью ловитъ первый теплый лучъ. — Заговоръ подвигается; Эсэирь слышала предполагаемый планъ. Бѣдная дѣвушка! первая заря ея любви должна освѣтить конецъ этой любви... видѣть ли ей смерть своего возлюбленнаго, или быть предательницею, отдать великодушнаго отца въ руки палача? Во чтобы-то-нистало, она должна спасти Артура; она проситъ Илессу отвести ее къ сыну губернатора. Ревность пробуждается въ сердцѣ Креолки; но она хочетъ употребить Эсэирь орудіемъ для спасенія Артура; какимъ образомъ? надо отгадывать, потому-что она одумывается, и дошедши до дома губернатора, грозитъ Эсэири смертью, если она предупредитъ его; она хочетъ одна быть спасительницею Артура, отсылаетъ Эсэирь, оговариваетъ ее; мудро-ли, что она этимъ еще болѣе утрачиваетъ его довѣріе? Только посреди опасности, когда пламя со всѣхъ сторонъ обхватываетъ жилище его отца, убеждается онъ въ истинъ ея словъ, и слѣдуетъ за нею. Дѣйствія Илессы довольно непонятны; средства, которыми она хочетъ показать Артуру свою любовь, довольно странны и несообразны; какимъ образомъ она, такая ловкая и хитрая противъ Каланго въ отношеніи къ Артуру и Эсэири, дѣйствуетъ такъ необдуманно и нерѣшительно? Примиреніе Конрада съ губернаторомъ, убіеніе послѣдняго отравленною стрѣлою Каланго, спасеніе Артура Илессою, которая жертвуетъ за него жизнью, и умирая, убиваетъ Каланго; наконецъ побѣда англичанъ, бѣгство Конрада и Эс-

эпиръ къ Кафрамъ, и надежда на будущее соединеніе любящихся, заключаютъ драму.

Эта драма весьма отрадное явленіе въ настоящее время безплодія драматической литературы; авторъ ея не нуждается въ енисхожденіи публики, онъ можетъ смотрѣть прямо въ глаза своимъ критикамъ; правда, что основаніе драмы не совсѣмъ оригинально, что оно напоминаетъ отчасти возстаніе неаполитанскихъ рыбаковъ, подъ предводительствомъ Мазаниелло, и римскихъ рабовъ, подъ начальствомъ Спартака; но это въ самомъ уже предметъ; взглядъ же на предметъ, его расположеніе, и даже нѣкоторыя подробности, показываютъ глубокое изученіе Шиллера; и по чьимъ же слѣдамъ идти молодому нѣмецкому драматургу, какъ не по слѣдамъ Шиллера, столь близкаго уму и сердцу нѣмцевъ? Самая слабая сторона этого произведенія—характеръ губернатора, не имѣющій ни историческаго, ни психологическаго основанія. Нигдѣ ни слова о трудномъ положеніи английскихъ правителей въ колоніяхъ, о ихъ огромной власти, и такой же огромной ответственности, о быстротѣ, съ которою они должны рѣшаться на дѣйствіе, не обращая вниманія на то, что честь ихъ и жизнь зависятъ отъ его успѣха; наконецъ о необыкновенныхъ способностяхъ, необходимыхъ для управленія колоній; напротивъ, старый лордъ, воинъ и дипломатъ, въ изложеніи (которому дана весьма неудобная форма монолога) только бранится и ругается, вмѣсто того, чтобы познакомить слушателя съ положеніемъ колоній, съ отношеніемъ ея къ Англіи, съ необходимостью и разумностью правила, по которому онъ отвергаетъ всякую полюбовную сдѣлку съ колонистами. Незная источника его дѣйствій, зритель не можетъ принимать въ немъ никакого участія; обращеніе его въ концѣ драмы къ кротости, и упрёки его Кондрату потому-же не производятъ почти никакого впечатлѣнія, ибо не видать ихъ логической связи съ прежнимъ упорствомъ губернантора. — Но какіе бы ни были недостатки драмы, достоинства ея вполне ихъ выкупаютъ; нѣтъ сомнѣнія, что авторъ, только второй разъ еще выступающій на драматическое поприще, обладаетъ дѣйствительнымъ, огромнымъ талантомъ, и что онъ займетъ со временемъ высокое мѣсто въ ряду нѣмецкихъ драматическихъ писателей. —

Исполнение было очень удовлетворительно, и драма имела заслуженный успех; авторъ и актеры нѣсколько разъ вызваны въ антрактахъ и по окончаніи представленія.

СМѢСЬ.

ПОЭТЪ—МОНОМАНЪ.

Лѣтъ двадцать тому, въ пятомъ этажѣ одного изъ домовъ отдаленной улицы въ Парижѣ, въ тишинѣ и уединеніи, жили подъ надзоромъ умной и нѣжной матери два молодые человѣка, братья по крови и по чувствамъ. Готовясь вступить въ свѣтъ, они испытывали силы свои въ поэзіи, услаждая себя мечтами о славѣ, ушавая заранѣе всеми ея очарованіями.

Но который же изъ двухъ поэтовъ, связанныхъ узами родства и дружбы, обѣщаль болѣе въ будущемъ? Который подавалъ болѣе блистательныя надежды? Трудно было рѣшить этотъ вопросъ: младшій изъ нихъ, Викторъ, болѣе смѣлый, болѣе плодовитый, леталъ, какъ молодой орленокъ, во все сферы воображенія. Шестнадцати лѣтъ писалъ онъ уже стихи, шестнадцати лѣтъ пожиналъ лавры. Другой братъ, Евгенийъ, болѣе спокойный, болѣе разсудительный, казалось, не имѣлъ довѣрія къ своимъ силамъ. Онъ былъ строгъ къ своимъ произведеніямъ, онъ скрывалъ плоды своихъ вдохновеній, а когда бывалъ принужденъ показать ихъ, то жаловался на излишнюю снисходительность и похвалы, которыя называлъ незаслуженными.

Но у Евгения былъ другъ, который, не увлекаясь обшимъ восторгомъ, говорилъ, что все слишкомъ безотчетно расточаютъ свой энтузіазмъ одному изъ молодыхъ поэтовъ и слишкомъ холодны къ другому; другъ этотъ—была мать обоихъ поэтовъ; для нея только Евгенийъ не имѣлъ тайнъ; ей повѣрялъ онъ сокровеннѣйшія свои

мысли, и когда ему удавалось написать стихи, которыми онъ самъ былъ доволенъ, онъ показывалъ ихъ матери, совѣтовался съ нею и не страшился строгаго суда, потому—что зналъ ея безпристрастіе. Матери, которой всѣ мысли были заняты будущностью дѣтей, помогалъ еще третій сынъ, старшій изъ всѣхъ. Онъ занималъ скромное мѣсто въ конторѣ одного банкира и не пропускалъ дня, чтобъ не навѣститъ своего семейства. Власть Авеля была похожа на отцовскую, хотя онъ только немногими годами былъ старше своихъ братьевъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Евгенія въ концѣ осени 1820 года, въ саду древняго замка Ларошфуко. Погруженный въ мечты, сидѣлъ онъ подъ высокимъ деревомъ. Въ этотъ день, поэтъ нашъ, всегда осторожный и недоувѣрчивый, казалось, забылъ свою дикость; онъ, котораго лицо и слова всегда имѣли въ себѣ что-то грустное, меланхолическое, былъ веселъ и, казалось, вѣрилъ въ свѣтлую будущность; взоръ его, почти всегда потупленный, гордо поднимался и горѣлъ необыкновеннымъ огнемъ «Да» сказалъ онъ мнѣ, я совершенно помирился съ людьми и вѣрю, что они не заплатятъ пренебреженіемъ поэту, котораго глаголь заплететъ имъ въ сердце и тронетъ ихъ душу. Меня не пугаютъ ни политическія партіи, ни раздражительное состояніе общества, увлекаемаго эгоизмомъ и страстями: голосъ поэта сильнѣе бури; онъ будетъ слышенъ и среди шума, и покроетъ собою завываніе разъяренныхъ стихій. Да, другъ мой, я не боюсь болѣе этого свѣта, котораго мнѣніе было для меня всегда такъ страшно: я предстану на судъ его. Въ два года я кончу поэму, планъ которой уже готовъ; дайте мнѣ только два года!»

Языкъ этотъ мнѣ показался такъ новъ, что я немогъ скрыть своего удивленія. «Какая надобность тебѣ, Евгений—сказалъ я,—начинать съ вещи самой трудной? Подожди еще, продолжай сочинять оды, элегіи, которыя тебѣ такъ удаются, дай созрѣть своему таланту. Сдѣлай извѣстнымъ свое имя, которое еще незнакомо публикѣ. Зачѣмъ такъ спѣшить? Тебѣ только восемнадцать лѣтъ.»

Послѣднія слова мои произвели на Евгенія сильное впечатлѣніе, онъ опустилъ глаза и лицо его приняло обычное выраженіе грусти. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ неподвижно и молчалъ. Наконецъ, какъ-бы пробудясь, онъ вспомнилъ, что былъ не одинъ.

«Восемнадцать лѣтъ! восемнадцать лѣтъ! повторилъ онъ съ грустью.»

— Что-жъ, мой другъ? Неужели ты сожалѣешь о томъ, что такъ молодъ? Предъ тобою далекая будущность...

— «Будущность! будущность! развѣ она принадлежитъ мнѣ? Не знаю отчего, но мнѣ кажется, что я уже очень старъ, что я

жилъ долго, очень долго. Размышленія скорѣе истощаютъ и старять человѣка, чѣмъ годы; когда я повѣрю себя, свой умъ, свои мечты, мнѣ кажется, что я достигъ уже зрѣлаго возраста, а ты хочешь, чтобъ я медлил и дожидался. И кто знаетъ, могу ли я медлить? Кто поручится мнѣ, что эти два года, которыхъ я прошу себѣ, будутъ даны мнѣ неумолимою судьбою? Кто поручится, что дни мои уже не сочтены?»

— Ты сошелъ съ ума, мой другъ, ты въ бреду, сказалъ я ему, взявъ его за руку.

— «Въ бреду!» повторилъ онъ — можетъ быть! — и засмѣялся страннымъ смѣхомъ.»

— Да, ты бредишь, какъ всѣ поэты, прибавилъ я.

Сплинь Евгенія усилился. Вдругъ онъ замолчалъ и сдѣлался мраченъ. «Странно, сказалъ онъ, мнѣ часто говорить, что я брежу; неужели и я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій? О, нѣтъ, голова моя не горитъ: я спокоенъ, холоденъ, какъ расудокъ... Скажи мнѣ, мой другъ, замѣтилъ ли ты въ моихъ словахъ, въ моемъ лицѣ, что нибудь особенное, странное?»

— Да, мой добрый Евгенийъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ истинный смыслъ моего отвѣта и увѣриться, точно ли я говорилъ серьезно. Замѣтя это, я поспѣшилъ прибавить: можетъ ли быть иначе? Не долженъ ли ты имѣть свои странности? вѣдь ты не принадлежишь къ *prophanum vulgus*

Казалось, поэтъ дышалъ легче; онъ освободился отъ мучительнаго безпокойства, которое я неволью поселилъ въ немъ: «Нѣтъ, нѣтъ! повторилъ Евгенийъ, я не сумасшедшій! я скоро докажу это.. черезъ два года! да, черезъ два года!» Сказавъ это, онъ увлекъ меня за собою подъ густыя липы и съ жаромъ говорилъ о поэзии, о славѣ, о томъ мѣстѣ, которое онъ нѣкогда займетъ въ области литературы. Слова его дышали энтузіазмомъ и голосъ, всегда слабый, звучалъ особенною энергіею.—«Прощай, сказалъ онъ мнѣ наконецъ, двухъ-часовая прогулка утомила меня; мнѣ надо идти домой; отсутствіе мое вѣрно показалось матушкѣ очень продолжительнымъ: она одна; прощай!»

Евгеній пожалъ мнѣ руку и поспѣшно удалился. Прошло болѣе часа, какъ онъ меня оставилъ, а я стоялъ на томъ же мѣстѣ, съ думою о поэзии, о поэтахъ и о Евгеніи въ особенности. Пламенные слова его глубоко вѣзались въ мою память: я сроднился съ его надеждами; я вѣровалъ въ осуществленіе его мечтаній.

Прекрасное было утро 7 іюля 1827 года. Непримѣтно дошелъ я гуляя до конца бульвара, примыкающаго къ Бастильской площади. Тамъ встрѣтилъ я одного изъ моихъ пріятелей, молодого

доктора парижскаго факультета и, по приглашенію его, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Шарантонъ. Усердный чичероне повелъ насъ по разнымъ частямъ грустнаго жилища и мы на каждомъ шагу удивлялись превосходному устройству и рѣдкому порядку этого благотворительнаго заведенія. Наконецъ сошли мы во дворъ, гдѣ свободно прогуливались несчастные, разумѣется тѣ, которыхъ сумасшествіе было не опасно.

Тамъ бросился мнѣ въ глаза молодой человѣкъ, котораго неподвижность составляла разительную противоположность съ тревожнымъ волненіемъ большей части больныхъ, населявшихъ это грустное убѣжище. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, скрестивъ на-грудь руки и при появленіи нашемъ даже не поднялъ глазъ: казалось, глубокая дума занимала его.—На видъ ему было не болѣе тридцати лѣтъ; широкія плеча, большая голова, съ открытымъ, выдавшимся лбомъ, и крѣпко сложенный бюстъ, составляли разительный контрастъ съ ужасною худощавостию его обнаженныхъ ногъ.—Непонятное чувство удерживало меня у этого молодого человѣка: я немогъ свести съ него глазъ, какъ вдругъ смотритель подошелъ ко мнѣ, и ударивъ тихонько по плечу, сказалъ: вы его знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, впрочемъ нахожу сходство межъ нимъ и однимъ молодымъ человѣкомъ...

— Можетъ быть поэтомъ?

— Поэтомъ? что вы говорите? его имя?

— Евгенийъ Гюго, братъ знаменитаго Виктора Гюго, тотъ самый, котораго Шатобрианъ, при началѣ его литературнаго поприща, привѣтствовалъ именемъ *гениальнаго юноши*.

Увлеченный воспоминаніями, я перенесся въ прошедшее, и уединенный мечтатель садовъ Ларошфуко предсталъ передо мною въ прежнемъ видѣ. Сердце мое стѣснилось и нѣсколько минутъ я немогъ произнести ни слова. Смотритель, замѣтя мое волненіе, оставилъ меня и обратился къ моему товарищу. Вотъ, сказалъ онъ, братъ молодого человѣка, котораго имя уже знаменито; вотъ братъ Виктора Гюго. Начало жизни и ему сулило ту же славу, но страшный душевный недугъ привелъ его сюда. До-сихъ-поръ всѣ средства возратить несчастному разсудокъ были напрасны: онъ объявленъ неизлечимымъ.

Съ грустію смотрѣли мы на Евгенія, который все еще стоялъ неподвижно и не говоря ни слова. — Бываютъ ли у него свѣтлыя минуты? какого рода его безуміе? спросилъ я смотрителя; онъ вѣрно смиренъ и тихъ, иначе ему не позволяли бы гулять здѣсь на свободѣ.

— О, онъ съ трудомъ соглашается пользоваться этою свободой:

его едва можно заставить покинуть свою келью и придти сюда подышать чистымъ воздухомъ; онъ любитъ только уединеніе и, можетъ быть, эта страсть къ уединенію и сдѣлала его жильцомъ Шарантона.

— Говорить ли онъ когда? спросилъ докторъ.

— Очень рѣдко, отвѣчалъ провожатый, трудно добиться отъ него отвѣта. Но вы, прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ, кажется были знакомы съ нимъ; можетъ быть вамъ удастся бросить хоть искру свѣта въ этотъ умъ, погруженный, какъ кажется, въ вѣчную тьму. Заговорите съ нимъ, припомните ему бывшее, назовите ему старыхъ знакомыхъ и, ежели помните какіе нибудь изъ его стиховъ, проговорите ихъ: можетъ быть опытъ этотъ будетъ и не безъ успѣха.

Я рѣшился заговорить съ несчастнымъ. Здравствуй Евгений, сказалъ я, обращаясь къ нему и стараясь придать голосу моему какъ можно болѣе нѣжности. Но онъ не отвѣчалъ мнѣ, даже не подвигалъ глазъ. Я тихонько дотронулся до его руки, чтобъ вывести его изъ задумчивости. Здравствуй, Евгений Гюго, повторилъ я... неужели ты не узнаешь стараго товарища?

Я сказалъ ему свое имя: тогда только онъ немного приподнял голову и посмотрѣлъ на меня; но движеніе это я приписывалъ болѣе имени Гюго, которое одно казалось ему понятнымъ.

— Давно ли ты видѣлъ братьевъ своихъ Авеля и Виктора?

Онъ снова посмотрѣлъ на меня и съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ. Сначала мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ заговорить, но онъ молчалъ по прежнему; только едва примѣтная улыбка блуждала на его губахъ; въ этой улыбкѣ была цѣлая драма... Видя, что онъ продолжалъ смотрѣть на меня, я началъ называть ему старыхъ товарищей нашихъ, изъ которыхъ многіе были его друзьями. Но ни одно изъ этихъ именъ не могло вырвать у него не только какого нибудь слова или восклицанія, даже движенія.

— Спросите его, пишетъ ли онъ еще стихи, сказалъ мнѣ смотритель.

Я сдѣлалъ этотъ вопросъ Евгению. Услыша его, онъ покачалъ головою и, казалось, о чемъ-то задумался. Я настаивалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ, который изумилъ меня; стихи? нѣтъ, нѣтъ!

— Напрасно, сказалъ я; я много знаю твоихъ стиховъ, которые прекрасны; напримѣръ, ода на смерть герцога Энгенскаго, гдѣ ты былъ такъ строгъ къ Мюрату.

— Я? нѣтъ, нѣтъ!

— Ты, можетъ быть, забылъ эти стихи, но ихъ помнятъ другіе. Послушай, вотъ конецъ одной строфы, которую ты вѣрно вспомнишь; ты въ ней такъ страшно возстаешь на славнаго сподвижника Наполеона.

Tu ris d'un juste Dieu, fort de tes attentats;
Mais ta Calabre et les rochers t'attendent,
Les vautours naissant te demandent;
Il est un Dieu Vengeur et tu le connaîtras!

Евгеній, казалось, былъ тронутъ, слушая стихи; лице его, какъ будто, оживилось. — Чтожъ, Евгеній, знаешь ты сочинителя этихъ стиховъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Но это твои стихи; они были увѣнчаны академіей.

Поэтъ молчалъ и снова погрузился въ прежнее безчувственное состояніе. Неудача моей попытки лишила меня всякой надежды. Докторъ хотѣлъ употребить послѣднее средство: онъ думалъ, что Евгеній скорѣе вспомнить другіе стихи, стихи брата своего Виктора, и началъ первую строфу изъ оды на возстановленіе статуи Генриха IV.

Je voyais s'élever dans le lointain des âges...

— Какъ вамъ нравятся эти стихи? сказалъ докторъ Евгению, который не поднялъ головы при его вопросѣ.

— Хорошо! хорошо! Зачѣмъ не я...

— Постарайтесь припомнить, можетъ быть вы и слышали ихъ гдѣ нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Много зналъ, все забылъ.

Поэтъ тяжело вздохнулъ, и вздохъ этотъ, казалось, былъ горькою жалобою на ужасное состояніе страдальца.

— Но вы хорошо знаете автора этихъ стиховъ, прибавилъ докторъ, это лучший другъ вашъ, вашъ меньшей братъ Викторъ.

— Викторъ, Викторъ! можетъ быть! давно, давно!

— О, конечно, тому восемь или десять лѣтъ.

— Евгеній Гюго снова опустилъ голову на грудь; на лицѣ его показались признаки нетерпѣнія и досады. Чичероне нашъ замѣтилъ это и не позволилъ намъ продолжать испытанія, совѣтуя оставить больнаго и не мѣшать ему мечтать. Съ горестнымъ чувствомъ видѣли мы, что умственные способности несчастнаго были совершенно разстроены и что едва ли человѣческія пособія въ

состояніи возвратить его обществу. Двери больницы не должны были растворяться для него въ жизни. Съ стѣсненною душою покинулъ я бѣднаго друга, который не узнавалъ меня и даже не могъ или не хотѣлъ слышать моего прощальнаго привѣта.

Прощаніе это было послѣднимъ; въ концѣ 1837 года газеты объявили о смерти Евгенія Гюго—въ Шарантонѣ Даровитый юноша, подававшій такія блистательныя надежды, кончилъ жизнь, не излечась отъ душевной болѣзни, послѣ десятилѣтнихъ страданій въ домѣ умалишенныхъ.

ИСТОЧНИКЪ

ВЕНЕЦІАНСКАГО КУПЦА

Шекспира.

Легенда о Шейлоку запечатлѣна драматическимъ характеромъ болѣе всѣхъ легендъ, переданныхъ намъ мрачнымъ гениемъ среднихъ вѣковъ. Она распространилась по Европѣ во времена Шекспира, который занялъ у нея сюжетъ для своего *Венеціанскаго Купца*.

Начало этой легенды надо искать на Востоку, откуда перешли въ Европу почти всѣ древнія преданія. Доказательствомъ тому можетъ служить найденная въ Калькуттѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, мусульманская хроника неизвѣстнаго автора. Исторія жида и его должника рассказана въ ней вполнѣ. Это повѣствованіе можно назвать сатирою на восточныя нравы и на законодательство.

Мы предлагаемъ этотъ любопытный отрывокъ безъ всякой перемѣны.

« Въ одномъ и томъ же городѣ жили богатый жидъ и бѣдный мусульманинъ. Послѣдній до того дошелъ, что принужденъ былъ занять у жида сто динаріевъ. На эти деньги думалъ онъ сдѣлать выгодный торговый оборотъ и обѣщалъ жиду, въ награду, поло-

вину своихъ барышей. Жидъ ласково принялъ мусульманина и сказалъ ему: « Я согласенъ дать тебѣ денегъ, безъ всякаго роста, но съ однимъ условіемъ: если ты не заплатишь мнѣ долга въ ерокъ, то, вмѣсто денегъ я вырѣжу изъ твоего тѣла фунтъ мяса. Бѣднякъ ужаснулся и не согласился на предложеніе жида. Спусти два мѣсяца, бѣдность одолѣла торговца еще болѣе прежняго; онъ не зналъ, чѣмъ прокормить дѣтей и принужденъ былъ оцять идти къ жиду и взять у него денегъ на предложенныхъ условіяхъ. Жидъ позвалъ къ себѣ многихъ прохожихъ мусульманъ, и просилъ быть свидѣтелями условія.»

Мусульманинъ пустился по своимъ торговымъ дѣламъ, и путешествіе его было увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Онъ послалъ къ женѣ деньги, которыхъ достаточно было для уплаты жида. Незная страшнаго обязательства своего мужа, жена употребила деньги на покупку нарядовъ для себя; между-тѣмъ срокъ платежа подходилъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, мусульманинъ весело возвращался домой, радуясь, что вырвался изъ когтей злаго жида; онъ получилъ огромные барыши; но на дорогѣ его ограбили воры и онъ пришелъ домой почти съ тѣмъ же, съ чѣмъ и ушелъ.

На другой день послѣ его прибытія, еврей посѣтилъ должника, спросилъ его о здоровьи и въ то же время попросилъ уплаты долга. Бѣдный купецъ рассказалъ ему о своемъ несчастіи, но жидъ отвѣчалъ, что ему нужны или деньги, или исполненіе условія. Понятно, что согласиться въ этомъ пунктѣ было трудновато; споры продолжались нѣсколько дней; наконецъ сосѣди вступились въ дѣло и совѣтовали обратиться къ кади.

Оба противника отправились къ кади. Выслушавъ хладнокровно ихъ жалобы, кади объявилъ, что купецъ не сдержалъ своего слова и долженъ покориться требованію жида. Купецъ остался недоволенъ приговоромъ. Тогда жидъ просилъ купца найти другаго умнѣйшаго судью и выборъ палъ на кади Эмесскаго, знаменитаго своею ученостью и безпристрастіемъ. Оба отправились въ Эмессу.

Почти въ самомъ началѣ пути они встрѣтили бѣжавшаго мула; хозяинъ кричалъ прохожимъ, чтобы они остановили какъ-нибудь вырвавагося у него мула. Купецъ никакъ немогъ исполнить просьбы хозяина и осердясь на упрямое животное, поднялъ камень, бросилъ имъ въ мула и попалъ прямо въ глазъ. Владѣлецъ взбѣсился и требовалъ отъ купца полной цѣны за окривѣвшаго мула. Но жидъ предъявилъ свои права на несчастнаго мусульманина и совѣтовалъ хозяину мула идти съ ними вмѣстѣ къ кади Эмесскому. Всѣ трое пошли одною дорогою. Вечеромъ они достигли

деревни и расположились провести ночь на террасѣ одного дома. Но вдругъ въ деревнѣ послышался большой шумъ; купецъ проснулся въ испугѣ и хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Онъ спрыгнулъ съ террасы, надѣясь на свою ловкость; но къ несчастію упалъ на спавшаго человѣка и раздавилъ ему грудь, отчего тотъ тутъ-же и умеръ. Два сына покойнаго, узнавъ объ этомъ несчастномъ происшествіи, схватили бѣднаго купца и хотѣли его убить; жидъ вступился въ дѣло и представлялъ, что часть этого человѣка уже принадлежитъ ему. Послѣ этихъ объясненій, оба сына рѣшились сопроводить путниковъ по той же дорогѣ до самой Эмессы. На слѣдующій день они увидѣли осла, который барахтался въ канавѣ и никакъ немогъ оттуда выкоробкаться. Хозяинъ осла просилъ путешественниковъ помочь ему вытащить животное. Всѣ уцѣпились за осла, кто взялся за уши, кто за узду, а несчастному купцу попался въ руки хвостъ, и при первомъ усилии остался у него въ рукахъ. Разгнѣванный селянинъ требовалъ денегъ за своего осла, объявляя, что осель безъ хвоста, по его мнѣнію, тоже, что человѣкъ безъ головы. Но прочіе претенденты уговорили его слѣдовать за ними; крестьянинъ согласился. И такъ мусульманинъ, жидъ, погонщикъ мула, сыновья убитаго, хозяинъ осла, кривой мулъ и безхвостый осель—шли вмѣстѣ по дорогѣ къ Эмессѣ, куда они и прибыли черезъ нѣсколько дней. Они вошли въ городъ; мусульманинъ все замѣчалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Къ великому удивленію попался ему на встрѣчу человѣкъ почтенной наружности, въ длинной одеждѣ; онъ сидѣлъ на ослѣ, жертвецки пьяный, и качался изъ стороны на-сторону. Мусульманинъ спрошилъ: кто это такой? Ему отвѣчали, что это *гласный*, чиновникъ, обязанный смотрѣть за нравственностію гражданъ. Проходя далѣе по улицѣ, онъ замѣтилъ человѣка, который бился въ гробъ тогда, какъ его несли на кладбище. Человѣкъ этотъ былъ совершенно живъ и въ добромъ здоровьи; но прохожіе увѣрили, что онъ давно уже умеръ, и несчастнаго похоронили. На утро всѣ просители представились къ кади и начали жаловаться всѣ вмѣстѣ; кади приказалъ имъ говорить по отдельности.

Жидъ началъ такъ. Справедливѣйшій изъ людей! человѣкъ этотъ долженъ мнѣ сто динаріевъ; онъ обязался или заплатить долгъ или, по условію, дать мнѣ вырѣзать у него фунтъ мяса; повели ему выполнить условіе тѣмъ или другимъ образомъ.

Купецъ, полагаясь на правосудіе кади, признался во всемъ и объявилъ, что въ настоящее время не можетъ расплатиться съ жидомъ; онъ полагалъ, что условіе будетъ объявлено уничтоженнымъ. Но къ величайшему своему ужасу, получилъ отъ кади по-

велѣніе покориться требованію заимодавца, если онъ не въ состояніи уплатить долга. Тотчасъ кади приказалъ одному изъ своихъ чиновниковъ принести острый ножъ. Бѣдный купецъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и считалъ себя уже въ числѣ мертвыхъ. Потомъ кади обратился къ жида, и сказалъ ему: «Вери ножъ и вырѣзай у своего должника фунтъ мяса; но помни, что только фунтъ; если ты вырѣжешь хоть однимъ унцомъ больше или меньше, я тотчасъ же велю посадить тебя на козъ.»

Напрасно жидъ представлялъ, что вырѣзать вѣрный фунтъ мяса невозможно. Кади не заблагодарасудилъ перемѣнить свой приговоръ.

Жидъ отказался отъ своего иска и простилъ купцу долгъ. «Очень хорошо, сказалъ кади, но если ты привелъ сюда этого человѣка, чтобъ искать на него расправы, а послѣ не требуешь ея, то обязанъ заплатить ему за убытки, которые причинила ему отлучка.»

Судья приговорилъ жида къ уплатѣ 200 динаріевъ; жидъ заплатилъ со слезами на глазахъ и съ проклятіями въ сердцѣ. Погонщикъ муловъ подошелъ къ кади въ свою очередь и изъяснилъ свои жалобы. Кади спросилъ, что стоитъ его мулъ? Онъ стоялъ тысячу динаріевъ, когда смотрѣлъ обоими глазами.—Нѣтъ ничего проще, сказалъ кади: надо разсѣчь его на-двое; половину съ слѣпымъ глазомъ ты отдашь купцу и получишь отъ него 500 динаріевъ. Погонщику муловъ это не понравилось; кривой мулъ все еще стоялъ 750 динаріевъ; почему онъ и рѣшился лучше вовсе оставить свой искъ, чѣмъ остаться съ половиною мертвого мула.

«Ты добрый человѣкъ, сказалъ кади: однакоже удовлетвори бѣдняка за свою пустую жалобу.» И хозяинъ мула принужденъ былъ заплатить купцу 100 динаріевъ въ видѣ вознагражденія.

Два сына человѣка, котораго купецъ задавилъ своимъ прыжкомъ съ террасы, представили кади свои жалобы. «Какъ вы думаете, крыша моего дома будетъ ли такъ же высока, какъ та, съ которой прыгнулъ этотъ человѣкъ?» спросилъ кади. Истцы отвѣчали утвердительно. Тогда кади приказалъ купцу лечь на землю, подлѣ дома, а двумъ сыновьямъ убитаго прыгнуть на него съ кровли. Оба просителя взошли на кровлю, но посмотрѣвъ внизъ, ни за сто жизней не рѣшались сдѣлать такого опаснаго скачка, который могъ имъ стоить головы или ребра.—«Я очень жалѣю, сказалъ кади, что вы недовольны моимъ судомъ и нехотите пользоваться возмездіемъ; но я не въ состояніи удовлетворить ваши жалобы другимъ приговоромъ, не нарушая законовъ. Будьте такъ добры, отсчитайте этому человѣку 200 динаріевъ за безпокойство, которое вы ему причинили.»

Наконецъ хозяинъ осла вступился за свое безхвостое животное. «Какъ! вскричалъ кади: еще возмездіе! Приведите моего осла, я позволяю этому человѣку оторвать у него хвостъ. Привели осла и истецъ хотѣлъ вѣшиться въ хвостъ животнаго и отомстить тѣмъ за обиду своего осла. Но осель, имѣвшій счастье ежедневно носить на хребтѣ своемъ кади, не такъ-то поддавался мстителю. Онъ началъ лягаться, и щелкнулъ въ бокъ своего преслѣдователя такъ ловко, что тотъ повалился безъ чувствъ на землю. Опомнившись, онъ просилъ кади уволить его отъ иска и объявилъ себя удовлетвореннымъ. Но кади не хотѣлъ согласиться на это удовлетвореніе; онъ желалъ, чтобы обезчещенный осель былъ вполне отомщенъ. Мужикъ принялся снова за ратоборство, но осель, лягаясь удачно, нанесъ своему противнику столько ранъ, что хозяинъ безхвостаго осла принужденъ былъ признаться, что онъ солгалъ и что осель его никогда не имѣлъ хвоста. Сознаніе во лжи стоило ему 100 динаріевъ.

Когда въ домѣ кади не осталось ни одного истца, онъ собралъ въ кучу всю денежную пеню и раздѣлилъ ее на двѣ равныя части; одну взялъ себѣ, а другую отдалъ купцу. Послѣдній стоялъ въ раздумьи и не говорилъ ни слова. Кади спросилъ его: развѣ ты не доволенъ моимъ правосудіемъ?

— «Солнце правды!» сказалъ купецъ: «я питаю въ душѣ удивленіе и признательность къ твоей великой мудрости; но я никакъ не могу растолковать себѣ нѣкоторыхъ вещей, которыя попались мнѣ на глаза въ Эмесѣ.» И онъ разсказалъ кади все, что замѣтилъ въ городѣ.

«Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго,» отвѣчалъ кади: «продавцы вина чрезвычайныя плуты, а гласные обязаны смотрѣть за ними. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если гласный, пробуя цѣлый день вино у каждаго продавца, къ вечеру будетъ пьянъ, какъ губка. Что касается до живаго мертвеца, вотъ какъ это случилось: человѣкъ этотъ умеръ дорогою, отправившись въ отдаленный городъ; жена его, узнавъ о смерти мужа, пришла ко мнѣ съ двумя свидѣтелями, которые показали, что онъ дѣйствительно умеръ. Послѣ того жена его вышла за-мужъ за другаго. Черезъ нѣсколько времени явился снова первый мужъ и, услышавъ о второмъ бракѣ своей жены, пришелъ въ гнѣвѣ жаловаться ко мнѣ. Другъ мой, отвѣчалъ я ему, тебѣ нечего искать. Вотъ свидѣтельство о твоей смерти, за подписью твоей вдовы и двухъ свидѣтелей; ты видишь ясно, на бумагѣ со скрѣпою, что ты дѣйствительно умеръ. Я сожалею о несчастіи, случившемся съ тобою; но все, что могу для тебя сдѣлать, это одно—похоронить тебя на казенный счетъ.»

Выслушавъ такое объясненіе, купецъ немогъ уже болѣе не удивляться глубокой мудрости кади; и простившись съ нимъ, возвратился въ свой городъ, гдѣ онъ зажилъ богато и роскошно, благодаря велемудрому суду Эмесскаго кади.

Чтобы пояснить конецъ этой исторіи, необходимо надо замѣтить, что въ законодательствѣ восточномъ не допускается отрицать факты, формально утвержденные законнымъ порядкомъ. Показаніе, однажды утвержденное и принятое за несомнѣнное, не можетъ быть послѣ того опровергнуто другимъ показаніемъ, хотя бы оно было справедливѣе перваго. Вдова приходила къ кади съ двумя свидѣтелями объявить ему о смерти мужа, стало-быть мужъ ея мертвъ—политически, хотя и живъ дѣйствительно. Законодательный фанатизмъ простирается на Востокѣ такъ далеко, что послѣ этого формальнаго объявленія, тотъ, кого оно касалось, волею и неволею, вымарывался изъ списка живыхъ. Подобные варварскіе законы достаточно объясняютъ, почему бѣдный человѣкъ, объявленный женою мертвымъ, немогъ избѣжать похоронъ, хотя онъ протестовалъ и чувствовалъ себя въ добромъ здоровьи.

ЖЕННИ ЛИНДЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Наконецъ, Лондонъ дождался давно обѣщаннаго блаженства: Женни Линдъ дебютировала на королевскомъ театрѣ въ роли Алисы въ *Робертъ Дьяволъ*. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ происшествіи журналъ Daily News: «Это представленіе останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ англійской оперы. Исполненіе превзошло всѣ ожиданія, и возбудило самый сильный восторгъ, какой когда-либо виданъ на какомъ-либо театрѣ. Зала была набита публикою, горѣвшею нетерпѣніемъ видѣть и слышать знаменитую приѣзжую артистку, которой имя такъ долго было на всѣхъ устахъ. Когда она вышла на сцену въ своемъ простенькомъ сельскомъ нарядѣ, театръ со всѣхъ сторонъ огласился громомъ рукоплесканій; и она въ ту же минуту, не пропѣвъ еще ни одной ноты, обворожила уже всѣ сердца врожденною своею скромностію и простодушною живостію. Въ коротенькомъ речитативѣ съ Робертомъ уже обнаружился ея прекрасный, звучный голосъ, и превосходная метода. Общій восторгъ

еще увеличился послѣ слѣдующаго за тѣмъ романса: *Va, mi disse*. Пѣніе ея надо слышать и чувствовать, описывать его нельзя. Голосъ у нея настоящій сопрано, очаровательной чистоты и красоты; пѣженъ и звученъ, полонъ и обширенъ, очарователенъ какъ шопоть золотой арфы. Постепенное *crescendo* при исполненіи одной усиливающейся ноты, ни у одной еще пѣвицы не производило такого дивнаго эффекта. Во все время представленія, публика была будто подъ вліяніемъ волшебной силы; когда она запѣла прекрасную пѣсню «*Quando lasciai la Normandia*,» восторженные клики прервали ее на первой строфѣ; весь партеръ всталъ, махая шляпами и платками. Она также превосходная актриса. Одушевленное лицо всегда выражаетъ ея положеніе, движенія ея всегда благородны и полны чувства; позы ея соединяютъ съ естественностію и непринужденностію одушевленіе великихъ произведеній древней Греціи. По окончаніи представленія она вызвана три раза.»—Прочія роли исполняли: *Бертрама* — Штаудигль, явившійся достойнымъ своей славы; *Роберта* — Фраскини; *Рембо* — Гардони; *Изабеллы* — г-жа Каstellанъ.

Всѣ лондонскіе журналы согласны въ отзывѣхъ о дебютѣ Женни Линдъ; всѣ также хвалятъ прочихъ артистовъ, участвовавшихъ въ этомъ представленіи; нѣкоторые только жалуются на оркестръ, а въ особенности на хоры. Истинныхъ любителей оскорбляетъ также искаженіе оперы. Такъ какъ она поставлена на итальянскомъ театрѣ, то и поется по-итальянски, по тексту, состряпанному для Италіи, гдѣ народные предрассудки и цензура не позволили бы играть ее въ настоящемъ ея видѣ. Трудно себѣ объяснить, какъ директоръ королевскаго театра не подумалъ объ этомъ, и не постарался достать другой, полный переводъ. Можно пожалуй передѣлывать какуюнибудь пошленькую оперетку—водевиль. но съ произведеніемъ истинно-художественнымъ, проникнутымъ идеею, такое обращеніе—святоотатство. Второе дѣйствіе все выкинуто; а это лучшая часть партіи Изабеллы; только первая ея арія перенесена въ начало четвертаго дѣйствія. Это бы еще ничего; но — Бертрамъ изъ дьявола разжалованъ въ какіе-то пошлые колдуны, въ некроманты; борьба его съ Алисою уже не за то, кому будетъ принадлежать душа Роберта, его отцу или матери, небу или аду, а просто о томъ, будетъ ли онъ некромантомъ, подобно другу своему Бертраму? есть же изъ чего такъ хлопотать, и писать

пятиактную оперу! Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи, полуразвалившійся монастырь, возстаніе изъ гробовъ грѣшныхъ монаховъ, всего этого нѣтъ и слѣда; а вмѣсто того, Бертрамъ приводитъ Роберта въ какой-то старинный замокъ, и тутъ что-то въ родѣ бала, шира, и т. п.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Мы никакъ не можемъ свѣкнуться съ мыслью, что въ Лондонѣ дается Робертъ въ такомъ видѣ! въ Лондонѣ, ожидающемъ со-дня на-день самого Мейербера, для постановки *Силезскаго лагеря*. Обрадуютъ его этимъ представленіемъ!

ВОСПОМИНАНИЕ О Г-жѢ МАРСЬ.

(Статья г-жи Фюзи (*)).

Я была свидѣтельницею, въ 1795 году, первыхъ дебютовъ Ипполиты Марсь на комическомъ театрѣ, котораго одна часть въ предъидущемъ году собралась на театрѣ Федо, а другая, въ которой была и я, съ 1791 года играла на театрѣ республики. Я была еще очень молода и училась у Монвеля, съ тѣхъ поръ, какъ оставила пѣніе, и принялась за роли субретокъ. Объ этомъ - то времени преимущественно намѣрена я поговорить. Оно такъ далеко, что нынѣшніе писатели знаютъ его только по преданіямъ и разговорамъ, по-большей

(*) Г-жа Фюзи—лицо, пользующееся довольно большою извѣстностью въ драматическомъ и литературномъ мірѣ. Кто не читалъ ея милой, занимательной книги: *Memoires d'une actrice*, въ которой она такъ живо и съ такою истинною описываетъ наше общество въ началѣ нынѣшняго столѣтія, столько лицъ, еще памятныхъ многимъ изъ насъ, и наконецъ походъ свой изъ Москвы съ императорскою труппою, за ретирующеюся французскою арміею. Она дебютировала въ комедіи (прежде она была въ оперѣ) въ одно почти время съ покойною г-ю Марсь, и съ тѣхъ поръ онѣ всегда были пріятельницами, до самой смерти послѣдней. Это обстоятельство и извѣстная правдивость г-жи Фюзи, даютъ большую цѣну ея воспоминаніямъ, впрочемъ довольно краткимъ.

части невѣрнымъ; они такъ часто ошибаются, говоря о томъ, что дѣлается въ наше время, что немудрено имъ ошибаться на счетъ такихъ давнишнихъ событій. Первые впечатлѣнія никогда не изглаживаются. Я часто спорила съ г-ю Марсъ объ этихъ двухъ комическихъ театрахъ. Старая комедія считала артистовъ новой комедіи—самозванцами; г-жа Марсъ раздѣляла это мнѣніе, несмотря на то, что отецъ ея принадлежалъ къ новому театру. Исполита Марсъ была въ то время, въ самомъ цвѣтѣ своей весны; но весна ея далеко уступала славѣ ея лѣта и осени. Она не имѣла свѣжести своихъ лѣтъ; робость связывала всѣ ея дѣйствія и не давала выказаться ея способностямъ. Критики бранили ее за то, что у нея руки были точно связаны, что она закидывала всегда локти назадъ, одѣвалась какъ лавочница, и вообще походила на мѣщаночку, разодѣвшуюся въ праздникъ къ обѣднѣ.

Это недовѣріе къ собственнымъ силамъ давало молодой артисткѣ какую-то холодность, безжизненность, не позволяло ей передавать наружу то, что она такъ хорошо сознавала въ душѣ. Гораздо позднѣе уже г-жа Контъ научила ее этому искусству. Одинъ, очень умный человекъ говорилъ о ней. «Во всемъ видно, что она еще не знала любви.» Однако же если робость связывала ее на сценѣ, въ дружеской бесѣдѣ, она была совсѣмъ не та. Ея остроумное простодушіе, выраженіе лица, всегда удивительно согласное съ ея словами, врожденное ей ребячество въ обращеніи, показывали, что если она знала любовь, то только тихую любовь, сосредоточивавшуюся въ блаженствѣ души. Г. Броунъ, молодой швейцарскій офицеръ, отъ котораго у нея было трое дѣтей, женился бы на ней, еслибъ чухотка не разрушила ихъ надеждъ, сведя его преждевременно въ могилу. Дѣти ея наслѣдовали болѣзнь отца; одинъ только сынъ не былъ ея жертвою, и живъ до сихъ поръ. Но въ то время, къ которому относится мой разсказъ, никто еще не предвидѣлъ этихъ несчастій. Маленькая Лилитта, дочь г-жи Марсъ, была прекрасна, какъ бабушка, и мила какъ ребенокъ. Исполита часто говорила намъ, улыбаясь: «Я изучаю дочь, какъ Карлень изучалъ котятъ (извѣстно, что знаменитый арлекинъ всегда держалъ при себѣ котятъ, чтобъ изучать ихъ граціозныя движенія.) Вотъ почему, когда г-жа Марсъ начала съ такою славою являться въ роляхъ невинныхъ дѣвушекъ,

она соединила съ молодостью всю прелесть дѣтства. Смерть Броуна сильно потрясла здоровье г-жи Марсѣ; боялись, чтобъ она не захворала тою же болѣзнію. Она была худа, блѣдна, и страдала сильнымъ кашлемъ. Она взяла отпускъ и поѣхала съ братомъ своимъ, Сальветтою, убитымъ впоследствии въ службѣ Наполеона, на Баньеръ-де-Люшонскія воды. Мы съ горестію прощались съ нею, не надѣясь болѣе видѣться съ нею. Я, съ своей стороны, также оставила Парижъ, и поѣхала давать концерты въ провинціи. Съ какимъ удовольствіемъ увидѣла я ее, когда возвратилась въ Парижъ. Перемена ея была почти невѣроятною; она пополнила, и съ здоровьемъ возвратилась вся ея прежняя живость.

Семейство г-жи Марсѣ.—Всѣ, даже самыя мелкія подробности жизни знаменитаго лица—занимательны; тѣмъ болѣе, когда онѣ касаются жизни такого замѣчательнаго актера, какъ Монвель. Говорятъ, что великіе актеры и литераторы, рѣдко передаютъ свои таланты дѣтямъ. Но изъ этого правила бывають исключенія; доказательствомъ могутъ служить Монвель и его дочь. Правда, впрочемъ, что талантъ ограничился ими одними. Старшая сестра Ипполиты Марсѣ была преюродственною актрисою, а дочь ея, Жоржина, ученица Ипполиты, умерла слишкомъ молода, чтобы можно судить о ея будущности. Смерть Жоржины, которую г-жа Марсѣ, по смерти собственной дочери, воспитала какъ дочь, была ей тѣмъ чувствительнѣе, что напоминала эту горестную утрату, разстроившую ее до-того, что она долго не могла являться на сценѣ, и хотѣла даже вовсе отказаться отъ театра. Дочь ея умерла отъ чахотки, какъ и сынъ; послѣ того легко себѣ представить, какъ бывала она встревожена малѣйшимъ разстройствомъ здоровья оставшагося ей сына. — Мать г-жи Марсѣ была замѣчательна своею красотою; у дочери ея были два ея портрета, рисованные сухими красками, которые привлекали вниманіе всѣхъ посѣтителей. Она дебютировала въ трагедіи, но безъ успѣха, и недолго оставалась на театрѣ. — Монвель только нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Ипполиты оставилъ французскій театръ, вслѣдствіе разныхъ непріятностей съ товарищами. Шведскій король Густавъ, очень уважавшій его талантъ, пригласилъ его въ Швецію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ принялъ предложеніе, и общалъ г-жѣ Марсѣ призвать

ее съ дочерью, какъ скоро устроится въ Швеціи. Но обстоятельство вѣроятно побудили его отказаться отъ этого намѣренія. Письма его стали рѣже, а скоро онъ и вовсе пересталъ писать. Г-жа Марсъ наконецъ узнала, что онъ по желанію короля женится на дѣвицѣ Клерикуръ, дочери стараго актера, получавшаго отъ короля пенсію. Монвель возвратился изъ Швеціи въ 1788 году; онъ привезъ съ собою свою новую семью, родственниковъ жены, и дѣтей, рожденныхъ въ Швеціи: Теодора, который убитъ при осадѣ Сарагоссы, и Жозефину Монвель, премилую, четырехлѣтнюю дѣвочку, съ которою десятилѣтняя Инполита очень подружилась.

Революція только-что загоралась; французскій театръ еще былъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Монвель хотѣлъ снова вступить въ его труппу; но строгій уставъ театра не позволялъ ему принять этого даровитаго актера. Гальяръ и Дорфель были тогда директорами театра des Variétés, въ Пале-рояль. На немъ до тѣхъ поръ играли однѣ комедіи; но успѣхи революціи питали въ нихъ надежду сдѣлаться директорами втораго-французскаго-театра, ибо тиранія перваго становилась нестерпима. Недовольные, и молодые литераторы, не имѣвшіе почти возможности ставить свои пьесы, съ нетерпѣніемъ ждали учрежденія новаго театра. Гальяру и Дорфелю отдали зданіе, построенное на улицѣ Ришелье герцогомъ Орлеанскимъ, и они ждали только декрета о свободѣ театровъ, чтобъ исполнить свое предпріятіе. У нихъ уже было нѣсколько хорошихъ актеровъ, Мишо, котораго память донинѣ жива на французскомъ театрѣ, Фюзи, и нѣкоторые другіе; они ангажировали лучшихъ артистовъ значительныхъ провинціальныхъ театровъ, на которыхъ тогда играли весь трагическій и комическій репертуаръ съ превосходствомъ, котораго теперь уже невидать.—Разумѣется, что театръ, учреждавшійся для состязанія съ французскимъ театромъ, немогъ упустить случая завербовать Монвеля. Ему предложили самыя выгодныя условія; онъ согласился, и игралъ еще въ театрѣ des Variétés, роль Людовика XII въ трагикомедіи Колло-д'Эрбуа, въ которой пѣли хоромъ.

Vive a jamais notre bon roi.

Il fait le bonheur de la France.

Монвель поставилъ также нѣкоторыя пьесы Пиго-Лебрена: *Пессимиста, Сироту, Картежницу, Шарля и Каролину*, и проч. Г-жа Конта явилась на дебюты Монвеля въ роли Людовика XII. Дивясь его благородной игрѣ и величю наружности, она шепнула кому-то изъ своихъ сосѣдей:

«Contemplez de Bayard l'abaissement auguste»

Тогда между королевскими театрами была такая гѣрархія, что актеры считали безчестьемъ являться не на своемъ театрѣ. Театръ Ришельевской улицы названъ сначала *Пале-роалльскимъ* театромъ, и открытъ въ маѣ 1790 года. Немного спустя, онъ переименованъ въ *театръ республики*.—Въ 1791 году къ нему пристали: Тальма, Дюгазонъ, г-жа Вестрисъ (трагическая актриса), г-жа Дегарсенъ, Кандель, г-жа Симонъ, г-жа Жоли (субретка), словомъ, всѣ недовольные французскаго театра. Въ это же время и я стала играть въ комедіяхъ на театрѣ республики; и въ то же время я познакомилась съ Ипполитою Марсъ. Я была свидѣтельницею первыхъ ея опытовъ на театрѣ Федо; дебюты ея были такъ ничтожны, что ей даже не дали ложи, чтобы одѣваться. Г-жа Конта начала учить ее уже гораздо позднѣе. На слѣдующій день послѣ своего дебюта, она пришла вся въ слезахъ къ Монвелю, рассказать ему свое горе. «Зачѣмъ же ты не догадалась спросить у меня моей ложи?» спросилъ ее отецъ.—«Я не смѣла,» отвѣчала она; она не хотѣла сказать, что мать ей не позволила бы; мать ея сама не хотѣла и видѣть Монвеля послѣ его женитьбы, а только посылала къ нему дочь. Она справедливо была оскорблена тѣмъ, что онъ предпочелъ ей другую, ей, красавицѣ, и матери Ипполиты; это огорченіе матери пустило глубокіе корни въ сердце дочери. — Воспитаніемъ малютки занимался Вальвиль, актеръ не безъ таланта, и другъ г-жи Марсъ. Онъ давалъ ей играть нѣкоторыя дѣтскія роли, на примѣръ, роль брата Жокриса, о которой столько говорится во всѣхъ ея біографіяхъ. Вальвиль принадлежалъ къ труппѣ театра Монтозье, равно какъ и старшая Марсъ (г-жа Сальветта). Но у Ипполиты небыло тетки, какъ утверждаетъ одинъ ея біографъ, въ *Journal des débats*; также ошибается онъ, говоря, будто она дебютировала въ какой-то оперѣ. Это тотъ же Вальвиль, кото-

рый во время пожара Одеона, такъ мужественно бросился въ окно на подставленные ему тюфяки, и къ которому г-жа Марсъ изъясняла такое участіе. Не безъ удивленія также читала я въ одной статьѣ, будто Вальвиль былъ бѣдный старикъ, призрѣнный ею. Она любила и уважала его, какъ втораго отца. — Говорятъ также, что Монвель предугадывалъ талантъ дочери, несмотря на то, что она въ послѣдніе годы его жизни играла еще пустыя роли. Дѣйствительно онъ предугадывалъ ея талантъ, но не передъ концомъ своего поприща. Онъ былъ еще на театрѣ, когда слава дочери его уже упрочилась, и она создала уже нѣсколько ролей съ огромнымъ успѣхомъ. Они даже нерѣдко играли вмѣстѣ. Я помню, какъ одинъ разъ между ними завязался жаркій споръ, за то, что г-жа Марсъ, при возобновленіи пьесы *L'amant bougri*, въ которой отецъ ея игралъ Карла Моринцера, не хотѣла играть роли г-жи де-Мартигъ. Она нисколько не была ученицею Монвеля, какъ утверждаютъ нѣкоторые; онъ во всю жизнь репетировалъ съ нею одну только роль Анжелики въ *la Gouvernante*, которую она сыграла превосходно. Ея чудный талантъ развила г-жа Конта; она-то выучила ее обнаруживать то, что робость дѣтѣхъ поръ подавляла въ ея умѣ. — Послѣдніе годы жизни Монвеля были жалки; онъ впалъ въ ребячество, и совершенно потерялъ память и сознание. Г-жа Марсъ въ первый разъ явила свое искусство сосредоточивать эффектъ въ нѣкоторыхъ словахъ, которымъ она такъ славилась впоследствии, въ небольшой роли въ пьесѣ Ложона, *Монастырь*. Это дарованіе было въ ней такъ врожденно, что проявлялось и въ простомъ разговорѣ.

Г-жа Конта очень любила свою ученицу; но несмотря на привязанность къ ней, она не позволила сыну жениться на ней. Она мѣтила гораздо выше. Сынъ ея былъ богатъ, и имѣлъ громкое имя; любовь къ Ипполитѣ заглушала въ немъ честолюбіе; но впоследствии мать втолковала ему, что онъ можетъ занять видное мѣсто въ обществѣ, и что онъ долженъ забыть все, что относилось къ театру. (Къ концу жизни, г-жа Конта вышла за Парни). Молодой человекъ такъ хорошо понялъ ея наставленія, что мѣсто, гдѣ погребена его мать, осталось никому неизвѣстнымъ кромѣ его, и несмотря ни на какія убѣжденія, никогда онъ не позволялъ снять копію съ находящагося

у него ея портрета; вотъ почему нѣтъ ни одного ея портрета съ натуры.

Изъ этого очерка видно, что г-жа Марсь съ самыхъ молодыхъ лѣтъ была несчастна въ любви, и что обстоятельства принудили ее до самой смерти сохранить свое дѣвическое названіе, которое она ознаменовала своимъ дивнымъ талантомъ. До послѣдняго часа сохранила она друга, котораго преданность никогда не измѣнила ей. Это счастье рѣдко встрѣчающееся въ жизни. Надо имѣть рѣдкія качества, чтобы внушить такую привязанность, и прекрасную душу, чтобы умѣть ее цѣнить.

Г-жа Марсь въ Дрезденъ. Я уже шесть лѣтъ жила въ Россіи, сношенія наши совсѣмъ прекратились, и только изрѣдка получала я вѣсти о г-жѣ Марсь, когда несчастный походъ Наполеона потянулъ меня вслѣдъ за бѣгущимъ войскомъ по пути къ Франціи. Прибывъ въ Лейпцигъ, я узнала отъ князя Понятовскаго, что театръ находится въ Дрезденѣ. Я немедленно отправилась въ Дрезденъ, и явилась къ префекту двора, г. Боссе, который по приказанію императора отправилъ меня изъ Москвы, чтобы присоединиться къ придворной труппѣ. «Мы обязаны приютить и защитить васъ,» сказалъ онъ мнѣ, «вы наши. Я отведу вамъ помѣщеніе съ нашею труппою. Вы встрѣтите въ ней много старыхъ знакомыхъ, на примѣръ г-жу Марсь, которая будетъ вамъ очень рада.» Кромѣ ея тутъ были г-жи: Мезере, Бургуенъ, Тенаръ, Эмилія Конта; Тальма, Флери, Мишо, Виньи, Батистъ Кале, словомъ всѣ остатки стараго комическаго театра и театра республики.

Г-жа Марсь была кумиромъ двора и города. У нея собиралось первое общество Дрездена: маршалы, принцы, послы, иностранные артисты добивались чести быть представленными въ ея домъ, напоминавшій домъ герцогини Лонгвиль во времена фронды (за исключеніемъ политики). Она была царицею всѣхъ праздниковъ, дававшихся среди грома оружія и борьбы всѣхъ интересовъ Европы. Она украшала ихъ своимъ умомъ; всѣ старались наперерывъ доставлять ей удовольствія и устраивали для нея поѣздки по окрестностямъ Дрездена. Въ одной такой поѣздкѣ она упала, и ушибла себѣ съ одной стороны лицо. Это обстоятельство не могло не дойти до императора. Любя всякаго рода мужество, онъ пожелалъ видѣть, до какой степени молодая и прекрасная женщина можетъ выносить

подобныя несчастія. Онъ изъявилъ желаніе видѣть ее въ частъ положенный для пріема безъ этикета нѣкоторыхъ артистовъ, съ которыми онъ любилъ бесѣдовать; такъ нерѣдко принималъ онъ за завтракомъ Тальму и Флери. Герцогъ Висенскій привезъ ее во дворецъ Марколини, гдѣ жилъ императоръ. Тамъ застала она князя Нешательскаго, г. Боссе, графа Нарбонна, послѣднихъ представителей того блестящаго общества, въ которомъ красились Сегюры, Парни, и др. Наполеонъ принялъ ее чрезвычайно милостиво; она очень твердо вынесла все взоры, пытавшіеся женское мужество. — За нѣсколько минутъ передъ прибытіемъ г-жи Марсъ, Наполеонъ, пробѣжавъ журналы, рассуждалъ о критикѣ Дюсо, въ Journal de l'empire, который утверждалъ, что г-жа Леверъ лучше г-жи Марсъ поняла роль *Эльмиры* въ Молиеровомъ Тартюфѣ, что она напрасно разыгрываетъ такую суровую добродѣтель, отталкивая отъ себя такъ торжественно руку Тартюфа, что г-жа Леверъ гораздо лучше передаетъ эту сцену, не трогая руки, а только, какъ простодушная мѣщанка, взглянувъ на него и говоря: «А зачѣмъ рука ваша здѣсь?»—«Вашъ Дюсо болванъ,» сказала Наполеонъ, «г-жа Марсъ напротивъ превосходно поняла роль. Разумѣется, каждая женщина оскорбится такимъ обращеніемъ мужчины; но первое ея движеніе всегда будетъ согласно съ ея воспитаніемъ. Женщина безъ всякаго воспитанія дастъ ему пощечину, женщина не строгая—только посмотритъ на него съ удивленіемъ, и спроситъ: «зачѣмъ рука ваша здѣсь?» и не оттолкнетъ ея. Но хорошо воспитанная женщина, оскорбленная такимъ прикосновеніемъ, удалитъ руку съ тою величественною простотою, которая внушаетъ почтеніе самому дерзкому человѣку.»—Это сужденіе Наполеона доказываетъ, что есть такіе избранники, которыхъ геній обнимаетъ все въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Стоитъ только вспомнить г-жу Марсъ въ той сценѣ, когда Оргонъ спрятанъ подъ столомъ; она никогда не старалась смѣшнить, подобно своимъ предшественницамъ, двусмысленностями, къ которымъ роль ея подаетъ поводъ. Измѣненіе голоса показывало, какъ тягостна ей роль, которую она принуждена разыгрывать съ человекомъ, котораго презираетъ. Я увѣрена, что точно такъ понималъ эту сцену и самъ Мольеръ.... — Нельзя не остановиться въ жизни Тальми и г-жи Марсъ на судьбѣ, сведшей ихъ съ тѣмъ, съ чѣмъ именемъ перейдетъ къ отдаленнѣйше-

му потомству и все, что привлекало его вниманіе. Тальма и г-жа Марсъ всегда занимали главное мѣсто въ покровительствѣ его искусствамъ. —

По случаю прекращенія перемирія, именины императора праздновали ранѣе обыкновеннаго; невозможно описать энтузіазмъ, сопровождавшій это военное торжество; войска, разставленные въ лагерѣ, еще не сомнѣвались въ славной звѣздѣ своего повелителя; никто не думалъ, что день этотъ празднуется въ послѣдній разъ. Палатки, расположенныя вокругъ города, среди рощъ, походили бы на роскошный садъ, если бы знамена, ружья, сложенные въ козлы и пушки не напоминали военныхъ тревогъ. Дрезденъ сіялъ огнемъ и радостью; народъ тѣснился по улицамъ; изъ разубранныхъ оконъ раздавались звуки музыки. Двойные вензеля говорили каждому, что Наполеонъ гоститъ у друга. Военные парады, ружейные залпы, звонъ оружія, всѣ эти признаки войны среди розъ, померанцевъ, и огней иллюминаціи, освѣщавшихъ все до послѣдней мелочи, все это возносило душу, вливало въ нее новую энергію. Эта толпа храбрыхъ и любезныхъ витязей напоминала поэтическія времена рыцарства. Мы провели часть ночи въ прогулкахъ по иллюминированному городу и лагерю, ходили съ праздника на праздникъ, ибо у каждаго изъ знатныхъ лицъ, съѣхавшихся въ Дрезденъ, былъ праздникъ. Саксонскій посланникъ, г. Серра, подошелъ къ г-жѣ Марсъ и вполголоса просилъ ее пригласить кого ей будетъ угодно изъ ея сверстницъ. «Всѣхъ» отвѣчала она. И проходя подъ руку съ посланникомъ, она прелюбезно пригласила насъ всѣхъ отъ его имени. Нѣкоторые очень неловко отказали, и даже дали замѣтить причину. Когда мы вошли, негры въ своихъ народныхъ костюмахъ, исполнили турецкую музыку. Шатеръ былъ обставленъ внутри богатыми парчевыми диванами, убранный персидскими коврами и корзинами цвѣтовъ. Занавѣсы у входовъ были подняты на золотыхъ кистяхъ, и пропускали свѣжій воздухъ; все въ палаткѣ пахло востокомъ, ибо г. Серра завоевалъ ее въ персидскомъ походѣ. Къ сожалѣнію этотъ праздникъ, который во всякое другое время очаровалъ бы насъ, открылся слишкомъ поздно, чтобы мы могли имъ вполнѣ насладиться. Природа опредѣлила, чтобы пресыщеніе слѣдовало немедленно за наслажденіемъ; не затѣмъ ли, чтобы

вполнѣ выказать его ничтожество? Напрасно веселые звуки музыки приглашали насъ къ танцамъ; напрасно негры разносили шербеты на хрустальныхъ подносахъ; мы жаждали одного—отдыха.—Мы спокойно предалися ему, пока приказъ объ отправленіи не разрушилъ очарованія подобно Арминдину жезлу; и не одному Ринальду возвѣстила золотая вѣтвь, что его зоветъ полководецъ. — Барабанъ билъ къ походу, военныя дѣйствія возобновились, партизаны рыскали по-полю; вся эта поэзія смѣнилась самою мелочною прозою. Надо было добиваться лошадей къ отъѣзду; артисты боялись встрѣтить партизановъ, небожно чувствительныхъ къ очарованіямъ искусства. Многіе боялись грабежа; Мишо, напримѣръ, накупивъ саксонскихъ чулковъ, боялся, чтобы имъ не обулись козацкія ноги; мы возвратились къ положительной жизни, а наши домохозяева напоминали ее, боясь, чтобы мы сами не забыли. Экипажи немогли выѣхать всѣ вдругъ; послѣдніе подвергались многимъ опасностямъ. Какъ скоро жители узнали, что мы ѣдемъ, вещи наши стали бросать въ окна, чтобы поскорѣе выжить насъ. Нашъ режиссеръ, Денре, спалъ, и надѣялся, что еще успѣетъ убраться, какъ вдругъ разбуженъ людьми, которые въ торопяхъ собирались уже скатать его съ тюфяками и бросить на-возъ. Наконецъ мы собрались, но успокоились не прежде какъ прибывши въ Франкфуртъ. Я осталась въ этомъ городѣ по семейнымъ дѣламъ, и снова видѣлась съ г-жею Марсъ только уже черезъ годъ, по вступленіи въ Парижъ союзныхъ войскъ. Она жила тогда въ Люксембургской улицѣ, въ квартирѣ, которую уже занимала нѣсколько лѣтъ съ матерью и дочерью, а не въ улицѣ Федо, и не въ антресоль, какъ утверждаетъ одна брошюра.

ЖАКЪ ФРОМАНТАЛЬ ГАЛЕВИ.

Жакъ Фроманталь Галеви безспорно принадлежить къ числу плодовитѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ современныхъ французскихъ композиторовъ. Онъ происходитъ изъ еврейскаго дома, и родился въ Парижѣ 27 марта 1799 года. Первоначальное свое

воспитаніе онъ получилъ въ заведеніи Казо. Съ самаго дѣтства показывалъ онъ необыкновенныя способности къ музыкѣ, и родители его рѣшились позволить ему посвятить себя этому искусству, если успѣхи его и охота будутъ продолжаться, и въ то же время рѣшились испытать степень ихъ. Для этого его отдали, когда ему не было еще десяти лѣтъ, въ парижскую консерваторію, въ которой однакоже его учили сначала только пѣнію, частию по его молодости, частию же потому, что будущее назначеніе его не было еще рѣшено; его не учили играть ни на какомъ инструментѣ, пока не замѣтили, что онъ безъ всякой помощи кромѣ врожденнаго дарованія и рѣдкаго трудолюбія, выучился играть на фортепіано съ необыкновенною для его лѣтъ бойкостью. Такъ какъ онъ въ то же время оказывалъ чрезвычайныя успѣхи въ пѣніи, и призваніе его казалось несомнѣннымъ, то его приписали и къ инструментальному классу, въ которомъ онъ продолжалъ свое ученіе на фортепіано подъ руководствомъ Шарля Ламбера. Успѣхи его были такъ быстры, что черезъ годъ знаніе и метода учителя оказались для него недостаточными, и такъ какъ просилъ, чтобы его учили композиціи, то несмотря на его молодость, его перевели мимо нѣсколькихъ степеней обыкновеннаго курса, и отдали прямо въ руки заслуженнаго композитора и преподавателя Бертона. Доказательствомъ его необыкновенныхъ способностей и ранняго развитія служить то, что его уже тогда, на тринадцатомъ году, слылаи ретиторомъ класса пѣнія (*classe de solfege*). Бертонъ также недолго училъ его; классъ его сталъ скоро недостаточенъ для необыкновеннаго развитія и трудолюбія Галеви, и его передали для дальнѣйшаго образованія главному профессору и директору консерваторіи, Керубини. Глубокое, многосложное и отвлеченное ученіе Керубини, нельзя было обнять съ такою быстротою: Галеви учился у него пять лѣтъ, и прошелъ въ это время подъ его руководствомъ полный курсъ контрапункта и вообще композиціи. Такое продолжительное пребываніе въ рукахъ Керубини, ручается за основательность музыкальнаго образованія Галеви, и позволяетъ требовать отъ его произведеній такихъ условий, для удовлетворенія которыхъ композитору необходимо глубокое знакомство съ законами контрапункта. Самъ Керубини, послѣ двухлѣтняго ученія, объявилъ его достаточно приготовленнымъ для соисканія главной награды, которую парижская

академія ежегодно назначаетъ для учениковъ консерваторіи. И дѣйствительно, Галеви, получившій уже въ 1814 году награду за Фугу, допущенъ въ 1816 году къ соисканію главной награды. Если онъ и не остался побѣдителемъ въ этомъ состязаніи, то тѣмъ не менѣе лестно уже самое признаніе его достойнымъ допущенія къ соисканію; а что у него небыло недостатка въ силахъ, доказалъ онъ при выпускѣ изъ консерваторіи, въ 1819 году, получивъ главную награду за свою кантату *Герминія*, которая имѣла такой успѣхъ, что даже правительство обратило вниманіе на молодаго композитора, и послало его на казенный счетъ на два года въ Италію, для дальнѣйшаго образованія; онъ думалъ многому еще научиться въ Италиі, и преимущественно въ Римѣ, изучая подъ руководствомъ знаменитаго маэстро Банини старинныхъ, классическихъ композиторовъ. Изъ Италиі отправился онъ въ Вѣну, познакомиться съ Бетговепомъ, который принялъ его только какъ ученика Керубини, впрочемъ очень ласково.

Въ сентябрѣ 1822 года Галеви возвратился въ Парижъ; не приступая до-сихъ-поръ къ самостоятельной дѣятельности, онъ приготовился къ ней обширнымъ изученіемъ предмета, какого можно было ожидать только отъ молодаго художника съ необыкновеннымъ умомъ и талантомъ, и возвращался теперь на-родину съ богатымъ запасомъ знанія—дать плодъ счастливо посаженнаго семени; но ему предстояла еще самая трудная изъ школъ, школа жизни, свѣта, времени; ибо хотя семя и заключается въ таинственной почвѣ, но плодъ принадлежитъ свѣту, свободной жизни, и полное развитіе его зависитъ не отъ одной полноты семени, но и отъ многихъ другихъ, даже внѣшнихъ обстоятельствъ. До-сихъ-поръ Галеви смотрѣлъ на искусство и на жизнь только съ поэтической стороны; могъ, погружаясь въ свою фантазію, вести чисто идеальную жизнь; теперь же ему слѣдовало перевести поэзію въ практику, обратить фантазію въ дѣйствительность; а сколько прекрасныхъ, художническихъ натуръ, сколько цвѣтущихъ талантовъ погибаетъ въ этой борьбѣ! Галеви и тутъ нашелъ въ себѣ довольно силы. Еще до отъезда своего въ Италію написалъ онъ оперу *«Цыганки»* (les Bohémiennes); ибо во Франціи и въ Италиі театръ единственное поприще, на которомъ композиторъ можетъ добиться славы, и онъ также посвятилъ себя преимущественно драматической музыкѣ. Не смо-

тра на все свои усилія, онъ немогъ добиться, чтобы эта опера была сыграна; когда послѣ многихъ трудовъ, онъ успѣлъ устранить соперничество, интриги, зависть и прочія безчисленныя препятствія, обыкновенно встрѣчающія начинающаго художника, его твореніе объявили плодомъ богатой, но слишкомъ неводержимой фантазіи, и потому негоднымъ для сцены. Возвратившись въ Парижъ, онъ опять принялся за работу, и написалъ большую оперу «*Пималионъ*,» и оперетту «*les deux papillons*», Оба сочиненія подверглись одинакой участи съ первымъ, и Галеви, чтобы не держать своихъ сочиненій у себя въ столѣ, принужденъ былъ свизойти изъ своего идеальнаго міра въ пошлую, практическую сферу искусства, въ которой движется парижская толпа. Это совершенное измѣненіе всей его художнической дѣятельности, цѣли и средствъ его стремленія, выразилось въ оперѣ *Ремесленникъ* (*l'artisan*), написанной имъ въ 1826 году, и представленной въ 1827 году на театрѣ Федо. Не говоря уже о пошлости и ничтожности либретта (соч. Сень-Жоржа,) каждый безпристрастный и умный критикъ долженъ сознаться, что въ оперѣ нѣтъ и слѣда ни истинно-художественнаго, поэтическаго творчества, ни даже прежняго глубокаго образованія молодого маэстро.

Между-тѣмъ опера довольно понравилась толпѣ; въ авторѣ стали признавать способности къ драматической музыкѣ. Это сужденіе, и уваженіе, которымъ начиналъ пользоваться въ театральномъ мірѣ Оберъ, не позволили молодому композитору сомнѣваться въ пути, которому онъ долженъ былъ слѣдовать, если хотѣлъ быть кумиромъ толпы. И съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію всѣхъ понимающихъ искусство и знающихъ собственныя силы Галеви, онъ слѣдуетъ болѣе или менѣе этому пути, отрекаясь отъ своей личности и отъ своего знанія, но не достигаетъ тѣхъ блестящихъ успѣховъ, о которыхъ можетъ быть мечталъ.—Въ слѣдующемъ же 1827 году онъ явился, къ именинамъ короля Карла X, съ новою оперою *Король и лодочникъ* (*Le roi et le batelier*). Рифо написалъ текстъ, а ему успѣхъ его *Ремесленника* доставилъ порученіе сочинить музыку. Одинъ бѣглый взглядъ на партитуру покажетъ каждому, что вся эта опера—раболопное поклоненіе вкусу времени и дерзкое поправленіе всѣхъ законовъ искусства; и при всемъ томъ музыка эта не произвела никакого впечатлѣнія, и немедленно забыта.

Галеву написали за тѣмъ еще нѣсколько мелкихъ оперъ и балетовъ, которые упрочили славу его во Франціи; нуженъ былъ особенный случай для распространенія имени его за предѣлы отечества; этотъ случай подали смерть знаменитаго автора Цампы. Герольдъ оставилъ неконченную оперу, *Людовикъ*, и Галеву поручили докончить ее. Известно, что у Герольда было ея написано очень мало, и слѣдовательно большая часть ея принадлежитъ Галеву. Однако же дирекція парижской королевской оперы, возожившая на него это порученіе, думая извлечь значительную пользу изъ имени Герольда, поставила оперу съ однимъ его именемъ, не упоминая о томъ, кто такъ удачно дополнилъ ее. Опера имѣла успѣхъ и обошла всѣ театры Германіи. Между-тѣмъ, скоро распространилась ея исторія, и такъ какъ всѣмъ навѣрное было известно, что два лучшіе нумера, именно два квартета, въ первомъ и во второмъ дѣйствіи, исключительно принадлежали Галеву, то всѣ обратили болѣе вниманія на него, и на прежнія его творенія. Тутъ же встали явились самое замѣчательное его сочиненіе, *Жидовка*. Она представлена въ первый разъ въ 1835 году, въ Académie royale de musique, и имѣла огромный успѣхъ. Она отличалась передъ всѣми прежними его сочиненіями силою, бурною фантазіею, легкостію пѣнія, и обиліемъ идей, и скоро была поставлена на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ. Притомъ Галеву, въ этой оперѣ, является не рабомъ вкуса времени, а его руководителемъ и установителемъ; мы увѣрены, что въ этомъ твореніи, въ музыкальномъ отношеніи, найдутся элементы, которые дали бы композитору значительное мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства, если бы сюжетъ не былъ такъ проникнутъ духомъ новѣйшаго французскаго романтизма; въ другой формѣ онъ могъ бы быть трагически-потрясающимъ, между-тѣмъ, какъ въ настоящей формѣ онъ противенъ образованному искусству. Этотъ фактъ подтверждаетъ то, что мы говорили выше; но, сожалѣя о томъ, что прекрасный талантъ, подобный Галеву, работаетъ передъ уродливыми причудами вкуса времени, мы не можемъ не сознаться, что Галеву этою оперою доказалъ, что онъ съ помощью другихъ могъ бы дать французской музыкѣ болѣе высокое направленіе, и вырвать ее изъ коленъ пошлости, полуобразованности и ничтожества, въ которую ее завели нѣкоторые изъ его предшественниковъ, а другіе продолжаютъ вести ее, не понимая ея высокаго назначенія; для этого, Галеву долженъ бы только отказаться отъ минутнаго торжества, покупаемаго такими средствами, которыя никакъ не спасутъ его отъ забвенія.

Какъ-бы то ни-было, но *Жидовка* открыла путь на иностранные театры всѣмъ послѣдующимъ сочиненіямъ Галеву. Вскорѣ

послѣ Жидовки явилась *Молнія* (l'Éclair); эта опера, по характеру своему совершенно противоположная первой, легкая, веселая, остроумная, была пріятнымъ доказательствомъ всесторонности и разнообразія таланта Галеви. Кто знаетъ, что значить написать такую оперу на четыре лица, на два тенора и два дисканта, тотъ пойметъ съ какими трудностями долженъ былъ бороться Галеви; доказательствомъ же удачи его служить то, что эта опера дана почти на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ послѣ Жидовки, и не поколебала славы автора. Такой же всеобщій успѣхъ имѣла его опера *Гвидо и Джиневра*, представленная въ первый разъ въ Парижѣ въ мартѣ 1838 года. Не такъ удачны были слѣдующія его двѣ оперы, комическая опера *Тринадцать* (les Treize), и большая опера *Суконщикъ* (le Drapier); послѣдняя представлена въ первый разъ въ январѣ 1840 года. Однако же должно сознаться, что въ обѣихъ много прекрасныхъ и хорошо обработанныхъ мѣстъ, и что большая часть ихъ недостатковъ происходитъ отъ того, что Галеви, заваленный работою, сталъ писать слишкомъ небрежно и поспѣшно.

Слабый успѣхъ этихъ двухъ произведеній вознаградили слѣдующія, *Карлъ VI*, *Царица Кипрская*, и *Королевины Мушкетеры*. Изъ нихъ только послѣдняя известна вѣдъ предѣловъ Франціи. Въ *Карлѣ VI* Галеви весьма удачно воспользовался исторіею сумасшедшаго короля; вся пьеса проникнута духомъ патріотизма; когда раздается хоръ возстанія противъ вліянія Англіи, даже не французъ не можетъ не раздѣлять всеобщаго восторга публики. Превосходны также—пастушескій дуэтъ, и нѣсколько нумеровъ, полныхъ нѣжной грусти. Неменѣе замѣчательна эта опера въ Парижѣ богатствомъ костюмовъ и декораціями; особенно хороша послѣдняя декорація, представляющая соборъ Сень-Дени.

Либретто *Царицы Кипрской* было сначала продано авторомъ, Сень-Жоржемъ, Мюнхенскому композитору Лахнеру, который и написалъ къ нему музыку, имѣвшую большой успѣхъ. Къ крайнему его изумленію, вскорѣ послѣ того явилась въ Парижѣ на театрѣ Académie royale de musique, опера Галеви съ тѣмъ же текстомъ, но подъ другимъ названіемъ (Лахнерова опера называется *Катрина Корнаро*). Эти двѣ партитуры недолжно сравнивать между собою; въ обѣихъ свои красоты, свои достоинства и свои недостатки, которые заключаются преимущественно въ длиннотахъ. Предметъ довольно скучный; вообще выборъ Галеви въ этомъ отношеніи почти всегда неудаченъ; *Жидовка* безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ отвратительныхъ пьесъ, а *Гвидо и Джиневра* или *Флорентинская чума* и подавно. Многіе отдають преимущество оперѣ Лахнера.

Самое счастливое произведеніе Галеви, по-успѣху, послѣдняя

его опера, *Королевины Мушкетеры*, представленная въ первый разъ въ парижской комической оперѣ въ началѣ 1846 года. Она такъ понравилась, что послѣ слишкомъ ста представленій, театръ всегда такъ же полонъ, какъ въ первые раза. Несмотря однако же на такой почти безпримѣрный успѣхъ, многіе сомнѣваются въ ея достоинствѣ, не постигаютъ восторга, возбужденнаго ею въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и другихъ городахъ, и приписываютъ его исключительно превосходной игрѣ или пѣнію исполнителей.

Исчисливъ главныя произведенія Галеви, постараемся представить въ короткихъ словахъ характеристику, и направленіе его дѣятельности.

Какъ музыкантъ, Галеви воспитанникъ Бертона и Керубини; какъ оперный композиторъ, онъ образовался по Герольду и Оберу, раздѣляетъ всѣ ихъ слабости, но безъ ихъ достоинствъ; у него болѣе знанія, болѣе обдуманности, но за то нѣтъ ихъ врожденнаго такта и ихъ игривости. Силы Галеви гораздо свѣжѣе, гибче, разнообразнѣе, и упруже силъ Обера; но ему не хватаетъ смѣлости, или, можетъ-быть, легкомыслія, чтобы совершенно предаться связывающему его вкусу времени, а съ другой стороны, не довольно у него мужества, чтобы совсѣмъ сбросить съ себя оковы, и стать выше ихъ. Что касается инструментовки, Галеви превосходить все, что сдѣлали до-сихъ-порѣ новѣйшіе французскіе драматическіе композиторы; въ употребленіи голосовъ не мѣшало бы ему обращать болѣе вниманія на требованія природы. Музыка Галеви трудна для пѣнія, требуетъ чрезвычайныхъ усилій. Немудрено, что его болѣе увлекаетъ требованіе времени, все болѣе и болѣе покоряющаго вѣшнія преграды, нежели собственная воля; какъ-бы то ни-было—это черта его музыки, и ея нельзя не осудить.

Но пора намъ возвратиться къ его біографіи, и показать положеніе его въ общественной жизни. Уже въ 1826 году дѣятельность его и богатый талантъ, доставили ему должность преподавателя гармоніи при консерваторіи, и фортепіаннаго аккомпаниста при парижской итальянской оперѣ. Въ 1829 году, по смерти Герольда замѣнилъ онъ его въ должности директора пѣнія при большой оперѣ, а въ 1833, когда Фетисъ получилъ должность въ Брюсселѣ, онъ назначенъ вмѣсто него преподавателемъ контрапункта и фуги въ консерваторіи; въ 1835 г. пожалованъ онъ орденомъ почетнаго легіона, а въ 1836, по смерти Рейхи, избранъ членомъ парижской академіи художествъ; въ 1839 году избранъ въ почетные члены нѣмецкаго національнаго союза, въ 1840 получилъ мѣсто директора музыки при герцогинѣ Орлеанской. Такая блестящая карьера въ общественной жизни довольно рѣдка въ исторіи ху-

дожниковъ, и если счастье было такъ милостиво къ нему и въ этомъ отношеніи, то мы можемъ надѣяться, что при его врожденной твердости и энергіи, и при его нестарыхъ еще лѣтахъ, онъ не достигъ еще высшаго предѣла своей художественной дѣятельности. Мы можемъ надѣяться,—хотя при теперешней жизни, такъ быстро истощающей всѣ силы, видали много примѣровъ истощенія въ людяхъ, которыхъ полагали только на первыхъ ступеняхъ настоящаго ихъ развитія.

ЛЮТЕРЪ МУЗЫКАНТЬ.

Кто незнаетъ, что Лютеръ страстно любилъ музыку, и занимался ею весьма усердно?—Недавно извѣстный музыкальный писатель Эдуардъ Фетисъ купилъ на аукціонѣ въ Антверпенѣ кшпу старыхъ рукописей, изъ которыхъ многія имѣютъ большую цѣну какъ матеріалы для исторій; между прочимъ нашелъ онъ два письма одного молодаго артиста къ своему учителю, органисту антверпенскаго собора, любопытныя тѣмъ, что онъ относятся къ музыкальной дѣятельности реформатора. Мы увѣрены, что они доставятъ удовольствіе нашимъ читателямъ. Вотъ первое:

«Моему почтенному учителю, Іоганну ванъ-Свитену.
Любезный и почтенный мой учитель

Я уже съ недѣлю живу въ Виттембергѣ, между тѣмъ какъ предполагалъ пробыть не болѣе однихъ сутокъ, только отдохнуть. И знаете, что меня задержало? Нѣтъ, и не отгадаете! Вы слышали о Лютерѣ, о томъ преступномъ еретикѣ, который проповѣдуетъ самое безбожное ученіе, и котораго повелѣнія святѣйшаго отца папы немогли до-сихъ-поръ образумить. Я видѣлся съ этимъ человѣкомъ, разговаривалъ съ нимъ, и смѣю въ томъ сознаться, хотя знаю, что поступилъ дурно. Я расскажу вамъ все, какъ было.

Я остановился въ трактиръ самаго скромнаго вилу, какъ и слѣдовало путешественнику, не имѣющему при себѣ большаго запаса денегъ. Трактирщикъ самый добрый малый и чрезвычайно разговорчивъ. По-выговору онъ догадался, что я иностранецъ и узнавъ, что я Фламандецъ, сталъ спрашивать

о религіозныхъ дѣлахъ моей родины. Между-тѣмъ какъ я удовлетворялъ его любознательность на этотъ счетъ, онъ мнѣ подливалъ прелекснаго блага вина, съ щедростью, которой объясненіе я вѣроятно найду въ его счетѣ. Въ разговорѣ я какъ-то сказалъ ему, что я по званію музыкантъ. Онъ спросилъ меня, (ибо, какъ видите, онъ нескупъ на распросы,) знаю ли я духовныя пѣсни, къ которымъ музыку сочинилъ докторъ Мартинъ Лютеръ. Я отвѣчалъ что незнаю. Онъ чрезвычайно удивился, и такъ убѣдительно объяснилъ мнѣ, что грѣхъ ихъ вѣзвать, что я принужденъ былъ согласиться идти съ нимъ къ доктору, съ которымъ онъ знакомъ, и которому онъ долженъ былъ везти ему пиво; докторъ кажется употребляетъ немалое количество этого напитка. Вы можетъ-быть скажете, что привязанность къ религіи должна бы удержать меня отъ всякихъ сношеній съ лицомъ, пользующимся такою недоброю славою; но любопытство и любовь къ искусству увлекли меня. Если я согрѣшилъ, молитесь со мною Богу, чтобы онъ простилъ мое прегрѣшеніе. Я остался твердъ въ своей вѣрѣ, несмотря на все, чего насмотрѣлся и наслышался, противнаго нашей святой религіи. И это уже самое не должно ли мнѣ поставить въ заслугу?

И такъ, я отправился съ своимъ хозяиномъ къ доктору Мартину Лютеру, въ августинскій монастырь, въ которомъ онъ остается одинъ съ настоятелемъ, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ монахи вышли. Когда мы пришли, докторъ былъ въ саду и ухаживалъ за цвѣтами, до которыхъ онъ, по словамъ моего хозяина, страстный охотникъ; онъ полоть грядку фіялокъ, наполнявшихъ воздухъ своимъ ароматомъ. На почтительный поклонъ моего трактирщика Шульца, Лютеръ отвѣчалъ такимъ же поклономъ, и узнавъ, что я фламандскій музыкантъ, принялъ меня очень ласково, говоря, что очень уважаетъ нашихъ артистовъ. Онъ повелъ насъ въ чистенькую но простую квартиру, которую занимаетъ въ августинскомъ монастырѣ, и показалъ намъ свои три комнаты. Первая комната служитъ ему рабочимъ кабинетомъ, и вмѣстѣ пріемною; по стѣнамъ, окрашеннымъ бѣлою краскою, развѣшены портреты ученика его Меланхтона, портреты курфирста Фридриха, и, едва смѣю писать, карриатуры на святѣйшаго отца папу. На дубовыхъ полкахъ стоятъ въ безпорядкѣ небольшое число книгъ, все богословскихъ. Свѣтъ проникаетъ сквозь раскрашенныя стекла, и даетъ комнатамъ са-

мый веселый видъ, У двери, между различно-убранныхъ трубокъ, висятъ флейта и гитара. Докторъ Лютеръ играетъ на обоихъ инструментахъ; я это узналъ отъ него самого; вотъ собственныя его слова.

«Вотъ два товарища, сказалъ онъ, разделяющіе все мои труды. Когда я устану писать, когда голова моя отяжелѣетъ, или когда дьяволъ придетъ сыграть со-мною какую-нибудь свою штуку, я беру флейту, и играю чтонибудь. Мысли мои тотчасъ освѣжаются, какъ цвѣтокъ въ водѣ, дьяволъ обращается въ бѣгство, и я съ новою ревностью принимаюсь за дѣло. Музыка небесный даръ;—человѣкъ безъ помощи Божіей, никогда-бы не изобрѣлъ ея. Нѣтъ лучшаго средства удалить дурныя мысли, поползновенія къ гнѣву, честолюбивыя помыслы, преступныя пожеланія. Это самый вѣрный голосъ, которымъ человѣкъ можетъ перелавать Богу свои страданія, скорби, любовь свою и благодарность; это языкъ ангеловъ на небесахъ, и древнихъ пророковъ на землѣ.»

Мнѣ пріятно было слушать подобное сужденіе объ искусствѣ, съ которымъ вы меня познакомили; жаль только, что удовольствіе мое было нарушаемо мыслью, что слова эти выходили изъ устъ еретика! Докторъ Мартинъ предложилъ намъ выпить вина, на что мы съ радостью согласились, потому-что было очень жарко. Онъ самъ пошелъ на погребъ, и принесъ намъ такого чудеснаго вина, какого я отроду не пивалъ; это была малвазія. Докторъ просилъ насъ не щадить его вина, говоря, что у него большой запасъ, потому-что курфирстъ подарилъ ему все вино, бывшее въ монастырскихъ погребахъ, во время секуляризаціи монаховъ. Чтобы принудить меня выпить свой стаканъ, онъ выпилъ за здоровье всехъ музыкантовъ нашей страны, и въ особенности знаменитаго Юскина. Между прочимъ сказалъ онъ о немъ: «Юскинъ повелѣваетъ звукомъ, между-тѣмъ какъ другіи повелѣваетъ звукомъ.» Далѣе онъ говорилъ: «Я не люблю тѣхъ, кто не любитъ музыки, этого небеснаго искусства, разсѣвающаго все скорби и страданія сердца. Я желалъ бы, чтобы люди пили часто, какъ можно чаще. Каждый школьный учитель долженъ быть музыкантомъ; не должно бы позволять проповѣднику всходить на кафедру, пока онъ не выучился пѣть. Съ этими словами докторъ запѣлъ духовную пѣснь, которой, по словамъ трактирщика «*Благое медведя,*» онъ самъ сочинилъ

и слова и голосъ, и которую онъ пѣлъ въ первый разъ при въѣздѣ своемъ въ Вормсъ.

Мартинъ Лютеръ хотѣлъ познакомить меня, какъ музыканта, съ переменами, введенными имъ въ церковное пѣніе. Трактирщикъ уже ушелъ, и я оставался одинъ съ знаменитымъ еретикомъ, передъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей нотъ. Глаза мои обратились на прекрасное распятіе изъ слоновой кости, изваянное какимъ-то Нюрембергскимъ художникомъ; я молилъ Спасителя простить меня въ томъ, что я осмѣливался обратить вниманіе свое на это дѣло ереси; но я рассматривалъ его только какъ художникъ, и сосредоточилъ все свое вниманіе на одни голоса, не занимаясь текстомъ.

Вы не узнали-бы въ пѣсенникѣ новой церкви музыку, которую мы оба считаемъ единственною, истинною церковною музыкаю, и къ которой вы такъ привыкли, исполняя ее уже тридцать лѣтъ подъ сводомъ нашего дивнаго Антверпенскаго собора. Докторъ уничтожилъ всѣ пѣсни въ честь св. Богородицы, похоронныя службы и многія другія. Изъ старыхъ духовныхъ пѣсень онъ сохранилъ только тѣ, которыя воспѣваютъ хвалу Всевышняго, или выражаютъ благодарность людей за его благодѣянія. Два года тому назадъ здѣсь издано, подъ руководствомъ самого доктора Лютера, собраніе пѣсень, которыя должны быть пѣты во-время литургіи по новому закону; это собраніе состоитъ въ двухъ томахъ, подъ названіемъ *Formulae missae et communionis pro ecclesia*. Латинскій языкъ въ большей части этихъ пѣсень замѣненъ нѣмецкимъ; скоро онъ будетъ пожалуй совсѣмъ вытѣненъ. Мнѣ однакоже кажется, что латинскій языкъ такъ роднится съ церковною музыкаю, что раздѣлять ихъ—варварство. Я люблю свой родной языкъ, наше древнее фламандское нарѣчіе; но я не желалъ-бы, чтобы онъ заступилъ въ богослуженіи мѣсто благороднаго, звучнаго, торжественнаго языка латинскаго. Любя истину, я долженъ сказать вамъ, что докторъ Лютеръ не волюнъ изгоняетъ старыя латинскія духовныя пѣсни. Онъ самъ говорилъ мнѣ: «Я первый осуждаю тѣхъ, которые изъ неумѣреннаго усердія, вовсе изгоняютъ изъ церкви всякія латинскія пѣсни, считая ихъ противными духу Евангелія; но и тѣ, которые допускаютъ одні латинскія пѣсни, такъ же неблагоразумны; ибо латинскія пѣсни не могутъ служить

къ поученію народа. Нѣмецкіе псалмы всѣхъ полезнѣе въ богослуженіи, латинскіе годны только для ученыхъ, и для упражненія молодежи.» Вы сами догадаетесь, почтенный учитель, что я обратилъ особое вниманіе на признаніе доктора о пользѣ латинскихъ пѣсенъ, но отвергъ вредныя ученія его о нѣмецкой литургіи.

Жаль, что Лютеръ не сочиняетъ мотетовъ, мадригаловъ и простыхъ пѣсенъ вмѣсто своихъ еретическихъ гимновъ которыхъ добрый христіанинъ не можетъ слушать, не грѣша противъ религіи и папы. Я это говорю, потому-что это правда, этотъ человекъ—музыкантъ отъ природы. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что учился этому искусству съ самаго дѣтства; сначала въ коллегіумъ Мансфельда, потомъ въ Эйзенахъ, гдѣ онъ былъ даже хористомъ. Вы бы невольно подивились его гимнамъ и одамъ, если бы послушали, какъ онъ самъ поетъ ихъ; ибо у него прекрасный голосъ. И не думайте, чтобы онъ просто только любилъ музыку, или ограничивался поверхностнымъ знаніемъ ея; онъ посвященъ во всѣ тайны нашего искусства. «Какъ скоро занятія мои даютъ мнѣ сколько нибудь свободы, говорилъ онъ мнѣ, или какъ скоро я чувствую необходимость въ разсѣяніи, я принимаюсь за музыку, самъ играю или слушаю другихъ. Я посвящаю этому прекрасному искусству вечера, которыя провожу съ пріятелями; мы поемъ мотеты Юсиква и другихъ великихъ мастеровъ.»

Вы можете быть меня осудите, но я долженъ сознаться, что на другой день послѣ перваго моего свиданія съ докторомъ Мартиномъ, я принялъ приглашеніе его, отобѣдать у него. Я явился къ нему въ двѣнадцать часовъ, и мы немедленно сѣли за столъ. Я былъ съ нимъ не наединѣ: съ нами обѣдали двое его пріятелей, его жена, и дѣти; вѣдь вы знаете, что онъ женатъ. Мнѣ было довольно неловко, когда я думалъ, что я, вѣрный католикъ, обѣдаю въ такомъ обществѣ еретиковъ; но я вамъ уже говорилъ, что отдѣляю художника отъ отступника—монаха, и обѣдалъ у художника, а не у ересіарха. Обѣдъ былъ простъ, но опрятенъ; блюды были немноги, но за то вина было въ изобиліи, и вино чудесное. За обѣдомъ разговаривали обо-всемъ, о религіи, о монахахъ, о папѣ, котораго временное духовное владычество должно пасть не сегодня такъ завтра, если вѣрить этимъ отступникамъ. Я дѣлалъ что могъ, чтобы не слы-

хатъ этихъ еретическихъ сужденій. Докторъ, замѣчая мое смущеніе, часто посматривалъ на меня, улыбаясь; но онъ ни разу не обращалъ рѣчи ко мнѣ съ прямыми нападеніями на мое вѣрованіе. Мнѣ стало легче, когда разговоръ обратился на мірскія дѣла, на женщинъ и даже на дьявола. Кто-то заговорилъ о пляскѣ, и спросилъ, грѣшна ли она? Лютеръ отвѣчалъ: «Не знаю, была ли пляска у Евреевъ. Но у насъ пляшутъ съ поконъ-вѣку, в отъ нея ихъ никому небыло вреда; съ меня довольно. Пляска такая же потребность, какъ потребность наряда въ женщинахъ, и потребность объѣда во всѣхъ насъ. Право, я не вижу, за что бы запрещать пляску; если пляшущій грѣшитъ, этому виновата не пляска, онъ сталъ бы грѣшить и безъ нея; пляшите же себѣ въ волю, дѣтушки.»

Другой собесѣдникъ изъявилъ сомнѣніе въ безвредности театральныхъ представлений. Онъ отвѣчалъ, что находить это удовольствіе нисколько не предосудительнѣе пляски. «Не должно, говорилъ онъ, осуждать театра, потому-что на немъ говорятся иногда непристойныя вещи.—Но никакое увеселеніе, продолжалъ онъ, не можетъ сравниться съ музыкою. Вышлемъ же за музыку; она дѣлаетъ людей лучшими, смягчаетъ ихъ нравы; она самый цѣлительный бальзамъ для скорбящихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ, любящей музыку, находятся зародышъ всѣхъ добродѣтелей; кого же она не трогаетъ, того можно сравнить развѣ только съ кускомъ дерева, или съ камнемъ. Юношей должно воспитать въ этомъ искусствѣ, которое составляетъ ихъ мужами, и внушить имъ любовь къ добродѣтели.» Разумѣется, я опорожнилъ стаканъ однимъ залпомъ; я радовался, что уже не слышу прежнихъ вредныхъ рѣчей, и что разговоръ обращается на предметъ, въ которомъ мнѣ можно слѣдить за нимъ безъ зазрѣнія совѣсти. За десертомъ принесли голоса одного собранія мотетовъ Юскина, и мы всѣ стали пѣть ихъ со всѣмъ благоговѣніемъ, какого заслуживаютъ творенія великаго художника, котораго можно назвать царемъ музыки.

Отобѣдавъ, мы встали изъ-за стола и пошли гулять въ садъ. Погода была чудесная; воздухъ былъ пропитанъ иѣжнымъ ароматомъ фіалокъ, розъ и каприфоли. Докторъ Мартинъ показалъ намъ свои цвѣты, обращая въ особенности вниманіе наше на тѣ, которые стояли ему большихъ хлопотъ, и которые онъ по этому само-

му предпочиталъ другимъ. Потомъ онъ предложилъ намъ играть въ его любимую игру, въ кегли. Онъ снялъ кафтанъ, мы последовали его примѣру, и стали играть. Лютеръ мастеръ играть въ кегли; онъ всѣхъ насъ обыгралъ. Одинъ ученикъ его Меланхтонъ можетъ съ нимъ состязаться; но онъ все-таки далеко ему уступаетъ. Докторъ сказалъ намъ, улыбаясь: «Меланхтонъ лучше меня знаетъ по-гречески; за то въ кегли я его заткну за поясъ.»

Вотъ, любезный мой учитель, что я могу сказать вамъ о человѣкѣ, котораго недобрая слава наполняетъ всю Германію, и котораго я никакъ недумалъ видѣть такъ близко, когда отправлялся въ эту страну. Когда увидите съ господиномъ священникомъ прихода св. Богородицы, не говорите ему, что я сидѣлъ за столомъ Лютера; это огорчитъ его, а онъ всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ. Затѣмъ, прощайте и будьте здоровы.

Незабудьте меня въ своихъ молитвахъ.

Иеронимъ Коксъ.»

Другое письмо, не менѣе любопытное, описываетъ вечеръ въ гостинницѣ *Чернаго Орла*, гдѣ молодой Антверпенскій художникъ видѣлъ Лютера въ кругу главныхъ его учениковъ.

«Докторъ Лютеръ проводитъ вечера всегда въ гостинницѣ *Чернаго Орла*, въ общей залѣ; трактирщикъ тщательно бережетъ для него всегда тотъ же столъ и тотъ же стулъ, и скорѣе лишится всѣхъ своихъ посѣтителей, чѣмъ отдастъ другому его обычное мѣсто; ибо такого постоянного посѣтителя, по словамъ его, у него еще небывало. Здѣсь Лютеръ держитъ свои вечернія бесѣды, т. е. принимаетъ своихъ учениковъ и противниковъ, друзей и враговъ, и просто—любопытныхъ подобно мнѣ, желающихъ посмотрѣть вблизи на такого знаменитаго человѣка. Онъ звалъ меня туда, и я, разумѣется, воспользовался его приглашеніемъ.

Зала *Чернаго Орла* похожа на наши Антверпенскіе трактиры; посѣтители сидятъ вокругъ небольшихъ, чисто накрытыхъ столовъ, и пьютъ домашнее вино или пиво. Лютеръ пьетъ всегда пиво; такъ, что его нѣкоторые насмѣшники даже прозвали *папа-пиво*. Когда я вошелъ, онъ подносилъ ко рту большую глиняную стопу, украшенную антирелигіозными рисунками и надписями. Онъ обратился ко мнѣ, подозвалъ меня, и представилъ меня окружающимъ его людямъ, въ числѣ которыхъ были, какъ я узналъ впоследствии, Филиппъ Меланхтонъ, Юстъ Иона, Аурифаберъ и Жангъ. Меня нѣсколько смутило это представленіе людямъ, которыхъ я не зналъ, и которые меня не знали. Какъ скоро докторъ объявилъ, что я Фламанецъ и музыкантъ, всѣ наперерывъ стали ласкать меня, и пить за мое здоровье. Богъ знаетъ, какъ-бы я дотащился

домой, если бы долженъ опорожнить стаканъ съ каждымъ, кто пилъ мое здоровье. Я обыкновенно ограничивался однимъ глоткомъ ихъ пива, которое по моему, далеко отъ того, которое продается въ нашихъ трактирахъ. Я очень обрадовался, когда всѣ эти вѣжливости кончились, и я могъ спокойно наблюдать происходившее вокругъ меня.

Докторъ сначала говорилъ о дьяволѣ. Высказавъ нѣсколько престранныхъ сужденій, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Дьяволъ духъ скорбящій; онъ посылаетъ на людей скорбь, и терпѣть не можетъ, чтобы они веселились. Поэтому-то онъ тотчасъ убѣгаетъ, какъ скоро услышитъ музыку, и никогда не остается тамъ, гдѣ поютъ благочестивыя пѣсни. Такимъ образомъ Давидъ звуками своей арфы избавилъ Саула отъ преслѣдованій сатаны. Музыка даръ Божій, ненавистный злему духу, и потому можетъ быть употребляема съ пользою для удаленія помысловъ и искушеній, которыя онъ посылаетъ на насъ. Однажды дьяволъ до того разстроилъ мою память, что я забылъ молитвы. Я спѣлъ духовную пѣснь, и память моя тотчасъ возвратилась.» Потомъ онъ рассказывалъ еще нѣсколько сказокъ о дьяволѣ, годныхъ, по моему, скорѣе для забавы дѣтей, нежели для поученія разумныхъ людей; но ученики его слушали его съ довѣрjemъ и благоговѣнjemъ.

Докторъ обратился опять къ музыкѣ, вѣроятно изъ уваженія ко мнѣ, и моему званію. Онъ сказалъ: «Государи должны бы поощрять музыку, потому-что они обязаны поощрять всѣ свободныя искусства, наравнѣ съ полезными науками. Частные люди могутъ любить искусства и наслаждаться ими, но они не имѣютъ достаточно средства, чтобы содѣйствовать ихъ развитію. Библия научаетъ насъ, что мудрые и благочестивые цари держали при себѣ пѣвцовъ. Музыка одна доставляетъ дѣйствительное утѣшеніе скорбящимъ душамъ; она оживляетъ сердце и возвращаетъ ему покой; какъ сказалъ Вергилій: *Tu salamos inflare leves, ego dicere versus.* Музыку можно назвать наставницею людей; она приучаетъ ихъ къ кротости и любезности, внушаетъ имъ скромность, и развиваетъ ихъ умственные способности. Плохіе музыканты и пѣвцы еще болѣе доказываютъ красоту и величіе музыки; ибо бѣлое никогда не бываетъ такъ ярко, какъ подлѣ чернаго.»

Согласитесь, что если Лютеръ говорить нехлѣбности, когда зайдетъ рѣчь о дьяволѣ, то о нашемъ искусствѣ нельзя говорить умнѣе его. Потомъ онъ заговорилъ о предметахъ, не столько занимавшихъ меня, и часто высказывалъ такія сужденія, которыхъ я немогъ понять толкомъ. Одинъ молодой человѣкъ, замѣтивъ, что я разсѣянно слушаю богословскія разсужденія доктора съ учениками, подошелъ ко мнѣ, и сталъ со мною говорить. Онъ объяснилъ

мнѣ, что онъ также музыкантъ, и спросилъ, не хочу ли я быть другомъ его, изъ любви къ искусству. Мнѣ понравилась его открытость, и я почувствовалъ къ нему такое же влеченіе, какое привело его ко мнѣ; нѣсколько минутъ спустя, мы были уже точно давнишніе друзья. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ ученикъ Конрада Румпфа, и очень удивился, когда я сказалъ ему, что это имя мнѣ незнакомо. Онъ показалъ мнѣ его подлѣ Лютера, и сказалъ: «Конрадъ Румпфъ одно изъ свѣтилъ музыки въ настоящее время; онъ занимается, вмѣстѣ съ Іоганномъ Вальтеромъ, этимъ строгимъ лицомъ, что сидитъ противъ доктора, должность преподавателя пѣнія и капельмейстера при курфирствѣ Саксонскомъ. Когда нашъ великій Лютеръ сталъ сочинять нѣмецкую литургію, онъ писалъ къ курфирсту Іоганну, чтобы онъ прислалъ къ нему Румпфа и Вальтера для совѣта по музыкальной части. Чтобы васъ немедленно познакомить съ нашими славными композиторами, я прошу васъ еще взглянуть на того краснолицаго человѣка, который смѣется, наклоняясь къ сосѣду; это Георгъ Рау, тотъ самый, который за нѣсколько лѣтъ дирижировалъ въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ въ школѣ св. Тѳомы, двѣнадцати-голосную миссу и Те Деумъ, спѣтые по случаю славнаго спора доктора съ Іоганномъ Экомъ.

Вы вѣроятно не знаете даже именъ этихъ композиторовъ, которые однако же пользуются громкою славою въ Германіи. Причиною этому то, что они пишутъ не мотеты и не мадригалы, а гимны, которыхъ въ нашей правовѣрной Фландріи не поютъ и вѣроятно никогда не будутъ пѣть. Лютеръ, по словамъ моего новаго знакомаго, всегда совѣтовался съ Румпфомъ и Вальтеромъ въ своихъ музыкальныхъ нововведеніяхъ, и ничего не рѣшалъ безъ ихъ одобренія; но такъ-какъ всѣ его предложенія были столько близки къ совершенству, какъ только человѣку дано подходить къ нему, то совѣтникамъ его оставалось по большей части одобрять его начертанія, и переписывать музыку, имъ сочиненную; въ чемъ они и сами сознаются, ибо они болѣе дорожатъ его славою, нежели собственной своею. — Между-тѣмъ, какъ мы бесѣдовали, человѣкъ, въ которомъ мой товарищъ показалъ мнѣ передъ тѣмъ Вальтера, подошелъ къ намъ, и сказалъ: «мы съ Румпфомъ никогда не забудемъ своихъ сощаній съ докторомъ, когда онъ призвалъ насъ для составленія литургіи новой церкви. Каждое его слово было лучемъ свѣта развѣвавшимъ мракъ сомнѣнія въ разбираемомъ вопросѣ. Онъ присвоилъ посланію восьмой тонъ, а Евангелію шес-

той, говоря: «Слова Іисуса Христа кротки и нѣжны, по этому мы посвятимъ Евангелію восьмой токъ; св. Павелъ апостолъ суровый, мы употребимъ для посланія шестой токъ. Онъ сочинилъ музыку къ посланіямъ и евангеліямъ, пропѣлъ ее мнѣ, и спросилъ моего совѣта. Недѣли три держалъ онъ меня въ Виттембергъ для переписки его музыки; я разстался съ нимъ только тогда, когда первая нѣмецкая литургія была совершена въ приходскихъ церквахъ. Я долженъ былъ вести въ Торгау подробный отчетъ о результатѣ нашихъ трудовъ, и представить его государю отъ имени доктора.»

Тутъ прервалъ нашъ разговоръ сильный голосъ, отъ котораго задрожали стѣны *Чернаго Орла*. «Вальтеръ, Вальтеръ!» Это былъ голосъ доктора, выходившаго изъ терпѣнія, отъ невниманія своего прежняго совѣтника, котораго онъ уже звалъ нѣсколько разъ, и который неслыхалъ его, завлекшись бесѣдою съ нами. «Вальтеръ, сказалъ докторъ, хвалить музыку недостаточно, надо прилагать правила къ дѣйствительности, и вмѣсто пустыхъ словъ—пѣть. Чортъ пожалуй теперь смотреть, какъ мы, великіе богословы, осушаемъ пивныя кружки, и смѣется себѣ изъ-за угла. — Если смѣется, такъ не надъ вами, подхватилъ Меланхтонъ, предпочитающимъ бутылку стараго вина бочкѣ пива, хотя бы и Эмбекскаго, въ чемъ, скажу мимоходомъ, я съ вами несогласенъ. — Поменьше будетъ смѣяться дьяволъ, когда мы будемъ пѣть, ибо, я вамъ уже говорилъ, что дьяволъ творецъ беспорядка и раздора, боится музыки, символа порядка и гармоніи. Будемъ пѣть; разверните свои голоса и пойте за-мною. *Mensch, willst du leben.*» Всѣ ученики окружили своего учителя, и запѣли съ нимъ назначенную имъ мелодію. Что за дивное пѣніе! что за мастерская гармонія! никогда я неслыхалъ музыки, доставившей мнѣ болѣе удовольствія. Слезы выступили у меня на глаза; докторъ это замѣтилъ и протянулъ мнѣ руку; я схватилъ и, признаюсь, сжалъ ее, несмотря на то, что это была рука ересіарха. Послѣ этого гимна собственнаго его сочиненія, Мартинъ шепнулъ нѣсколько словъ окружавшимъ его и они запѣли другую пѣсню, въ которой я съ первыхъ нотъ узналъ мадригалъ Роланда-де-Латтра. Они изъ уваженія ко мнѣ, пѣли произведеніе моего соотечественника, и какого соотечественника? того, котораго всѣ называли царемъ музыкантовъ своего времени! Когда они кончили, я поблагода-

рилъ ихъ какъ умѣлъ; хвалилъ ихъ прекрасные голоса; и дѣйствительно я никогда неслыхалъ такихъ звучныхъ голосовъ, даже между нашими соборными пѣвчими.

Докторъ Мартинъ съ энтузіазмомъ говорилъ объ этомъ мадригалѣ. «Если Богъ даруетъ намъ подобныя высокія наслажденія въ настоящей жизни, которая ничто иное, какъ грязная яма, что-же будетъ въ вѣчности, когда все будетъ безконечно совершенно? Возможность безпрестанно слушать превосходную музыку, исполняемую дивными голосами и совершеннѣйшими инструментами, — величайшее блаженство, какое Богъ можетъ готовить вѣдшимъ прѣведную жизнь на землѣ.»

Кто-то представилъ Лютеру молодаго человека, желавшаго быть школьнымъ учителемъ. Докторъ спрашивалъ его о его ученіи, и получилъ удовлетворительные отвѣты; наконецъ онъ спросилъ его, знаетъ-ли онъ музыку, на что тотъ боязливо отвѣчалъ, что не знаетъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Лютеръ, и не думайте о мѣстѣ учителя, или по-крайней-мѣрѣ не надѣйтесь на мое содѣйствіе. По моему мнѣнію музыка должна занимать главное мѣсто въ воспитаніи дѣтей, и хорошій школьный учитель долженъ непременно знать ее. Если бы всѣ раздѣляли мое мнѣніе по этому предмету, то въ скоромъ времени вся Германія стала бы заниматься музыкою.» Молодой человекъ удалился съ прискорбіемъ, но безъ всякой досады на того, кого здѣсь всѣ считаютъ отцомъ.

Между-тѣмъ на городскихъ часахъ пробіло десять. Лютеръ никогда не выходитъ изъ гостиницы *Чернаго Орла* ни ранѣе, ни позднѣе этого времени. Онъ всталъ, и, простившись дружески со всеми присутствовавшими, вышелъ. Большая часть учениковъ проводилъ его до-дому. Я пошелъ за ними. Когда я возвращался къ себѣ домой, Рау, издатель сочиненій Лютера, и самъ сочинитель, нагналъ меня. Онъ пригласилъ меня на другой день посѣтить его типографію, обѣщая показать мнѣ въ корректурныхъ листахъ новое собраніе духовныхъ пѣсенъ Лютера, которое скоро должно выдти изъ печати.

Я отправился въ условенный часъ къ Георгу Рау. Онъ показалъ мнѣ не только обѣщавное сочиненіе, но и полное собраніе сочиненій Лютера, имъ составленное, и какого вѣроятно ни у кого не найдется кромѣ его. Я просмотрѣлъ все собраніе, и признаю, талантъ доктора Мартина явился мнѣ еще боль-

шимъ противъ прежняго. Въ мелодіи его встрѣчаются иногда слѣды старинныхъ католическихъ духовныхъ пѣсень, которыя онъ часто пѣвалъ, въ школахъ и въ монастырѣ; но по большей части онъ оригинальны. Противники его утверждали, говорилъ мнѣ Рау, будто онъ почти всегда ограничивался замѣною латинскихъ словъ нѣмецкими, но очень мало измѣнялъ въ музыкѣ, выдавая ее за свою. Я могу увѣрить васъ въ несправедливости этихъ отзывовъ. Знаніе музыки, которымъ я обязанъ вамъ, даетъ мнѣ возможность судить его произведенія. Одинъ ученикъ его говорилъ мнѣ, что онъ не позволялъ примѣнять нѣмецкія слова къ музыкѣ, писанной къ латинскому тексту. И текстъ, и мелодія, и рифмъ, все, по мнѣнію его, должно быть народно. Неправда-ли, что уже довольно много упрековъ можно слѣзать Лютеру, довольно лежитъ на немъ грѣховъ его противъ святой церкви; зачѣмъ еще отнимать у него достоинство музыканта? Вотъ что справедливо; что онъ не разъ въ своихъ духовныхъ пѣсняхъ употреблялъ народные нѣмецкіе напѣвы; но нельзя предполагать, чтобы онъ хотѣлъ ихъ выдать за свои сочиненія, ибо они всѣмъ извѣстны, и никто не подумалъ бы приписывать ихъ ему; къ тому же, если не онъ сочинилъ самыя напѣвы, то онъ сочинилъ дивную гармонію, составляющую главную ихъ красу. Незнаю, какъ будетъ потомство судить Лютера за его дѣйствія противъ матери своей, святой католической церкви; но я убѣжденъ, что всегда будутъ считать его великимъ музыкантомъ.

Готовясь выѣхать изъ Виттемберга, я зашелъ къ доктору, проститься съ нимъ. Онъ принялъ меня также дружелюбно, какъ и въ первый разъ. При прощаніи, онъ подарилъ мнѣ новую духовную пѣснь, только-что имъ сочиненную, и писанную собственною его рукою, и просилъ хранить ее на память, если не изъ дружбы къ нему, то изъ любви къ искусству, которымъ мы оба занимаемся. Посылаю вамъ эту рукопись, чтобы вы сами посудили, ошибся ли я, говоря что Лютеръ мастеръ въ дѣлѣ музыки.

Прощайте любезный учитель, забывайте своего благодарнаго ученика.

Иеронимъ Кохсъ.»

Рукопись Лютера, о которой упоминается въ письмѣ, не могла не подстрекнуть любопытство Фетиса, посвятившего всю

свою жизнь музыкѣ, и столько лѣтъ разбиравшаго старинныя, загадочныя музыкальныя памятники. Но успія его до-сихъ-поръ остались безъ успѣха; рукопись нигдѣ не отыскивается. Онъ впрочемъ не совсѣмъ еще отказался отъ своей надежды.

ЛЕВЕРЬЕ.

Урбенъ-Жанъ-Жозефъ Леверье, котораго имя въ столь короткое время озарилось такою громкою славою, родился въ Сень-Ло, 11 марта 1811 года; отецъ его былъ чиновникъ въ главноуправленіи государственныхъ имуществъ. Съ дѣтства отличался онъ провинцательнымъ умомъ, желѣзнымъ трудолюбіемъ, и успѣхами въ наукахъ, въ особенности въ филологіи и риторикѣ. Не такъ удачны были его философскія занятія въ Канъ; два раза не удалось ему выдержать экзамена; весьма любопытно, что профессора въ своей школьной премудрости рѣшили, что онъ не имѣлъ никакихъ способностей къ математикѣ. Кто бы сказалъ тогда, что изъ него выйдетъ знаменитый астрономъ! Но эти неудачи не лишили его мужества, и онъ скоро доказалъ, что если онъ не успѣвалъ въ провинціальной школѣ, то только потому, что пылкій умъ его немогъ сносить оковъ стараго школьнаго ученія. Онъ отправился въ Парижъ, и поступилъ въ Collège Louis-le-Grand, гдѣ самымъ блистательнымъ образомъ явилъ свои необыкновенныя способности. При выпускѣ, въ 1831 году, онъ получилъ первую награду за математику; въ политехнической школѣ онъ былъ также постоянно изъ первыхъ учениковъ. Желаніе продолжать свои ученныя занятія въ Парижѣ, побудило его принять мѣсто въ управленіи табачнаго акциза; черезъ два года, принужденъ онъ выбирать между мѣстомъ въ провинціи и отставкою; онъ рѣшился на послѣднее. Скоро удалось Леверье получить выгодное мѣсто въ качествѣ учителя; свободныя минуты посвящалъ онъ на химическія изслѣдованія. Въ 1836 году написалъ онъ статью о фосфорѣ, напечатанную въ *Annales de Chimie*, издававшихся подъ редакціею Араго и Гей-Люсака, а частью и въ англійскомъ переводѣ въ *Philosophical Magazine*. Потомъ онъ посвятилъ себя пе-

ключительно астрономіи, и заслужилъ на этомъ поприщѣ уваженіе всѣхъ ученыхъ статьею о планетной системѣ, въ которой онъ весьма удачно опровергалъ гипотезу Понтекулана, добивавшагося въ одно съ нимъ время мѣста въ парижской академіи наукъ. Разумѣется, что Леверье остался побѣдителемъ; это было въ 1846 году. Съ-тѣхъ-поръ Леверье исключительно обратилъ свои изслѣдованія на планету Уранъ. Неправильное движеніе этой планеты навело его на мысль, что отступленія ея должны происходить отъ вліянія неизвѣстной еще планеты. Гипотезу эту слѣдовало подтвердить весьма точными и многосложными вычисленіями, и рѣшеніе этой задачи поставило молодого ученаго въ ряду первыхъ астрономовъ нашего времени. Заслуги Леверье доставили ему крестъ почетнаго легіона и мѣсто профессора въ Collége de France. Открытая имъ планета названа Нептуномъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Статистика Лондона. Въ Лондонъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается 1,873,676 жителей; въ томъ числѣ должно замѣтить: 19,400 нищихъ, 8043 человека войска, 843 духовныя особы, 175 журналистовъ, 163 писателя, изъ которыхъ 12 женщинъ. Въ Англіи и Валлисѣ приходится среднимъ числомъ на 100 акровъ 43 человека жителей; на 10,000 жителей ежегодно 78 браковъ, 319 рожденій, 221 смерть и 1850 жилищъ. Въ Лондонѣ болѣе 22,000 человекъ проводятъ ночь на сновалахъ, въ палаткахъ или подъ открытымъ небомъ.—Въ Шотландіи на 2,620,184 жителя, всего,—17,799 нищихъ.

Въ Лондонѣ 70 Ивановскихъ улицъ, 47 Джемсовыхъ, 52 Королевскія, 44 Новыя, 46 Королевиныхъ, 30 Йоркскихъ, и 15 Веллингтоновыхъ улицъ.—Очень пріятно бядняку, который въ нуждѣ станетъ отыскивать пріятеля, о которомъ знаетъ только, что онъ живетъ въ Королевской улицѣ, въ домъ подъ № 10, объѣзжаетъ понапрасну 51 улицу, и въ 52-й узнаетъ, что пріятель его съехалъ!

Альберто Нота, известный итальянскій комическій писатель недавно скончался въ Туринѣ, 72 лѣтъ. Онъ родился въ Туринѣ, 14 ноября 1775 года. Сначала онъ посвятилъ себя изученію законовъ, и на девятнадцатомъ году получилъ ученую степень. Еще въ дѣтствѣ питалъ онъ страсть къ драматическому искусству; въ домѣ родителей былъ у него кукольный театръ, для котораго онъ писалъ пьесы, и представлялъ ихъ съ помощью своихъ школьныхъ товарищей. Потомъ онъ образовался изученіемъ Мольера и Гольдони. Многія его комедіи имѣли большой успѣхъ не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ, частью въ переводахъ, частью въ предѣлкахъ. Лучшія его произведенія: «Le Risoluzioni in amore; La vedova in solitudine; Alamina, ossia costanza rara; Ivacitanti per passatempo; Il bibliomaniaco. Успѣхи Ноты возбудили зависть его соперниковъ, которые не только стали нападать на его произведенія, но не пощадил даже его личности; эта война на перьяхъ продолжалась нѣсколько лѣтъ. Заслуги Ноты неоспоримы, когда вспомнишь, что онъ выступилъ на поприще драматической литературы въ то время, когда драмы Федеричи и Авеллони совершенно испортили вкусъ итальянской публики. Онъ далъ другое направленіе общественному вкусу, и воскресилъ почти забытаго уже Гольдони.

Оцѣнка женщинъ. Знаменитаго философа Руссо спрашивали однажды, какими свойствами должна быть одарена дѣвушка, чтобы составить счастье мужа? Онъ немедленно написалъ слѣдующую таблицу цѣнности женщины: красота=0, знаніе хозяйства=0, образованіе ума=0, деньги=0, доброе сердце=1. Если у дѣвушки, напримѣръ, одно доброе сердце, она равна 1; если къ нему она присоединяетъ еще красоту, или деньги, она равна 10; если соединяетъ нѣсколько качествъ, то можетъ цѣнитьсяся во 100, въ 1000; если же всѣ, то въ 10,000. Но всѣ эти качества, безъ добраго сердца, будутъ одинъ рядъ нулей. Такъ судили во времена Руссо; нынче таблица останется таже, съ одною только переменною; именно нынче деньги=1, а все остальное=0.

Начало балетнаго искусства, имѣющаго такихъ же жаркихъ почитателей, какъ и самая музыка, принадлежитъ къ самой

глубокой древности. Одинъ французскій журналъ говоритъ, что древнѣйшіе слѣды его находятся у Египтянъ. Они слѣдали балетъ съ своими религіозными обрядами; онъ представлялъ гіероглифическія фигуры и выражалъ движеніе небесныхъ тѣлъ. Греки перебрали религіозныя пляски египтянъ въ свои драматическія представленія. Впослѣдствіи эти сценическія пляски утратили свой астрономическій смыслъ и получили значеніе историческое; они стали представлять запутанныя пути лабиринта. Римляне страстно любили сценическія пляски. По разрушеніи западной римской имперіи слѣдъ балета терлется, до самаго царствованія Медичисовъ. Вскорѣ послѣ нихъ являютя настояще балеты; они сперва исполнялись только при придворныхъ торжествахъ, и считались чрезвычайнымъ увеселеніемъ. Въ началѣ XVII столѣтія балеты по-большей части были ѣдкія сатиры. Киню, извѣстный сочинитель оперныхъ либретто для Люлли, произвелъ рѣшительную реформу въ балетѣ. Уже Пьеръ Корнель писалъ пьесы, какъ напр. Андромеду, въ которыхъ пѣніе и пляска подчинялись драмѣ. Какія измѣненія произошли въ балетѣ въ новѣйшее время, какъ онъ уважается, и какъ высоко ставятся первостепенныя балетныя танцовщицы, всѣмъ извѣстно; объ этомъ и говорить нечего.

Дѣйствіе поцѣлуя, говорятъ одинъ англійскій туристъ, весьма различно въ разныхъ областяхъ. Если кто захочетъ поцѣловать дѣвушку въ Навтукетъ, она скажетъ дерзновенному: «Отчаливай. или я бурю прорву твою паруса.» Въ Бостонѣ, дѣвушка преспокойно дожлется, чтобы ее поцѣловали, потомъ обратится съ гнѣвомъ къ дерзновенному, и скажетъ: «Я думала, что вы постыдитесь!»—Въ Алабамѣ, дѣвушка отвѣтитъ поцѣловавшему ее: «теперь моя очередь», и отвѣситъ такую преисправную пощечину, что ея не забудешь цѣлую недѣлю. Въ Луизианѣ дѣвушка улыбнется, покраснѣетъ, и — не скажетъ ни слова. Въ другихъ странахъ, напимѣръ, въ Германіи, дѣвушки на этотъ счетъ очень снисходительны; во-Франціи, однимъ поцѣлуемъ обидатся; надо по-крайней-мѣръ два поцѣлуя, иначе это сочтется насмѣшкою.

Примѣръ женскаго мужества. Газета Пуншъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: Лордъ С. держалъ пари о томъ, что лошадь его перескочитъ черезъ столъ, накрытый на 24 прибора, ничего не тронувъ на столъ. Дѣло стало только за тѣмъ, что ни одинъ жокей не отважился на такой salto mortale. Лорду, ревностному почитателю своей лошади, оставалось отказаться отъ пари, или садиться самому на лошадь. Онъ рѣшился на последнее. Жена его, французенка, умоляла его не подвергать жизнь опасности взъ пустаго тщеславія; но лордъ болѣе дорожилъ славою лошади, нежели мольбами жены. На слѣдующее утро она вошла къ мужу съ пистолетомъ въ рукъ, и сказала: «Милордъ, мать вашего сына застрѣлила лошадь своего мужа.» Она дѣйствительно собственной рукою застрѣлила чуднаго скакуна; ея мужество и рѣшительность возбуждаютъ общій восторгъ во всѣхъ знатныхъ кругахъ. Немѣшало бы женамъ почаще вооружаться подобнымъ мужествомъ, и стрѣлять скакуновъ своихъ мужей!

Теноръ Моріани, въ Миланѣ, производитъ фуроръ въ оперѣ Федерико Риччи «Ролла.» По отзывамъ Миланскихъ журналовъ, игра и пѣніе Моріани въ этой роли, высшее, что только являлъ доселѣ какой-либо пѣвецъ. По игрѣ его ставятъ рядомъ съ знаменитымъ итальянскимъ актеромъ Моденою; о пѣніи его говорятъ, что это верхъ совершенства. Нѣкоторыя газеты уже не называютъ его Наполеономъ Моріани, а Наполеономъ теноровъ.—Самую оперу также очень хвалятъ, въ особенности третье дѣйствіе.

Благодарность великая добродѣтель, и самая рѣдкая, это всѣмъ извѣстно; всѣмъ извѣстно также, что чѣмъ больше благодареніе, тѣмъ рѣже оно отплачивается благодарностью; напримѣръ, что драгоцѣннѣе сна? а между-тѣмъ мы безпрестанно трунимъ надъ поэтами и водевилистами, дарящими насъ этимъ прекраснѣйшимъ сокровищемъ. Одна только богатая леди, скончавшаяся недавно, поняла несправедливость людей, и явила имъ примѣръ благодарности, который вѣроятно немногo найдетъ подражателей. Она въ духовномъ завѣщаніи

отказала 1000 фунтовъ стерлинговъ одному молодому поэту, въ награду за многіе часы сна, которыми она была ему обязана. Говорятъ, что молодой поэтъ изъ благодарности же хочетъ поставить памятникъ Морфею.

Композиторъ Пачини и критикъ Торелли, онъ же редакторъ неапольскаго журнала «Омнибусъ,» люди съ необыкновеннымъ талантомъ, дѣло извѣстное; но сверхъ того, они люди предобраго сердца, въ чемъ всѣ читатели навѣрное убѣдятся по прочтеніи слѣдующихъ строкъ. Пачини — но нѣтъ, лучше начнемъ съ г. Торелли. Если найдутся такіе невѣжды, до которыхъ не дошелъ еще слухъ о талантѣ и умѣ г. Торелли, то мы для поученія ихъ скажемъ, чѣмъ онъ доказалъ то и другое; онъ цѣлый годъ придумывалъ, кому приписать большее количество таланта и величія, Меркаданте-ли, Пачини, Донизетти или Беллини? и кажется остановился на Пачини; почему? это вѣроятно г. Торелли объяснить намъ въ другой разъ. Но намъ теперь дѣло не до ума и не до таланта г. Торелли, а только до его добраго сердца; мы хотимъ убѣдить нашихъ читателей въ томъ, что у г. Торелли предоброе сердце. Сознайтесь сами: вѣдь человѣкъ, сочувствующій добродушному сердцу другаго человѣка, долженъ самъ имѣть предоброе сердце; злой человѣкъ можетъ ненавидѣть доброе сердце ближняго, завидовать ему, презирать его, смѣяться надъ нимъ, но не можетъ ни уважать его, ни сочувствовать ему. Если же г. Торелли такъ горячо сочувствуетъ добродушному сердцу Пачини, то уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что у него предоброе сердце; дѣло уже все въ томъ, дѣйствительно ли у Пачини предоброе сердце? а эту истину неоспоримо доказалъ г. Торелли въ своей брошюрѣ о послѣдней оперѣ Пачини «La regina di Circo.» Извѣстно, что эта опера произвела фуроръ въ Туринѣ; извѣстно также, что она рѣшительно упала въ Неаполѣ. Книга г. Торелли раздѣляется на три отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ говоритъ онъ о новой оперѣ Пачини, замѣчаетъ, что либретто плохо, что въ оперѣ слишкомъ много *бандъ*, танцевъ, военныхъ маневровъ; затѣмъ переходитъ онъ къ маэстро, и проситъ публику оказать ему снисхожденіе (*ipietà*). Второй отдѣлъ называется: *доброе сердце маэстро Па-*

чини (Il buon cuore del maestro Pacini); онъ начинается разговоромъ гг. Торелли и Пачини на главной пробѣ; послѣ долгихъ переговоровъ, маэстро соглашается на сдѣланное ему предложеніе, написать оперу, и получить за нее 1000 дукатовъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ отдать 400 автору либретто (О великодушный маэстро!). Этого мало; читайте далѣе, и вы убѣдитесь, что у маэстро Пачини точно предоброе сердце. Когда ставили его Regina di Cipro, онъ самъ заботился обо всемъ; о дѣйствіи, о пѣніи, о хорахъ, о бандахъ, о фигурантахъ, о танцорахъ, даже о пушкахъ; заводилъ часы, звонилъ въ колокольчикъ, пилилъ доски; занимался еще многими другими дѣлами, которыя исчислены въ брошюрѣ, и которыя неоспоримо свидѣтельствуютъ его доброе сердце. Когда онъ возвратился домой послѣ перваго представленія своей оперы, басистъ Арати, игравшій въ новой оперѣ, слышалъ изъ-за стѣны, какъ добрый маэстро вздыхалъ и восклицалъ: «и къ чему мнѣ еще сочинять? развѣ я мало еще написалъ оперъ? нѣтъ, брошу я музыку; клянусь головою дочери, что не возьму болѣе пера въ руки, буду доживать свой вѣкъ безъ заботъ и безъ трудовъ.» «Вотъ какъ,» говоритъ г. Торелли, «маэстро Пачини провелъ ночь послѣ перваго представленія своей новой оперы; и такъ проводятъ ее всѣ художники, которымъ Богъ далъ доброе, чувствительное сердце! Завидуйте ему, когда можете, въ эти безсмертныя минуты!» — Третій отдѣлъ книги г. Торелли трактуетъ о славѣ Италіи, о ея композиторахъ и пѣвцахъ, и проч. и проч. Но г. Торелли упустилъ еще самое сильное доказательство добраго сердца Пачини. Несмотря на то, что онъ клялся головою дочери, не брать болѣе пера въ руки, и доживать вѣкъ свой въ нѣгѣ и лѣни, добрый маэстро немогъ льстить любезную публику наслажденій, которыя можетъ еще доставить ей его талантъ, и обязался поставить на разные театры въ теченіе 1847 года *шесть* новыхъ оперъ! И послѣ того еще ли сомнѣваться въ добромъ сердцѣ маэстра Пачини? Нѣтъ, какъ угодно; маэстро Пачини талантливый композиторъ, и предобрый человѣкъ; а г. Торелли преумный критикъ, и также предобрый человѣкъ! Дай имъ Богъ много лѣтъ здравствовать!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

КИШИНЕВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Кишиневъ, областной городъ,....
имѣеть — клубъ и временный
театръ.

Новорос. календ. на 1847 годъ.

Образованный вкусъ нашего вѣка дошелъ уже до той степени, когда всѣ удовольствія дѣлаются необходимыми наравнѣ съ первоначальными нуждами жизни. По-примѣру столицъ, многіе губернскіе города, не уступая въ соревнованіи одиному другому, учредили у себя постоянные театры, которые, сообразно съ средствами, съ каждымъ годомъ улучшаются, и которые наконецъ, какъ и все подъ солнцемъ, или дойдутъ до совершенства, или — уничтожатся.

Не такова участь Кишинева — въ этомъ отношеніи. Холодность его жителей къ изящному сдѣлала театръ временнымъ :

причины этой холодности непонятны тѣмъ болѣе, что всякая прѣзжая труппа актеровъ имѣетъ у насъ радушный пріемъ. Этимъ доказывается, что есть цѣнители искусства, судьи талантовъ и безталанности; но при всемъ томъ, въ промежуткахъ приливовъ и отливовъ сценической дѣятельности все населеніе Кишинева холодно и равнодушно дѣлаетъ свой кейфъ, поджавши ноги на подушкахъ широкихъ дивановъ, и не допуская мысли о театрѣ.

Труппа актеровъ, прѣѣхавшихъ въ свою очередь раздѣлить скуку нашего одиночества, гостить у насъ съ апрѣля прошлаго года. И такъ, до-сихъ-поръ было уже довольно времени ознакомиться съ персонажами, составляющими ее. Обстановка пьесъ на нашей сценѣ, начиная съ большихъ драмъ, волшебныхъ оперъ, до комедій и водевилей, вообще очень изрядна и даже, въ частности, можетъ назваться хорошею; — самый же театръ очень благороденъ и помѣстителенъ, благодаря заботливости Князя П. Н. Гагарина, который передѣлалъ его вновь. —

Труппа дебютировала съ апрѣля прошлаго года по январь настоящаго — въ слѣдующихъ пьесахъ: а) *Драмахъ*: Двумужницѣ, Материнское Благословеніе, Эсмеральдѣ, Разбойникахъ (Шиллера.), Уголино, Съ умасшедшій отъ любви, Гамлетъ, Коварство и Любовь, Смерть и Честь, Заколдованный Домъ. б) *Операхъ*: Фрейшюцъ, Аскольдовой Могилѣ, Русалкѣ, и Владимѣ и в) въ безчисленномъ множествѣ комедій и водевилей.

Персонажи, участвовавшіе въ выполненіи этихъ пьесъ, были слѣдующіе:

Г. Максимовъ въ роляхъ: Робена (въ Записк. Демона), Бобра (въ Двумужницѣ), Феба (въ Эсмеральдѣ), Карла Мора (въ Разб. Шил.), Жоржа (въ Заколд. Домѣ), и Гамлета. — Должно признаться, что намъ не случилось еще видѣть на нашей сценѣ актера, который-бы входилъ въ такія отвлеченныя подробности характера каждой изъ своихъ ролей, и передавалъ бы зрителямъ столько сильныхъ и пріятныхъ ощущеній, — какъ Г. Максимовъ. Въ роли Нино (въ Уголино) — раскрылся вполнѣ талантъ Г. Максимова. Въ сценѣ, когда онъ застаетъ Веронику мертвою, это безуміе, такъ свойственное ужасному переходу отъ тихаго счастья къ печали невыразимой, этотъ хохотъ, который вырывается изъ сердца, ког-

да горестъ выше слезъ и стenanій, — выражены были съ чувствомъ и естественностью.

Что же касается до водевилей, то публика наша долго будетъ помнить милого жешире преміег въ пьесахъ: Новички въ любви, Въ людяхъ ангелъ не жена, Фортункинѣ и многихъ другихъ; въ нихъ г. Максимовъ приобрѣлъ также репутацію хорошаго актера, понимающаго свои роли и исполняющаго ихъ съ не-принужденностью. Съ каждою новою ролью, (говоря безъ преувеличенія), талантъ его развивается болѣе и болѣе, — и если это совершенствованіе пойдетъ по законамъ прогрессіи, то безъ большой дальновидности можно предсказать, что наша сцена можетъ многого ожидать отъ г. Максимова. —

Г. Микульскій, — актеръ съ талантомъ, но небрежнымъ; ветеранъ сцены, прослужившій ей вѣрой и правдой 25 лѣтъ; — онъ недурень въ роляхъ: Квазимодо (въ Эсмеральдѣ), Башлыка (въ Двумужницѣ), Торопки (въ Аскольд. Могилѣ), Ушицы (Дочь Русскаго Актера), Марковкина (въ — Что имѣемъ не хранимъ); но, забывъ все уваженіе къ долговременной безпорочной службѣ г. Микульскаго, скажемъ, что при всѣхъ достоинствахъ своихъ онъ..... — рѣшительно никогда не знаетъ ролей, стоитъ почти неотлучно у суфлерской кануры и растягиваетъ слова до неимовѣрности; но провинціальная публика невзыскательна и, только напоминая г. Микульскому объ этомъ недостаткѣ, соглашается съ тѣмъ, что у него есть природный талантъ, навыкъ къ сценѣ, пріятный голосъ, и отдаетъ ему должную справедливость.

Г. Алексѣевъ. — De mortuis aut bene aut nihil....— Онъ сошелъ съ нашей сцены, не оставивъ по себѣ никакого воспоминанія; однако-же онъ былъ не безъ дарованія и даже былъ бы хорошъ, еслибъ не прибѣгалъ къ фарсамъ и плоскостямъ, которыми не приобрѣлъ себѣ славы даже въ провинціи.

Г. Шумскаго, — актера молодаго и небездарнаго, который, слѣдя методѣ Алексѣева, (за нее онъ схватился Богъ-знаетъ почему?) искажилъ свою игру, сдѣлался нестерпимымъ, и если его еще до-сихъ-поръ не ошिकाми, такъ это потому, что у насъ никому не шикають.

Г. Полтавцевъ, — молодой актеръ съ талантомъ; въ игрѣ его много естественности и чувства; особенно хорошъ въ роляхъ фатовъ: Прындики (въ люд. анг. не жена), Кн. Блесткина (въ

Богатоновѣ), и подобныхъ. Изъ нихъ мы могли увидѣть, что г. Полтавцевъ нечуждъ свѣтской ловкости и былъ бы навѣрное принять хорошо и тою публикою, въ которой есть оригиналы Прындики и Блесткина; эти роли однако-же не составляютъ исключительно дебютовъ г. Полтавцева: мы видѣли его въ роляхъ: Фердинанда (въ Коварств. и Любви), Эврара — (въ Сумасш. отъ Любви), Артура (въ — 16 л. спустя), и др. — Прибавимъ еще, что г. Полтавцевъ владѣетъ пріятнымъ, обработаннымъ голосомъ, какъ можно было увидѣть изъ роли Макса (въ Фрейшюцѣ), которая была выполнена имъ удовлетворительно.

Г. Максимъ, — актеръ безъ таланта, но съ идеями многосторонними, желаніями неутомимыми, актеръ неопытный для содержателя, въ отношеніи къ спекуляціямъ, и невыносимый для публики, въ отношеніи къ искусству. Дебюты его въ роляхъ: Людовика (въ Заколд. Домѣ), Гюга (въ Смерть и Честь) Башлыка (въ Двумужницѣ), Огрызкова (въ Путаницѣ), Надчерицына (въ — «Хороша и дурна»), ясно доказываютъ, что г. Максимъ, человекъ рѣшительный, способный на все. Полагаясь на Русское «авось», онъ играетъ драматическія, оперныя и комическія роли безъ чувства, голоса и комизма, или смѣшивая веселое и печальное вмѣстѣ для разнообразія. Такой актеръ достоинъ замѣчанія, какъ рѣдкость, какъ мамонтъ; но какъ представитель искусства благороднаго и прекраснаго... чего онъ достоинъ?....

Странно, право! Отчего на всѣхъ вообще провинціальныхъ сценахъ существуютъ только двѣ крайности въ отношеніи достоинства актеровъ, отчего у насъ актеръ можетъ быть или прекраснымъ или несноснымъ, а посредственно хорошимъ — никогда? И еще! Отчего всякій актеръ, чувствуя въ себѣ хоть мало того, что они называютъ *талантомъ* или *призваніемъ*, хватается за первыя роли, забываясь о томъ, какъ они будутъ имъ выполнены, а думая только, какъ-бы соединить имя свое съ именами: Гамлета, Гюга, Нино, — разумѣется на афишѣ. Кажется, что это послѣднее нелѣпное желаніе и есть источникъ бѣдствій для второстепенныхъ актеровъ; потому-что они, пренебрегая вторыми ролями и будучи не въ состояніи выполнить первыхъ, дѣлаются работниками, жалкими танталами сцены, тогда какъ вникая художественно въ сущ-

ность второстепенныхъ ролей, изучая ихъ съ жаждою совершенства, они могли бы прославиться и на этой точкѣ своего артистическаго назначенія! —

Г. Чистяковъ. Соглашаясь съ замѣчаніемъ г. Одесскаго рецензента о длиннотѣ ногъ г. Чистякова, съ которыми онъ незнакомъ, куда дѣваться, мы можемъ только прибавить, что дебюты его въ роляхъ: Студента, Артиста и Подколесна (въ Женитьбѣ Гос.) срезали его съ ногъ: онъ исчезъ.

Г-жа Иванова, — соединяетъ въ себѣ неподдѣльное дарованіе съ милыми, непринужденными приемами и, говоря безпристрастно, — съ очень приятною наружностію. Въѣкъ сантиментальности, когда, восхищаясь красавицами, писали къ нимъ стихи, миновалъ; но быть равнодушнымъ къ истинно-прекрасному, удивляться дарамъ природы въ женщинѣ—можно и понинѣ. Г-жа Иванова дебютировала въ роляхъ: Эсмемальды, Маріи (въ Матер. Благослов.), Вероники (въ Уголно), и другихъ. Впечатлѣніе, которое она произвела на насъ въ этихъ роляхъ, доставило ей прочный успѣхъ на кишиневской сценѣ. Въ роли Эсмемальды — она стала выше себя; въ роли Маріи (въ Матер. Благос.), сцены сумасшествія были выполнены ею прекрасно, а замогильная пѣснь Вероники (Уголно), долго была повторяема всѣми, у кого только была малѣйшая способность къ пѣнію. Нельзя забыть г-жи Ивановой и въ роляхъ: Славской (въ люд. ангелъ не жена), Габріели (Дѣвушка-гусаръ), Юлія де Креки (Полков. стар. время), Кетгли, Нелли (Невѣста рѣки) и Вѣрочки (въ «Дочь Русск. Актера»); въ этой послѣдней роли она произвела фуроръ, и даже мы осмѣливаемся утвердить въ простотѣ души, что эта роль создана ею безъ подражанія и что одна только Иванова можетъ выполнить ее здѣсь такъ, какъ мы видѣли. Однимъ словомъ, если-бы вычислять всѣ роли г-жи Ивановой, въ которыхъ она заслужила единодушное одобреніе, то пришлось бы безъ дальнихъ хлопотъ списать весь репертуаръ пьесъ этого года, потому-что она была вездѣ и всегда хороша.

Г-жа Бурмицкая (бывшая воспитан. Полтавцева), — молодая актриса, владѣетъ довольно хорошимъ голосомъ, какъ мы могли замѣтить въ роляхъ Сиротки-Сусанны, Наденьки (въ «Хороша и Дурпа») и другихъ. Видны проблески таланта молодого, робкаго; но для его развитія необходимы постоянныя

занятія и она можетъ быть увѣрена, что труды ея не останутся напрасными.

Г-жа Данилова, — съ декабря мѣсяца на нашей сценѣ; дебютировала въ роли *Кеттли* для того, чтобы мы могли вполне оцѣнить игру г-жи Ивановой. И отчего это происходитъ? Г-жа Данилова владѣетъ сильнымъ, пріятнымъ и обработаннымъ голосомъ, но въ ней есть что-то отталкивающее зрителя, особенно въ роляхъ драматическихъ, въ которыхъ мы не совѣтуемъ г-жѣ Даниловой испытывать ни своего таланта, ни нашего терпѣнія. —

Г-жа Бардакова, — очень удовлетворительно выполняетъ роли старухъ: особенно хороша въ роли *Клушиной* (въ *Путаницѣ*), *Кузьминяшны* (въ *Двумужницѣ*) и *Жервезы* (въ *Эсмемальдѣ*). —

Г-жа Николаева, — на однихъ амплуа съ Бардаковою — играетъ довольно сносно.

Воспитаницы: *Макаровы 1-я и 2-я* и *Лефи*, дебютировали въ роляхъ гризетокъ и молоденькихъ дѣвушекъ очень порядочно; первая изъ нихъ была даже хороша въ роли *Леди Мельвилъ* (въ *Артуръ или 16 лѣтъ*), вторая въ роли *Луизы* (въ *Коварство и Любовь*), а послѣдняя была мила въ роли *Фаншетты* (въ *«Женихъ на расхватѣ»*). —

Въ заключеніе скажемъ, что какъ успѣхи труппы нашей соотвѣтствуютъ ея составу и средствамъ, то не требуя невозможнаго, мы благодарны за доставленное намъ удовольствіе, которымъ мы не наслаждались уже болѣе четырехъ лѣтъ.

Ив. Хламко-Нагольный.

ТЕАТРЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Какой-то старичекъ, весьма почтенной наружности, рассказывалъ мнѣ за достовѣрность, что въ Саратовѣ, на мѣстѣ нынѣшняго театра, стоялъ прежде балаганъ пріѣзжаго фигляра *Компы*. Балаганъ этотъ, самъ по-себѣ, былъ весьма плохъ;

но публика чрезвычайно любила посѣщать его. Это происходило болѣе отъ того, что въ труппѣ, которую содержалъ фигляръ, находилась, между прочими, одна танцовщица, по имени Клара. Она была молода и прекрасна, а въ добавокъ—имѣла столько поклонниковъ, что здѣшніе жители не могли пересчитать ихъ. Но Клара противъ всѣхъ этихъ оболещеній была тверда и непреклонна, какъ скала, отражающая морскія волны. Однако—же, несмотря на эту твердость, носились слухи, что въ то время за Кларой ухаживалъ болѣе всѣхъ какой-то молодой и богатый помѣщикъ, который пріѣзжалъ въ Саратовъ на-время. Замѣчали также, что Клара не слишкомъ была равнодушна къ этому счастливому обожателю.

Однажды объявлено было, что въ балаганѣ фигляра дается послѣднее, блистательное представленіе. Эта новость чрезвычайно обрадовала саратовскую молодежь, тѣмъ болѣе, что Клара, послѣ болѣзни своей, снова являлась на сцену. Въ назначенный день и часъ записные поклонники красоты и таланта радостно усѣлись по мѣстамъ своимъ въ описанномъ нами балаганѣ. Но время шло, да шло, а занавѣсъ все еще не поднимался. Наконецъ въ балаганѣ послышался такой крикъ и гамъ, что блюстители чистоты и порядка едва могли прекратить его. И вотъ, вслѣдъ за этимъ, вышелъ разнощикъ афишъ и объявилъ, что балетъ отменяется, потому-что..... нѣтъ Клары. Какъ нѣтъ? спрашивали одни; гдѣ же она? кричали другіе.....

Позвольте мнѣ — больная грудь устала —

На-мигъ присѣсть.....

Она.... изволите-ль, съ красавцемъ убѣжала —

Куда? — Богъ вѣсть!....

На этомъ мѣстѣ рассказикъ мой остановился. Потомъ, понохавъ табаку, онъ прибавилъ: — и я любилъ эту дѣвушку, и даже помню ее до-сихъ-поръ. Пошли ей, Господи, добра да здоровья. И онъ перекрестился.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго нами происшествія, балаганъ сломали, а на мѣстѣ его выстроили небольшой театръ. Нынѣшній содержатель театра, г-нъ Залѣскій, человекъ весьма разсудительный и понимающій свое дѣло. Въ 1845 году онъ перестроилъ театръ свой снова. Теперь зала

сдѣлалась гораздо лучше и обширнѣе. Обстановка пьесъ довольно хороша, но нельзя сказать этого о механизмѣ. Я приведу примѣръ. Однажды играли драму — *Король Энцио*. Роль самого короля игралъ Карауловъ, актеръ довольно порядочный. Но каково-же было ему, когда пришлось опуститься въ подземелье.... по милости этого механизма, онъ едва не полетѣлъ въ него самымъ неблагопристойнымъ образомъ. — Бѣдный король Энцио !.. Думалъ-ли ты при жизни, что послѣ смерти придется падать тебѣ такъ низко? — Теперь поговоримъ объ актерахъ, которыхъ въ здѣшней труппѣ считается около 30-ти человекъ. Пальма первенства изъ нихъ принадлежитъ Самойлову, бывшему актеру Императорскихъ Московскихъ театровъ. Послѣ него, въ комедіи первое мѣсто занимаютъ г-нъ Залѣскій 2-й и Рыбченко, а въ драмѣ — Карауловъ, Бобровъ и Лидинъ. Изъ актрисъ, лучше другихъ играютъ: г-жи Ершова, Боброва, Дембовская (бывшая Николаева) и дѣвица Иванова. Прошу замѣтить, что эти актеры и актрисы считаются въ здѣшней труппѣ лучшими; — и по-моему мнѣнію, это справедливо. Но есть еще второстепенности, которыя мы выставимъ здѣсь для эффекта нашей статьи. Вотъ онѣ :

*Мужескаго пола :**Женскаго пола :*

Г-нъ Соколовъ	Д-ца Миняева
— Александровъ	— Михайлова 1-я
— Померанцевъ *)	— Михайлова 2-я
— Хрисанфовъ	— Гусева
— Дембовскій	— Васильева
— Николаевъ 1-й	— Полякова
— Николаевъ 2-й	— Иванова 1-я
— Михайловъ,	— Иванова 2-я
— Ивановъ,	Г-жа Гусева
— Петровъ,	— Дембовская
— Максимовъ	— Боброва и проч.
— Поляковъ и проч.	

Всѣ эти актеры и актрисы играютъ какъ-нибудь и какъ-

(*) Этотъ актеръ выбылъ изъ саратовской труппы въ 1846 году, въ труппу астраханскаго театра.

попало, безъ всякаго разумѣнія и знанія сцены. Случается даже, что нельзя смотрѣть на нихъ безъ смѣха и сожалѣнія. Но вотъ отрадная новость — недавно на здѣшней сценѣ дебютировала дѣвица Залѣсская, дочь самого антрепренера. Эта милая, любезная актриса произвела здѣсь такое неслыханное впечатлѣніе, что записные театралы немогли опредѣлить, къ какому именно разряду принадлежитъ эта блестящая комета. — Имѣя стройный станъ, правильное, прекрасное лице и нѣжный, звучный голосъ, д-ца Залѣсская вполне заслуживаетъ того, чтобъ саратовская публика обратила на нее благосклонное вниманіе. Игра ея вѣрна, одушевлена и натуральна. Смотри на нее, невѣришь глазамъ, что видишь такое чудо — въ Саратовѣ. Дай Богъ, чтобъ она не увлеклась первымъ успѣхомъ и не остановилась-бы на этомъ пути, столь трудномъ и скользкомъ. Теперь поговоримъ мы о бенефисахъ.

Въ нынѣшній театральнй сезонъ всего дано было около двадцати бенефисовъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе:

Бенефисъ г-на *Самойлова*, 22 Ноября 1846 года. 1) *Казанскій 4-й тлѣдн купецъ и фабрикантъ Гаврило Ивановичъ Михляевъ*. Русская былъ изъ временъ Петра Великаго, въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. П. 2) *Матушка-привратница и дочка-пльвица*, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. 3) *Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ*, шутка-водевиль О. Кони, 4) *Гусарская стоянка или плата тою же монетой*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи и 5) *Дивертисманъ*.

Можно сказать утвердительно, что этотъ бенефисъ былъ сыгранъ довольно хорошо, даже лучше всѣхъ другихъ. Самъ бенефициантъ, въ драмѣ «Михляевъ» занималъ роль Подпашина, и былъ, какъ выражаются записные фельетовисты, *не-подражаемъ*. Въ водевилѣ: «Матушка-Привратница и Дочка-Пльвица» г-нъ Залѣсскій 2-й превосходно сыгралъ роль Баупне, жениха Адели. Однимъ словомъ, весь бенефисъ шелъ довольно весело и правильно. Въ заключеніе, г-нъ бенефициантъ прощѣлъ романсъ: «Нѣтъ, я преступникомъ не буду», и громкое единодушное *фора* потрясло весь театръ до основанія.

Бенефисъ г-на Боброва, 17-го января 1847 года: 1) *Уголино*, трагедія Н. Полеваго; 2) *Черный день на Черной рпчкѣ*, водевиль И. Яковлевскаго; 3) *Дѣловой человекъ, или дѣло въ шляпѣ*, водевиль О. Кони; и 4) *Дивертисманъ*.

И этотъ бенефисъ былъ исполненъ также нехудо, и въ немъ, какъ всегда, г-нъ Залѣскій 2-й отличался въ водевилѣ «Черный день», въ которомъ занималъ онъ роль живописца Зельгаго.

Бенефисъ г-жи Ершовой, 14 января 1847 года: 1) *Шестнадцатъ лѣтъ или зажитатели*, драма; 2) *Вицъ-мундиръ*, или *Оекла не напомнитъ*, водевилъ г-на Каратыгина 2-го; и 3) *Дивертисманъ*.

Бенефисъ г-дъ Залѣскихъ, 21 января 1847 г. 1) *Велизарій*, драма, передѣланная г-мъ Ободовскимъ. 2) *Вотъ что значитъ самому быть въ ложѣ, а жену видѣть на сценѣ*, комедія съ куплетами. 3) *Исправленные ревизоры*, водевилъ, и 4) *Дивертисманъ*.

Бенефисъ г-на Рыбченко, 24 января 1847 г. 1) *День торжества и смертной казни*, драма. 2) *Моя жена выходитъ за мужъ, или ошиблась въ расчетъ*, опера-водевилъ. 3) *Имляны благодѣтельнаго помѣщика*, интермедія-водевилъ, и 4) *Дивертисманъ*.

Эти три бенефиса заслуживаютъ также особеннаго вниманія. Водевилъ «Вицъ-мундиръ» былъ сыгранъ превосходно. Но главное достоинство ихъ заключалось въ дивертисманахъ, въ которыхъ всѣхъ болѣе понравились публикѣ дѣвицы Иванова 1-я и Залѣская, въ русской пляскѣ.

Теперь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ бенефисѣ г-на Соколова, 13-го декабря 1846 года. 1) *Иоаннъ, герцогъ Финляндскій*, драма, 2) *Чего на свѣтѣ не бываетъ*, водевилъ, и 3) *Дивертисманъ*.

Въ этомъ бенефисѣ, за исключеніемъ самаго бенефицианта, почти всѣ актеры играли прекрасно, единодушно и натурально. Но самъ бенефициантъ, г. Соколовъ, занимавшій роль племянника государственнаго канцлера, графа Іеранъ, игралъ такъ несообразно, такъ неловко, что рѣшительно сбивалъ съ толку всѣхъ другихъ актеровъ. Надобно замѣтить, что г-ну Соколову гораздо лучше заняться чѣмъ-нибудь другимъ, а не актерствомъ, потому-что въ немъ сценическаго дарованія невидно ни нагрошъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что всѣ эти бенефисы считаемъ мы лучшими не по выбору пьесъ, а по игрѣ актеровъ. Въ Саратовѣ довольно нерѣдко разыгрываются пьесы лучшихъ нашихъ авторовъ, на примѣръ Гоголя, Полеваго, Кукольника,

Кони, Каратыгина, Федорова и проч. Но эти пьесы почти никогда не имѣютъ надлежащаго успѣха, потому-что..... актеры не понимаютъ ихъ!

Въ скоромъ времени постараемся мы объяснить подробно эти причины, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаютъ публичной гласности.

Иполитъ Голубицъ.

КРЕМЕНЧУГСКИЙ ТЕАТРЪ.

Изъ Бердянска прибылъ сюда г. Виноградовъ съ труппой актеровъ.—Водевили, оперетки, фарсы и малороссійскія пьесы— вотъ репертуаръ этой труппы.— Слава Аполлону, по малочисленности сюжетовъ, составляющихъ труппу, г. Виноградовъ лишень удовольствія терзать почтеннѣйшую публику драмами и дикими произведеніями, каковыми такъ щедро и такъ безжалостно любятъ угощать насъ гг. антрепренеры. Зданіе театра въ Кременчугѣ прежде было изряднѣе; но какъ служители Таин, Терсихоры и Мельпомены рѣдко дерзали сюда являться, то купецъ, выстроившій театръ, рѣшился употребить его на строеніе, которое бы приносило постоянный доходъ и, безжалостный! обратилъ его въ амбаръ, баню или что-то въ этомъ родѣ.—Г. Виноградовъ нанялъ до великаго поста заму въ С. Петербургской гостинницѣ, устроилъ сцену и безкорыстный содержатель этого дома, (все тотъ же Египетскій дворянинъ) нероняя чести своихъ соплеменниковъ, деретъ съ бѣднаго антрепренера по десяти руб. сер. за-вечеръ, — увѣряя съ учтивостью и поклонами, что это дешево, и общая во-время ярмарки возвыситъ цѣну только втрое. — Какъ не пожалѣть о состояніи кочующихъ труппъ?— Сколько расходовъ, сколько неудовольствій, сколько процентовъ онѣ платятъ! — страшно подумать. — Но обратимся къ дѣлу. — Почти всѣ театральные рецензенты начинаютъ свои рецензіи такъ: первое мѣсто въ труппѣ N N занимаетъ д-ца П. П. или г-жа Т. Т. О труппѣ г. Виноградова можно сказать, что первое мѣсто покуда еще вакантно. Актеры и актрисы, за неимѣніемъ лучшихъ, сносны, а въ нѣкоторыхъ роляхъ даже порядочны.

Г-жа Виноградова играетъ первыя роли въ водевилѣ. — Въ

амплуа старухъ она очень недурна. Въ водевилѣ *Суженаго ко-
нелъ не обльдеши*, она играла г-жу Гримардо весьма удовлетво-
рительно. Видѣвши ее въ роль Кетли, могу посовѣтовать, что-
бы она изъ уваженія къ себѣ, а еще болѣе — къ публикѣ, этой
роли никогда на себя не брала. Г-жа Виноградова поетъ:

Все для меня въ природѣ опустѣло,
Невижу я веселыхъ прежнихъ дней,
Лицо мое примѣтно похудѣло, и проч.

Но взглянувъ на ея лице, при этихъ словахъ нельзя удер-
жаться отъ смѣха. — Такую дородность рѣдко можно встрѣ-
тить. — Но въ роляхъ старухъ самый строгій критикъ поста-
вить ее въ рядъ провинціальныхъ знаменитостей.

Въ этой труппѣ нѣтъ ни одной молоденькой актрисы. Такому
сокровищу надобно платить большое жалованье, а гдѣ его взять? —

Г-жа *Дудченкова*. Хороша въ малороссійскихъ роляхъ.

Г-жа *Карнацкая*. Объ ней страшно и вспомнить, не только
что говорить.

Г. *Виноградовъ* (антрепренеръ), актеръ въ нѣкоторыхъ ро-
ляхъ прилежный, антрепренеръ старательный, но въ обоихъ
случаяхъ безъ средствъ.

Г. *Дудченко*. Актеръ въ амплуа молодыхъ людей, средней
руки, изрядный, съ достаточнымъ малороссійскимъ выговоромъ.
Роль Финтика въ *Москаль Чаривникъ* играетъ прекрасно. Въ
роляхъ жидовъ неподражаемъ.

Г. *Марковъ* (роли комиковъ), съ проблесками дарованія; но
эти проблески теряютъ всю цѣну отъ рабскаго подражанія
провинціальнымъ комикамъ.

Г. *Полтавцевъ* въ роляхъ слугъ приличенъ.

Изъ всѣхъ пьесъ, игранныхъ этой труппой, исполнены были
прекрасно: *Москаль Чаривникъ*, *Жидъ въ бочкѣ*, *Улица Луны*,
Дочка его Благородія и *Цырульникъ-Стихотворецъ*. — Былъ ли г.
Виноградовъ до великаго поста въ выигрышѣ или, по-крайней-
мѣрѣ, не въ потерѣ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Вотъ
настала весна, а съ нею и цвѣты; не только въ садахъ, но и на
нашей сценѣ явились, свѣжіе, съ прекраснымъ запахомъ и на-
ружностію; эти цвѣты: д-цы Колумбъ и Громова, двѣ актри-
сы, когорья своимъ появленіемъ оживили сцену. Труппа г.
Виноградова перешла въ управленіе д-цы Колумбъ. Да непо-

думаютъ читатели, что съ М-ле Колумбъ сдѣлалось какое нибудь волшебное превращеніе! Что она стара, нехороша собой и взялась за такую трудную обязанность изъ жажды къ *злату*?... Нѣтъ, для нея: злато, мечтанье пустое! Все это любовь къ искусству, которая горитъ въ ея глазахъ неугасимымъ огнемъ. — Съ переходомъ труппы въ ея распоряженіе, явились новыя пьесы, новые костюмы, декорации и новые актеры. Да и скажите пожалуйста: кто откажется служить у такого быстроглазаго директора? Дѣвица антрепренеръ, это очень мило, а главное—оригинально!—Покуда перейду къ замѣчаніямъ объ исполненіи соединенною труппою пьесъ, немогу не замѣтить, что первое мѣсто въ этой труппѣ дамамъ. — Д-ца Колумбъ (первыя роли) д-ца Громова (вторыя,) г-жа Виноградова (старухъ). Веѣ три преинтересныя для провинціи водевильныя актрисы. Изъ мужчинъ ненахожу ни одного достойнымъ поставить на ряду съ ними. — Да и въ цѣмой труппѣ нѣтъ ни перваго любовника, ни комика (Марковъ уѣхалъ.)

Говорятъ, что въ Кременчугѣ учредится скоро театральная дирекція. Теперь же больше всѣхъ покровительствуетъ этому театру истинный любитель и знатокъ Н. А. П-нъ. Если бы такихъ любителей было два—много три, то Кременчугскій театръ опередилъ бы скоро своихъ провинціальныхъ собратій. — Безъ дирекціи, существованіе театра, какъ-бы онъ хорошъ ни былъ, не можетъ быть прочно. Дирекцію должно учредить изъ людей, любящихъ искусство, а главное—понимающихъ дѣло; въ такомъ только случаѣ сценическое искусство будетъ процвѣтать. — Въ театрѣ играетъ музыка Я. К. Полонскаго; оркестръ состоитъ изъ 13 человекъ, къ видимому сожалѣнію — безъ капельмейстера. — Г. Чернухинъ подъ случай играетъ роли молодыхъ людей дурно; а дирижеруетъ музыкой при пѣніи еще хуже. — Да простить его Аллахъ, а равно и того, кто его сдѣлалъ дирижеромъ. Онъ не съиграетъ правильно простой гаммы, судите-же, какова должна быть музыка водевильныхъ куплетовъ собственнаго его сочиненія?—А г. Виноградовъ заставлялъ его упражняться для изощренія таланта, въ композиціи новыхъ голосовъ. — Бѣдныя пѣвцы и пѣвицы! Мало того, что васъ заставляютъ иногда заучивать на память какую нибудь драматическую гиль, вы должны еще тиранить голосъ свой, исполняя рулады, вымышленныя неумолимымъ Чернухинымъ. Учитесь, г. Черну-

хнѣ, будете артистомъ; только начинайте съ азбуки и посмотрите какъ пойдетъ дѣло! М-ше Колумбъ будетъ здѣсь до окончанія ивановской ярмарки, а къ 6-му августа отправляется въ Лубны; оттуда вѣроятно возвратится въ Кременчугъ, чего мы душевно желаемъ.

А. Ващенко-Захарченко.

ТЕАТРЪ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

Въ № 2. «Репертуара и Пантеона» текущаго года, была помѣщена статья объ открытіи въ г. Архангельскѣ театра; — событія важнаго по вліянію на нравственность и образованіе жителей, равно какъ и на распространеніе вкуса къ изящному и духа общественности. Молодые чиновники, большею частію здѣшніе уроженцы, по неимѣнію въ городѣ книжныхъ магазиновъ и другихъ благородныхъ, публичныхъ забавъ, искали, быть можетъ, нерѣдко развлеченій, не соотвѣтствующихъ ихъ званію; — теперь они вѣроятно употребятъ свободное отъ служебныхъ занятій время на посѣщеніе театра и воспользуются наслажденіемъ, какое доставляетъ уму и сердцу искусство благородное; къ этому доставляютъ возможность незначительныя цѣны на мѣста въ театрѣ, доступныя каждому.

Театръ открытъ 8-го декабря прошлаго года и представленія продолжались до великаго поста. — Артисты, составлявшіе труппу, были, большею частію, любители, а не актеры по ремеслу; — нѣкоторые изъ нихъ прежде поступленія на сцену даже не видали театра, и потому, представленія эти не могли быть удовлетворительны. Между-тѣмъ, г. Алексѣевъ, содержатель ярославской труппы, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ закрыть театръ въ Ярославлѣ; и здѣшнее попечительное начальство, пользуясь этимъ случаемъ, выписало нѣкоторыхъ тамошнихъ актеровъ. Представленія бывшей ярославской труппы начались 10-го апрѣля.

Благонамѣренный и безпристрастный обзоръ театральныхъ представленій, имѣя вліяніе на улучшеніе сценическаго искусства, всегда полезенъ для артистовъ и для публики; въ этомъ убѣжденіи мы рѣшились, слѣди за ходомъ пьесъ и игрою ак-

теровъ, излагать наше мнѣніе о нѣкоторыхъ спектакляхъ. Начинаемъ съ двухъ первыхъ представлений.

Если г. редакторъ благосклонно удѣлитъ въ «Репертуарѣ» мѣстечко этой статьѣ — то мы постараемся, доколѣ продлится наше временное пребываніе въ Архангельскѣ, доставлять и впредь въ редакцію коротенькія рецензіи, въ той мысли, что гг. артисты захотятъ для собственныхъ своихъ выгодъ, воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями и совѣтами нашими, основанными не на сужденіи одного лица, могущаго быть часто ошибочнымъ, или пристрастнымъ, но на отголоскѣ большей части просвѣщенной публики, къ которому мы прислушиваемся съ большимъ стараніемъ.

Спектакль 10 апрѣля. 1-е) Князь Михаилъ Васильевичъ Скопицъ-Шуйскій, драма Кукольника. Актъ первый. 2-е) Двѣ женщины противъ одного мужчины, или, одного вывели а другаго провели, водевиль. 3-е) Комедія съ дядюшкой, или новые портреты съ натуры, шуточная опера — водевиль.

Роль Ляпунова въ 1-й пьесѣ занималъ г. *Ленскій*. Изученіе характера представляемаго лица, поза, дикція, пріятный голосъ, знаніе роли, наконецъ чувство, съ какимъ онъ игралъ, обнаруживаютъ въ г. *Ленскомъ* истинное дарованіе. Мы были пріятно удивлены, увидѣвъ, что тотъ же г. *Ленскій* весьма хорошъ и въ комическихъ роляхъ. Въ 3-й пьесѣ, роль Фильки онъ исполнилъ съ такою же отчетливостію, какъ Ляпунова въ 1-й; особенно естественно представлены имъ радость и удивленіе, когда увидѣлъ себя неожиданно въ зеркалѣ и нерѣшимость прикоснуться, по приказанію барина, къ фортепяно. — Г. *Ленскій* безспорно одинъ изъ лучшихъ актеровъ нашей труппы. Публика награждала хорошую его игру частыми аплодисментами. Однакожъ жаль, что маловажныя случайности, а именно, стукъ брошеннаго на-поль меча, обличившій, что онъ деревянный, въ самой патетической сценѣ, равно, смѣшное положеніе г. *Ленскаго*, чуть не упавшаго по неосторожности со скамейки, при снятіи сапоговъ, возбудили въ зрителяхъ смѣхъ; наконецъ, въ 3-й пьесѣ справедливо непоправилось публикѣ — вытряхиваніе Филькою, послѣ употребленія, носоваго платка помѣщика Кубарева, какъ пошлость довольно отвратительная.

Г. *Красовскій* уже извѣстенъ нашей публикѣ: онъ игралъ

здѣсь въ послѣдній разъ въ 1844 г. При первомъ выходѣ его на сцену, въ роли Мальерда въ 1-й пьесѣ, публика приняла дружнымъ аплодисментомъ давнишняго своего любимца. Въ комическихъ роляхъ г. Красовскій, по большей части, довольно хорошъ; онъ всегда веселъ и тѣмъ веселитъ и публику. Жаль только, что часто прибавляетъ, иногда отъ себя, остро-ты, не всегда удачныя; а нерѣдко, подстрекаемый восторгомъ райка, фарситъ до пошлости. Это замѣчаніе, помнится, давно уже высказано г. Красовскому; но онъ, повидимому, эгоистъ, и недовѣряетъ искреннимъ совѣтамъ. Роль полтавскаго помѣщика Кубарева не вполне удалась г. Красовскому: она, кажется, не принадлежитъ къ его амплу; замѣтно было какое-то мурлыканіе, которое вовсе не характеризуетъ малороссійскаго помѣщика; они говорятъ просто, но ясно.

Г. Славинъ, играя роль Ржевскаго въ первой пьесѣ, говоритъ такъ тихо, что никто не слышалъ его монологовъ. Въ роли Питерскаго, племянника Кубарева, въ 3-й пьесѣ, онъ былъ очень холоденъ: молодой человѣкъ, кутила, хотя и женился, но все должна проглядывать въ его разговорѣ, походкѣ, движеніяхъ и проч., живость, свойственная характеру этой роли.

Гг. Бьшеницовъ и Ланской, первый — воеводу Болотникова (въ 1-й пьесѣ), а второй *Марто* (во 2-й пьесѣ) сыграли недурно.

Г-жа Ленская, артистка еще довольно молодая, съ пріятною наружностью и талантомъ. Роли: Клариссы во 2-й и Аннеты въ 3-й пьесѣ, исполнила съ большимъ стараніемъ. Голосъ имѣетъ небольшой, но довольно пріятный. Въ 3-й пьесѣ г-жа Ленская танцевала *качуцу*, и по требованію публики должна была повторить ее, равно какъ и нѣкоторые куплеты. Вызвана два раза.

Г-жа Красовская, молодая актриса съ хорошею наружностью, но какъ замѣтно, еще недавно на сценѣ. Роль Евгеніи во 2-й пьесѣ передана ею незначительно. При усиленномъ съ ея стороны стараніи, она, со-временемъ, можетъ быть недурною актрисою. Жаль, что природа не надѣлила г-жу Красовскую пріятнымъ и нѣжнымъ голосомъ, столь необходимымъ для сцены.

Спектакль 15 апрѣля. 1-й) *Хочу быть актрисой, или*

двое за шестерыхъ, водевиль. 2-й) Артистъ, пѣвецъ и фигурантъ, водевиль. 5-й) Мерзъ по выборамъ, или смѣльчакъ поневолю, водевиль.

Г. Красовскій участвовалъ во всѣхъ трехъ пьесахъ; водевиль безъ него разыгранъ быть не можетъ. Въ 1-й пьесѣ, которая, сказать мимоходомъ, была очень кстати, чтобы въ началѣ сезона, раскрывая закулисныя тайны, предупредить публику о трудностяхъ и неприятностяхъ, сопряженныхъ съ званіемъ актера; — въ этой пьесѣ, г. Красовскій игралъ Герасима Васильевича Охова. Во 2-й, явился онъ на сцену въ роли Эдуарда, а въ 3-й въ роли г. Пишо. Выборъ этихъ пьесъ, въ одно представленіе, весьма неудаченъ: во 1-хъ, всѣ три пьесы старыя; во 2-хъ, три водевиля сряду очень утомляютъ; — и въ 3-хъ, первыя двѣ пьесы однородныя по сюжету; а именно, въ обѣихъ главный интересъ основанъ на переодѣваніи; — притомъ г. Красовскій въ первыхъ явленіяхъ обѣихъ пьесъ былъ одинаково костюмированъ; — можно бы, кажется, разнообразить его, снявъ *по-крайней-мѣрѣ* часовую *цѣпочку*. Что касается до исполненія ролей, то исключая первую пьесу, сыгранную довольно натурально, можемъ повторить замѣченное нами при первомъ спектаклѣ, а именно: что г. Красовскій фарситъ слишкомъ много; при частыхъ прибауткахъ и повтореніяхъ, по-нѣскольку разъ, одной и той же фразы, если она покажется ему эффектною; также весьма однообразна размашистая его походка *à la diable m'emporte* и маханіе руками; но за всѣмъ тѣмъ, онъ оживляетъ спектакль. Г. Красовскій, какъ артистъ съ талантомъ, не долженъ прибѣгать къ балаганнымъ выходкамъ, и потому мы требуемъ, чтобы онъ побольше уважалъ и просвѣщенную публику и себя.

Г. Бѣшенцовъ довольно удачно исполнилъ роль Раймонда во второй пьесѣ и Дюрозеля въ третьей. Когда-то г. Бѣшенцовъ вѣроятно имѣлъ хорошій голосъ. Мы бы совѣтовали ему менѣе растворять ротъ, и не закатывать такъ странно глазъ къверху. Положимъ, въ первомъ спектаклѣ, въ роли Болотникова, разбойника, это не такъ замѣтно, но въ комическихъ и другихъ роляхъ, вовсе не кстати. У него еще одинъ недостатокъ: однообразное, медленное передвижаніе ногъ.

Г. Славинъ, небольшую роль Русселя, профессора декламации (во 2-й пьесѣ) сыгралъ удовлетворительно.

Г. Ланской, во 2-й пьесѣ играть роль Бемоллини, а въ 3-й, по недостатку актера для ролей любовниковъ—Кристофа. Обѣ роли исполнены нехудо; должно, однакожъ, замѣтить одинаковую во всѣхъ роляхъ его походку, почти безъ сгиба въ колѣнахъ, съ выгнутою шею, сторбленною спиною и приподнятыми локтями.

Г-жа Ленская въ роли Вареньки, жены Охова, (въ 1-й пьесѣ), была что называется—*въ своей тарелкѣ*. Съ большою граціею проиѣла она свои куплеты и публика заставила повторить одинъ изъ нихъ. Г-жа Ленская, переодѣтая кухаркою, по натуральности, съ какою эта роль сыграна, была, безспорно царицею спектакля. Замѣчательно въ ней умѣнье держаться на сценѣ. Роль М-ме Мишо, въ 3-й пьесѣ, разыграна г-ю Ленскою гораздо слабѣе. Костюмъ ея былъ очень коротокъ и слишкомъ широкъ, такъ, что каждый ея шагъ, каждый поворотъ казались зрителямъ слишкомъ нескромными. Мы замѣтили въ послѣдней пьесѣ, что г-жа Ленская большая мастерица давать пощечины.

Д-ца Славина явилась въ первый разъ еще на здѣшней сценѣ въ роли *Эмили* (во 2-й пьесѣ), которую исполнила отчетливо и свободно. Изъ нѣсколькихъ продекламированныхъ ею стиховъ, замѣтна хорошая дикція. Молоденькая эта актриса должна приготовить себя къ драматическимъ ролямъ, къ которымъ, повидимому, можетъ имѣть много способности.

Присовокупимъ нѣсколько словъ о зданіи театра. Ложь въ верхнемъ ярусѣ 15; въ нижнемъ 12; кресель 6 рядовъ; сверхъ того мѣста за креслами и галлерей. Зала и ложи, какъ это признаютъ знатоки и самые актеры, устроены отлично; жаль, что этого нельзя сказать о самой сценѣ: авансцена такъ мала, что актеръ находится во все представленіе за аркою и голосъ его теряется въ облакахъ; — а какъ этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ одною перемѣною арки, — то мы совѣтовали бы гг. актерамъ говорить громче, и стараться быть ближе къ зрителямъ. Освѣщеніе на сценѣ недостаточно. Освѣщеніе авансцены свѣчами неудобно и часто производитъ неприятный запахъ; —лучше бы сальныхъ свѣчъ не употреблять

вовсе, а замѣнять ихъ лампами. Занавѣсъ поднимается довольно медленно и съ остановками.

Alexis—Bernard 45.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ.

—

Наша Одесская жизнь болѣе дѣятельна лѣтомъ, нежели зимою. У насъ зимою все идетъ флегматически, какъ-то нехотя, новости въ застоѣ, театръ изрѣдка оживляется какимъ нибудь бенефисомъ, или другой какою нибудь новостью; небуду говорить о виѣшней и внутренней жизни нашего общества — здѣсь не мѣсто, — наше дѣло театръ.

Прошедшій лѣтній сезонъ былъ самый дѣятельный, спектакли шли безпрестанно; на Маломъ театрѣ или Преображенскомъ, тоже были представленія; отъ разныхъ не-театральныхъ спектаклей небыло отдыха, — да въ добавокъ еще концерты и *чрезвычайныя представленія*, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго.

Надолго останутся у насъ въ памяти тѣ вечера, въ которые мы наслаждались игрой М. С. Щенкина и видѣли гг. Живокини и Григорьева 1-го. Мы шлемъ гг. артистамъ еще разъ русское спасибо!

Скучно безъ русскаго театра; наша русская труппа до-сихъ-поръ гоститъ въ Кишиневѣ; говорятъ, она тамъ хорошо принята, — радуемся! — Она этого стоитъ.

Наша итальянская опера теперь одна, однихонька; все разѣхалось и распроцалось. — Г. Родольфъ, тоже какъ и Раппо уѣхалъ въ Константинополь, съ опытами своей *магги*.

Итакъ обратимся къ нашей итальянской оперѣ.—Кто у насъ не слушаетъ оперу, кто у насъ не любитъ ее; гдѣ у насъ не поются россиньевскіе мотивы? — Но прежде, чѣмъ будемъ говорить о нашей оперѣ и театрѣ, скажемъ о самой публикѣ. У насъ нѣтъ опредѣленной публики, у насъ нѣсколько *любителей*, и *масса*. — Эти-то любители и масса, слушаютъ оперу и часто восхищаются ею; но обращаютъ-ли они вниманіе на

исполненіе въ цѣлости? — рѣшительно никакого; имъ это ненужно; имъ давай декораціи, костюмы, дюжины четыре эффектовъ, и съ этимъ они готовы слушать какую угодно музыку. Дѣйствительно, нашъ оркестръ стоитъ вниманія, въ этомъ любители не ошибаются; его съ удовольствіемъ можно слушать. Одна изъ лучшихъ оперъ, какъ по исполненію, такъ и по обстановкѣ на нашей сценѣ: «Эрнани» Верди; до постановки Эрнани, мы восхищались его «Ломбардцами»; но дирекція частыми повтореніями ломбардцевъ такъ намъ наскучила, что ихъ музыка просто надоѣла. Съ особеннымъ интересомъ пошли мы на первое представленіе «Эрнани», или какъ эта опера у насъ называется «Эльвиры Арагонской.» — Обстановка богата, исполненіе партій пѣвцами также хорошо; гибкій, увлекательный голосъ Сеччи-Корси восхищаль всѣхъ, и громкія, долгія рукоплесканія были благодарностью, достойною пѣвицы; — она понравилась намъ въ дуэтѣ (перваго дѣйствія) съ Марини; также въ дуэтѣ (втораго дѣйствія) съ Витали. — Другіе пѣвцы исполняютъ свои партіи, какъ и во всѣхъ другихъ операхъ. — Вторая опера послѣ «Эрнани» по исполненію и обстановкѣ: «Капулетти и Монтеки.» — «Норма» необходимость почти каждаго сезона; въ этой оперѣ Сеччи-Корси увлекательно хороша, трогаетъ до глубины души; *Casta diva* въ ея устахъ магическій потрясаетъ, и вы сами готовы преклонить колѣна съ Друидами, предъ Нормою Сеччи-Корси; или когда Сеччи-Корси взываетъ къ Полліону: *qual cor tradisti, qual cor perdesti*, сколько драматизма и силы въ ея игрѣ; потомъ вамъ слышатся: *Padre!... Addio!...*

Дальше слѣдуютъ: *Лучія Ламермурская*, *Эдмбургская темница*, *Марино Фаліеро*, *Отелло*, *Лукреція Борджіа*, *Севильскій Цирюльникъ* и еще нѣкоторыя оперы. — Всѣ эти оперы поставлены и поются безъ всякаго различія одна отъ другой.

Maestro нашей оперы, г. Графиньи (*Graffigni*) поставилъ свою оперу «*Эстеръ Энгади*» въ двухъ дѣйствіяхъ. — Поздравьте, господа, музыкальный миръ съ новымъ композиторомъ; исторія оперы когда нибудь внесетъ имя его въ свои скрижали. *Эстеръ Энгади* вторая опера г. Графиньи; первая, «*Последніе дни Сули*,» поставленная въ прошедшемъ году, давно ему возвращена, еще послѣ втораго представленія. Мы надѣемся, что

не услышимъ больше ни *Эстеръ*, ни третьей его новой оперы, если онъ только напишетъ еще и третью. — Ни одинъ мотивъ не запалъ изъ нихъ въ память, если они только есть въ *Эстеръ Энгади*. Литавры, барабаны, трубы, чуть не оглушили слушателей; не одинъ изъ нихъ бѣжалъ изъ театра, боясь за свои уши.

Опять давали *«Сафо»* и даютъ *Ломбардцевъ*. Бѣдная Сафо, сколько ты вынесла бенефисовъ на своихъ плечахъ! — Предшлагаго еще года, былъ поставленъ *«Петръ Пустынникъ»* Россіни; роль Петра занималъ г. Скалезе; — я только разъ былъ на этой оперѣ, и то съ грустнымъ впечатлѣніемъ вышелъ изъ театра.

Теперь скажемъ собственно о пѣвцахъ и пѣвицахъ нашей итальянской оперы. *Сеччи-Корси* примадонна; игра ея исполнена энергіи и чувства, голосъ, — гибкости и силы; но все не то, что было прежде, голосъ видно не свой братъ; еще маленькій грѣшочекъ, жестикуляція ея въ патетическихъ мѣстахъ иногда смѣшитъ.

Сказеле примадонна, юная, милая пѣвица, съ пріятнымъ, увлекательнымъ голосомъ, на сценѣ ловка, развязна, и съ каждой новой оперой, талантъ ея выказывается съ новою силою.

Граммалья, владѣетъ хорошимъ контральто, и хорошою методой. — Въ роли Ромео (*Капулетти* и *Монтеки*) она восхитительна. — Финальная сцена Ромео съ Джульеттой (*Скалезе*) обаятельно прекрасна; сколько чувства, силы, драматизма, въ этой послѣдней катастрофѣ и какъ въ ней хороши обѣ артистки. —

Берти, какъ опредѣляется ея голосъ, незнаю, — поетъ такъ-себѣ, на сценѣ держится нехорошо, — драматизма въ ея игрѣ нѣтъ никакого.

Гульельмини дополняетъ составъ хористовъ. Иногда является въ незначительныхъ роляхъ,

Марини, баритонъ; нѣтъ, мы не узнаемъ теперь того прежняго Марини, который когда-то восхищалъ насъ въ *«Belisario»* и увлекалъ въ *«Fugioso.»* —

Берлендисъ басъ; его часто слушаешь съ удовольствіемъ. —

Витали теноръ; говорятъ, что онъ теноръ, и самъ онъ это утверждаетъ; но мнѣ кажется, что онъ просто — кричитьъ.

Скалезе, первый басъ и буффо; ни то, ни другое. —

Вольта. Говорятъ, онъ необходимый челоѣкъ для нашей оперы; поэтому, о немъ, какъ о челоѣкѣ необходимости, ни скажемъ ни слова. Роли его: жрецовъ, начальниковъ, докторовъ и м. др.

Граціани буффо; я думалъ, что онъ давно уже не существуетъ, — вообразите мое удивленіе, когда я узналъ о бенефисѣ г. Граціани.

Фрабони и *Витали* 2, въ качествѣ хористовъ, занимаютъ иногда роли, какія имъ слѣдуетъ, т. е. тюремщиковъ, герольдовъ и др. —

Помпелно теноръ, такой же какъ и г. *Санти*, то есть, никуда не годится. Первый дебютировалъ въ *Пуританахъ*, а второй въ «*Робертъ Девере.*» —

Недавно у насъ поставили «*Донъ-Жуана*» Моцарта; эта опера поставлена у насъ, какъ всѣ другія — нѣтъ никакого различія; исполненіе пѣвцами, едва-ли не хуже прочихъ. — *Г. Марини* (Донъ-Жуанъ), такъ дуренъ, какъ ни въ одной оперѣ не бывалъ. — Я пошелъ еще въ другой разъ на Донъ-Жуана; думалъ, что на этотъ разъ лучше пойдетъ — одно и то же. *Сичи-Корси* (Донна-Анна), въ этой роли и еще въ *Отелло* (она исполняетъ Дездемону) не такъ, какъ должна бы быть. Незнаю, что это такое?... Одна только *Скалезе* въ маленькой роли поселянки (Зерлины), очень хороша; удивительная мавера при миломъ голоскѣ.

По-моему мнѣнію, лучше было и не братья за Моцарта; музыка Донъ-Жуана громадная, высокая, ей нуженъ не нашъ оркестръ.

У насъ монтируютъ «*Роберта Дьявола*» Мейербера. — Любо — посмотрѣть и послушать геніальнаго Мейербера.

Былъ у насъ и благородный спектакль, въ пользу бѣдныхъ; не будемъ говорить о самихъ *аматерахъ*, кто они, и какъ играли, — доброе дѣло, какое-бы оно ни было, всегда останется добромъ. — Скажемъ только, что давали «*Наталку Полтавку*» Котляревскаго и польскій водевиль въ одномъ дѣйствіи: «*Нашла коса на камень.*»

Поговариваютъ, что у насъ будетъ основана дирекція *русскаго театра*, и что на содержаніе его будетъ выдаваться сумма изъ городскихъ доходовъ.

Нужно прибѣгнуть будетъ съ просьбой къ господину Апол-

лону: пошли намъ хорошую русскую труппу, съ достоинствами прежней нашей труппы, но безъ ея недостатковъ; это такъ легко, наша русская труппа очень хороша, стоитъ ее только пересортировать, да прибавить еще нѣсколько сюжетовъ, да хорошаго антрепренера, или директора, — вотъ и все. Пора-бы намъ, господинъ Аполлонъ, одесситамъ, обзавестись *постояннымъ русскимъ театромъ*; Одесса давно вышла изъ колеи провинціальныхъ городовъ.

W. W.

ТЕАТРЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

Театръ нашъ приобрѣлъ въ продолженіе осени 1846 года нѣсколько новыхъ сюжетовъ, которые заслуживаютъ вниманія; многіе изъ старыхъ нашихъ актеровъ значительно подвинулись впередъ; другіе вовсе исчезли съ нашей сцены; конечно, все это — предметы небольшой важности для другихъ, но для насъ, осужденныхъ жить въ Ярославлѣ, гдѣ каждый часъ, проведенный безъ скуки, считаемъ величайшимъ благодѣяніемъ неба, появленіе новаго актера или актрисы составляетъ почти эпоху.

Изъ новыхъ актеровъ болѣе всѣхъ заслуживаетъ вниманія, по таланту своему, г-нъ *Горевъ*. Онъ прибылъ къ намъ, кажется, изъ Харькова, и хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ: безъ него драмъ и трагедій плохо приходилось на здѣшней сценѣ. Горевъ дебютировалъ въ драмѣ г-на Кукольника «*Скопинъ-Шуйскій*», въ роли *Ляпунова*. Привыкши къ крикамъ и неспотовымъ тѣлодвиженіямъ бывшаго тирана ярославской сцены, г-на *Самойлова*, котораго слава Богу теперь нѣтъ болѣе у насъ, мы были пріятно изумлены кротостію игры Горева. Отъ вачала до конца пьесы онъ былъ хорошъ, а сцена, въ которой онъ

является съ повинной головою къ Шуйскому, была исполнена имъ даже прекрасно. Слабѣ прочихъ прошла у него послѣдняя сцена, съ *Екатериной*; можетъ-быть, онъ утомился или по своему понялъ это мѣсто. Публика доказывала ему свою благодарность вызовами и рукоплесканіями. Природа не поскупилась для Горева: она дала ему хорошій ростъ, звучный голосъ, много жару, а главное—возможность образоваться. Получа хорошее воспитаніе, онъ много читалъ, а потому, можетъ вполне сочувствовать автору пьесы, въ которой участвуетъ. Этотъ лебютъ былъ только началомъ успѣха Горева на нашей сценѣ; изъ прочихъ его ролей я укажу на *Гамлета*, какъ на роль, по моему мнѣнію—труднѣйшую для артиста:—онъ выполнилъ ее весьма не дурно. Нельзя, однако же, не высказать правды: у него были и промахи; наиримѣръ, въ сценѣ, гдѣ онъ убиваетъ *Полонія*, онъ былъ нехорошъ; невозможно допустить, чтобы человекъ могъ убить не содрогнувшись—даже злѣйшаго врага. Горевъ же прикололъ *Полонія* и произнесъ слово мышь такъ равнодушно, какъ будто-бы онъ въ самомъ дѣлѣ зарѣзалъ мышенка. Съ матерью онъ былъ слишкомъ жестокъ; вѣтъ! *Гамлетъ* былъ человекъ съ душою глубоко-любящею, онъ могъ увлекаться справедливымъ гнѣвомъ, но и въ бурныя минуты въ немъ все-таки проглядываетъ сыновнее чувство. Сцена, гдѣ онъ бьется съ *Лартомъ*, прошла тоже вяло, но за то, онъ былъ очень хорошъ, когда оставался одинъ, послѣ перваго свиданія съ тѣнью отца. Во-все время, когда на сценѣ комедіанты даютъ свое представленіе, онъ держалъ себя прекрасно; сколько ненависти было во взглядахъ, которые онъ бросалъ на лядо; хорошо понята и выполнена была имъ сцена съ могильщикомъ. Говоря совершенно безпристрастно, повторяю: много хорошаго въ игрѣ Горева. Послѣ *Гамлета*, онъ выполнилъ роль *Велизарія* и выполнилъ отчетливо. Въ роль *Отелло*, въ немъ было мало африканской крови, но и въ этой пьесѣ были сцены, гдѣ Горевъ приближался къ художественности.

Изъ прочихъ дебютантовъ *Нератовъ*, человекъ очень молодой, съ видной наружностью, хорошимъ голосомъ, въ первый разъ явился перелъ нами въ драмѣ Ободовскаго «*Отецъ и дочь*.» Роль сумасшедшаго выполнена имъ не совсѣмъ дурно, хотя въ немъ замѣтно совершенное незнаніе сцены. Имѣя средства, онъ можетъ быть со-временемъ хорошимъ актеромъ.

Для комическихъ амплуа мы пріобрѣли *Михайлова*, молодого актера, и какъ кажется, не безъ дарованія. Немогу ничего сказать рѣшительнаго про игру его, я еще не вглядѣлся въ нее; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пьесахъ, какъ напримѣръ, въ водевилѣ «*Горе отъ тещи*» роль Зябликова исполняется имъ очень удачно. *Г-жа Кулешева*, пѣвица съ довольно хорошей методой и голосомъ не сильнымъ, но пріятнымъ; жаль только, что игра ея чрезвычайно однообразна. Но совѣтовалъ бы я ей являться въ амплуа молодыхъ наивныхъ дѣвушекъ, напримѣръ въ роли *Кетли*, гдѣ она похожа, незнаю на кого, только никакъ не на простодушную дѣвушку горъ. Нѣтъ, не такую должна быть она, это милое дитя Швейцаріи. *Г-жа Кулешева* въ этой пьесѣ—была жеманною барышнею. Въ «*Гусарской стоян-кѣ*», гдѣ *Ленская* была такъ мила, въ роли Юнкера, рѣзко бросалась въ глаза принужденная игра *Кулешевой*. Амплуа молодыхъ повѣкъ и субретокъ осиротѣло съ тѣхъ поръ, какъ *Ленская* оставила нашу сцену, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ.... Разъ какъ-то въ нынѣшнюю зиму она показалась передъ нами въ бенефисъ своего мужа и доставила публикѣ много удовольствія.

Полную благодарность заслуживаетъ дѣвица *Соловьева*. Такъ быстро идти, какъ она, невозможно, безъ особеннаго старанія и любви къ искусству. Въ первой статьѣ моей объ ярославскомъ театрѣ, помѣщенной въ Пантеонѣ 1846 года, я едва упомянулъ объ ней, потому-что она даже на нашей сценѣ была незамѣтна, а теперь смотришь на нее и любишься. Цѣлую осень и зиму она почти одна играла въ водевиляхъ и комедіяхъ и играла каждый разъ лучше вчерашняго. Нужно только посмотреть на нее въ пьесахъ: «*Дошъ Русскаго Актера*» «*Заколдованный Принцъ*» «*Чертовъ Колпачекъ*» чтобы порадоваться успѣхамъ *Соловьевой*.

Г-жа Голованова является въ роляхъ коварныхъ женщинъ, знатныхъ дамъ, царицъ, и является не безъ успѣха; напрасно она иногда прибѣгаетъ къ усиленнымъ и неестественнымъ тѣлодвиженіямъ, напрасно въ сценахъ горести, она такъ сильно бьетъ кулаками себя по деблою груди, зрачки ея глазъ закатываются подъ-лобъ не всегда кстати, дикція ея иногда тоже бываетъ несогласна со смысломъ словъ; но впрочемъ, ей нельзя

отказать въ талантѣ, хотя небольшомъ, и въ выгодной наружности для сцены.

Г-жа Орлова необходимая актриса: роли кухарокъ и увядшихъ кокетокъ выполняются ею удачно; притомъ, она весьма добросовѣстно поступаетъ съ публикою, и не живетъ въ дружбѣ съ суфлеромъ, что волится за многими изъ здѣшнихъ актеровъ.

Г-жа Нильминова по-прежнему играетъ брюзгливыхъ старухъ и сплетницъ: это ея настоящее амплуа.

Дьвица Смирцова играетъ гораздо лучше прежняго; въ роляхъ *Жены Фауста*, въ драмѣ тогоже имени, *Елены* въ драмѣ «*Велизарій*,» она радуется зрителю игрою, проникнутой чувствомъ и увлеченіемъ.

Дьвицы Славина и Любавская, очень молоденькія актрисы; Богъ знаетъ, что изъ нихъ выйдетъ.

Изъ прежнихъ актеровъ, много успѣлъ *Красовскій*; онъ и прежде былъ не дурень, но часто впалалъ въ фарсы, что теперь случается гораздо рѣже, часто онъ заставляетъ смѣяться отъ души, игрою весьма естественною. Нужно вѣдать его въ «*Цвѣтльсѣи*,» гдѣ онъ играетъ Тряпку; въ «*Гусарской столыкѣ*» въ роли садовника, и наконецъ, въ водевилѣ «*Дайте сдачи, мнѣ не съ-чѣмъ ѣхать съ дачи*»—гдѣ онъ играетъ Гусакова, чтобы согласиться, что у Красовскаго много комизма; но и теперь еще иногда онъ ходитъ, припрыгивая, хлопаетъ глазами, топырится руки; все это подглядывалъ я въ «*Заколдованномъ Принцѣ*,» гдѣ онъ играетъ Ганца-Сапожника. Стыдно г. Красовскому; у него есть комизмъ, онъ видѣлъ Мартынова и послѣ этого все еще рѣшается фарситься.

Г-нъ Ленскій по-прежнему трудится по силамъ и возможности, и потому про него кромѣ хорошаго, сказать ничего нельзя; талантъ его не огроменъ, но быть хорошимъ, сколько можно, вотъ его правило—и за это спасибо.

Г. Барышевъ, занимая амплуа молодыхъ любовниковъ, бываетъ хорошъ, когда ему вздумается—это жаль; твердое знаніе роли онъ не считаетъ необходимостью—это напрасно; тѣмъ болѣе, что у него есть дарованіе. Въ первой статьѣ моей о здѣшнемъ театрѣ, я не упоминалъ о г. *Ланскомъ*, какъ объ актерѣ весьма незамѣчательномъ; но теперь, ознакомясь ближе съ его средствами, я долженъ отдать ему справедливость, у него есть

Односторонняя смѣтка: роли *дураковъ, слугъ и пьмцевъ*, выполняются имъ удачно; но когда онъ является передъ нами маркизомъ или молодымъ франтомъ, онъ сильно смахиваетъ на Гоголевскаго Осипа.

О прочихъ актерахъ скажу—плохи, плохи и плохи.

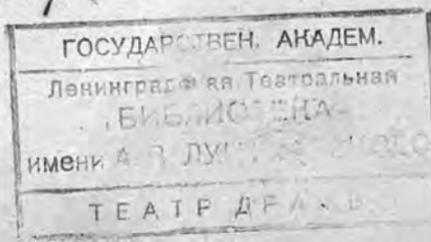
Отдавая должную справедливость всемъ, немогу не посоветовать ярославской труппѣ, чтобы она глубже входила въ роли; подтверже ихъ учила и не опаздывала въ выходахъ, что случается очень часто.

Часто сидя въ театрѣ, думаешь: что, ежели бы незабвенный основатель перваго русскаго театра, ярославецъ Фелоръ Григорьевичъ Волковъ, поднялся изъ могилы, какъ радостно забилось бы его сердце? какъ отрадно было бы ему, что все его добрыя начинанія принялись и выросли. Въмѣсто кожевеннаго амбара, гдѣ онъ въ первый разъ представлялъ съ братьями своими и прикащиками драму *Эсфири*, онъ увидѣлъ бы частый помѣстительный театръ, со всеми удобствами для зрителей, въ которомъ такъ тепло и спокойно сидѣть и откуда иногда выносишь отрадное впечатлѣніе. Хорошо, что у насъ есть человекъ, который душой любитъ сценическое искусство и бьется изъ убѣжденія, что въ Ярославлѣ театръ долженъ быть хорошъ; я говорю о г. Алексѣевѣ. Да, въ этомъ случаѣ нашъ городъ долженъ перещеголять другіе города широкаго русскаго царства.

Вспомнимъ, что первая мысль о русскомъ театрѣ запала въ душу Ярославцу, что мѣсто рожденія нашихъ первыхъ даровитыхъ артистовъ, какъ то: Попова, Шумскаго, Нарыкова (въ послѣдствіи знаменитаго Дмитревскаго), былъ Ярославль. Вспомните, что прямо отсюда, по-волѣ Елисаветы, весь этотъ рассадникъ молодыхъ талантовъ былъ перенесенъ передъ очи царицы,—и заслужилъ полное ея одобреніе.—И послѣ всего этого, неужели найдутся люди, которые холодно и безучастно станутъ смотреть на судьбу ярославскаго театра?

Д. Доводчиковъ.

4967 7017.

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» **выходитъ аккуратно**

15-го числа **каждаго мѣсяца**.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ прило-
женіями, состоящее изъ 12 книжекъ, — 10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на дѣмъ, 11 руб. 50 коп. сер.

Подписка принимается;

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхи-
на, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ
домѣ Завѣтнаго.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на
Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Москов-
скаго Почтамта.

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара
и Пантеона» обращаться къ Редактору, Осодору Алексѣевичу
Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.